

КАТИГОРІИ

АРИСТОТЕЛЯ

НА ГРЕЧЕСКОМЪ И РУССКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.

Переводилъ и объяснялъ

М. Н. Касторскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 15 Ноября 1858 года.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

КАТИГОРІИ АРИСТОТЕЛЯ.

Ходъ философскаго мышленія Грековъ представляетъ такуюже удивительную послѣдовательность, какъ и развитіе ихъ искусства и государственной жизни. Сумма философскаго знанія Грековъ приготовлялась въ теченіе слишкомъ трехъ вѣковъ: Аристотель величайшій и послѣдній изъ мыслителей временъ древнихъ, съ ясностію и съ историческимъ сознаніемъ уразумѣлъ все сдѣланное прежде его и, на своемъ основаніи, изъ греческихъ стихій, воздвигъ зданіе своей философіи, наложивъ на весь трудъ Греціи печать зрѣлости и докончанности.

Мыслящій умъ Грековъ сначала обратился на внѣшнюю природу: при наблюденіи надъ видимымъ міромъ, какой нибудь великій феноменъ поражалъ первыхъ мыслителей; на основаніи наблюденій, а не при помощи какого нибудь закона, выведеннаго a priori, они возводили явленіе по аналогіи въ феноменъ всеобщій и объясняли имъ всѣ другія явленія: отсюда, по заключенію, пришли къ одному началу, безконечному, всеобщему, но еще матеріальному. Началомъ у всѣхъ Іонянъ, которыхъ Аристотель называетъ физіологами (Мет. 1. 3.), была матерія, τὸ ἐξ οὗ, ἡ ὕλη, τὸ ὑποκείμενον, substratum. Θалесъ (р. Х. 640), замѣтивъ единство въ явленіяхъ природы, постановилъ ея вѣчнымъ началомъ воду,

«потому, говоритъ Аристотель, (Мет. 1. 3) что все питается влагою: самая теплота происходитъ отъ влажнаго и влажнымъ поддерживается: а то изъ чего, что происходитъ, есть начало». Анаксимандръ выставилъ за начало какое то вещество неопредѣленное и безконечное, гуще воздуха и рѣже воды; «изъ такого субстрата отдѣляется, говоритъ онъ, противоположность тепла и холода, борьба влаги и сухости»; это начало у него есть начало всякаго бытія и всякаго прехожденія; изъ него раждаются безпредѣльные міры, и въ немъ опять исчезаютъ. Анаксименъ, вмѣсто неопредѣленной матеріи Анаксимандра, взялъ опять чисто матеріальное начало: *воздухъ*, воздухъ безконечный. Заслуга физіологовъ та, что они дошли до понятія безконечнаго, до цѣлаго неизмѣняющагося, но въ которомъ перемѣняютъ форму части, совмѣщаются всѣ внѣшнія различія; физіологи дали единому, которое они поставили за начало, но которое представляли въ видѣ матеріи, внѣшнюю форму и наружное устройство частей чрезъ противоположеніе и, такимъ образомъ, изъ единаго вывели многообразіе. Діогенъ Аполлонійскій изъ матеріальнаго начала Анаксименова, которое онъ считалъ веществомъ подвижнѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ, хотѣлъ сдѣлать даже начало самосознанія.

Пиѳагоръ и его послѣдователи оставили *качество* матеріи, явившейся у физіологовъ въ формѣ воды, воздуха и пр., а обратили вниманіе на *количественность*. Кротоніатскій философъ не спрашивалъ, изъ какой матеріи произошли вещи, но домысливался: какая ихъ сущность? Эта сущность есть у него — форма: формою одна вещь отличается отъ другой; ею опредѣляется матерія. Форма у Пиѳагора выражается — *числомъ:* въ числѣ сущность всѣхъ вещей. Пиѳагорейская философія составляетъ переходъ отъ матеріальной философіи къ философіи умозрительной; начало вещей является не *въ вещественной причинѣ*, но въ опредѣленіи разумномъ, идеальномъ: организація вселенной есть гармоническая система чиселъ и ихъ отношеній. Число Пиѳагора даже не есть матеріальное число, т. е. привязанное къ матеріальнымъ предметамъ, но число его даетъ *существенные* признаки, всеобъемлющія отличія, общія противоположенія въ сущемъ. «Платонъ въ своихъ идеяхъ, говоритъ Аристотель, во многомъ слѣдовалъ Пиѳагору». (Мет. 1. 6). Впрочемъ Пиѳагоръ не остановился на числахъ: дальнѣйшее развитіе его философіи— суть его катигоріи, о которыхъ скажемъ ниже.

Элеаты освободились отъ символической формы мышленія Пиѳагорейцевъ: философія Элеатовъ имѣетъ своимъ содержаніемъ опять природу, но философія ихъ не остается въ предѣлахъ теоріи физики, какъ было у Іонійцевъ. Особенное свойство воззрѣнія Элеатовъ состоитъ въ томъ, что они создали *свой* идеальный міръ, понятый умомъ, τὸ νοούμενον: мышленіе стало въ противоположность съ явленіями; понятія изобрѣтенной ими діалектики противостали міру предметному; Элеаты отказывали міру въ истинномъ бытіи, и превращали его въ ничто, если онъ не уступалъ силѣ разумѣнія: только *единое, постигнутое разумомъ*, стало истинною. Ксенофанъ, смотря на міръ, восклицалъ: «вселенная есть единое»! Парменидъ составилъ ученіе *о единомъ по понятію* (ἓν κατὰ τὸν λόγον); Зинонъ говорилъ; «оставьте существовать явленія: въ явленіяхъ—ихъ ничтожество; явленія — ничто». Мрачный Ираклитъ восклицалъ: «быть—тоже что не быть: все есть и — ничего нѣтъ. Все течетъ, ничто не стоитъ, ничто нигдѣ не остается на одномъ мѣстѣ». — Такъ высказана была противоположность между реальнымъ и идеальнымъ! Пиѳагорова гармонія чувственнаго міра, столь разнообразнаго, погибла, явилось сухое единство, вмѣсто предметовъ конкретныхъ. Начала Элеатовъ были a priori: и ихъ было только два: единство и бытіе. Но міръ явленій сильно говорилъ за себя: начала Элеатовъ не находили адептовъ: тогда Зинонъ, больше другихъ возстававшій противъ явленій, утверждавшій, что, кто приметъ разнообразіе въ движеніи и происхожденіи, тотъ дойдетъ до неразрѣшимыхъ противорѣчій — Зинонъ — сталъ виновникомъ діалектики: діалектика должна была дополнить то, чего въ положительной сторонѣ недоставало философіи Элеатской. Такъ образовалась метода діалектическая, которая умѣла обращаться съ

частными онтологическими понятіями и, которая, стремясь удалиться отъ міра дѣйствительнаго, рано стала извращаться въ игру остроумія и тонкости разума, и проложила дорогу софистикѣ, которой не имѣлъ въ виду ея созерцательный основатель.

«Тогда, восклицаетъ Аристотель, тотъ, кто сказалъ, что въ природѣ и человѣкѣ УМЪ, NOYΣ есть причина устройства и порядка, *явился, какъ трезвый*, сравнительно съ предшественниками, доселѣ пустословившими». «Мы знаемъ, прибавляетъ Арист., что Анаксагоръ первый изрекъ это ученіе».

Съ воззрѣніемъ на умъ, какъ на объясненіе міра и человѣка, умъ признанъ и первымъ двигателемъ вселенной. Доселѣ было много философскихъ началъ: съ этихъ поръ въ основаніи міра и людей лежало одно начало, Всеустрояющій Умъ. Умъ сталъ началомъ и теоретическаго познанія и сужденія о правильномъ и прекрасномъ. Хотя самъ Анаксагоръ въ приложеніи этого начала былъ весьма несчастливъ и вдался въ дуализмъ, но мысль великая имъ высказана; міръ тѣлесный съ своими грубыми стихіями и міръ духовный явились, какъ осуществленная цѣль и результатъ дѣятельности ума.

Это начало высказано было въ Аѳинахъ, гдѣ со времени Мидійскихъ войнъ, при внутреннемъ благосостояніи, процвѣли и искуства: Аѳины избрала своею столицею и философія, которая доселѣ свои главныя мѣста имѣла въ Мал. Азіи и Великой Греціи; со времени Анаксагора и Перикла, вмѣсто прежняго религіозно-политическаго взгляда на природу и ея явленія, утвердился взглядъ, такъ называемый, просвѣщенный: вмѣсто Иліоса, сына Иперіона, брата Зари и Луны, восходившаго изъ океана къ небу, чтобы богамъ и смертнымъ принести свѣтъ, явилось солнце, раскаленная, металлообразная каменная масса; Луна, прелестная, окрыленная, бѣлорукая, съ віющимися кудрями богиня, (Hymn. Hom.), *тихая* обожательница спящаго Эндиміона, стала большимъ мрачнымъ шаромъ, носящимся надъ землею, населеннымъ, какъ полагали, людьми и звѣрями, содержащимъ воды, горы, долины. Анаксагоръ говорилъ, что даже очень возможно, что камни падаютъ

съ Неба. Землетрясенія, затмѣнія солнца и луны, которыя доселѣ массою народа считались непосредственнымъ дѣйствіемъ боговъ, также объяснились изъ естественныхъ причинъ; поэтическія преданія, перешедшія въ народную жизнь, стали простыми аллегоріями (Diog. Laert.). Такъ потрясенъ, измѣненъ образъ мыслей и вѣрованія Еллинскаго народа, который въ явленіяхъ природы доселѣ видѣлъ произведеніе духовныхъ силъ, и который чтилъ ихъ въ человѣческихъ образахъ; теперь вездѣ искали Νοῦν βασιλέα, ума-царя, правившаго міромъ. Анаксагоръ, какъ ἄθεος, обвиненъ въ нечестіи, и спасенъ отъ осужденія только заступничествомъ своего ученика и друга Перикла, но царство ума и мысли возникло, потребность умственнаго образованія возбуждена.

Но какъ люди злоупотребили даромъ небесъ! Послѣ Анаксагора насталъ вѣкъ Софистовъ: на мѣсто ума, котораго господство признано во вселенной, поставленъ бѣдный, корыстный субъективный умъ; вмѣсто истины—призракъ, вмѣсто цѣлей и благъ общихъ—личныя убѣжденія и страсти. Софисты, (имя нѣкогда почтенное, такъ называли Омира и Рапсодистовъ) — ѣздили изъ Великой Греціи въ собственную Грецію, отсюда по островамъ, въ Азійскія колоніи, изъ города въ городъ, изъ гимназіи въ гимназію, учили за деньги, говорили на всякую тему, защищали ее въ одномъ мѣстѣ, опровергали въ другомъ, смотря потому, чего хотѣли слушатели; Софисты брались за всѣ науки, за естественныя и политическія, за математику и филологію. Правда, они удовлетворяли вполнѣ нуждѣ въ общемъ образованіи и соотвѣтствовали духу времени, но характеръ ихъ знанія былъ — произволъ субъективный: мышленіе лишено было основанія; разсуждая о правахъ, обязанностяхъ, законахъ, они искали не понятія, не объясненія, а сочувствія слушателей, восторга рукоплескателей. Горгіасъ, представитель Италійскихъ Софистовъ, выступилъ всенародно въ Олимпіи съ предложеніемъ разсуждать о всякомъ предметѣ на основаніи доводовъ, обучать людей искуству и наукѣ. «Смѣшно обѣщать дѣлать людей умными и нравственными, говорилъ онъ, Есть одно искуство—*краснорѣчіе:* ему готовъ я учить всякаго—

за деньги»! Протагорасъ произнесъ пресловутое изреченіе: «Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей».

Платонъ справедливо оцѣнилъ Софистику, сказавши, что содержаніе ея есть не — былица (οὐκ ὄν): потому что Софисты все разрѣшаютъ по случайнымъ отношеніямъ предмета и постоянно предлагаютъ спорные вопросы. Plat. Theag. «Правда, говоритъ въ свой чередъ Аристотель, Софисты предлагаютъ себя въ учители политическихъ знаній, но они не знаютъ ни основаній политики, ни предметовъ, входящихъ въ кругъ ея; иначе могли ли бы они считать за одно политику и краснорѣчіе? могли ли бы подумать, что собравши нѣсколько законовъ, они могутъ годиться въ законодатели?» Eth. 10. 10. Наконецъ діалектика — изобрѣтеніе Елеатовъ, сдѣлалась страшнымъ оружіемъ въ рукахъ Софистовъ: устранена всякая объективная истина, подкопались всѣ основанія общественной нравственности: религія, нравы, законы; народная толпа забавлялась краснорѣчіемъ и двигалась, а живая, воспріимчивая молодежь усвоивала пріемы софистики, чтобы, въ свое время, съ большею дерзостію и успѣхомъ пользоваться ею на государственномъ поприщѣ. Тогда явился мужъ нравственности — Сократъ, который дерзнулъ мнѣніямъ личнымъ, корыстнымъ, тщеславнымъ противопоставить *общее*, истинное, вѣчное, божественное. Аристотель высказалъ въ нѣсколькихъ словахъ достоинство Сократа (Met. I. VI). «Сократъ училъ началамъ *нравственнымъ*, *не касаясь* нисколько *цѣлаго естества*: но въ нравственномъ онъ искалъ *всеобщаго* и первый обратилъ мысль на опредѣленіе предмета посредствомъ *понятія*». И такъ Сократъ поставилъ *общее* вмѣсто *частнаго!* онъ высказалъ начало великое, истинный процессъ мышленія! и къ Сократу пристали всѣ послѣдующіе мыслители: его направленіе есть направленіе всемірно-историческое; онъ представляетъ новый оборотъ въ исторіи мысли человѣческой: наше внутреннее — общее есть судья всего подлежащаго мысли: умъ Анаксагора нашелъ свое осуществленіе!

Но у Сократа были и недостатки: первый недостатокъ вы-

сказанъ выше Аристотелемъ: Сократъ общую мысль, вѣчное бо-
жественное, ограничилъ одними *цѣлями нравственными*: бла-
гое, какъ цѣль, познавалъ онъ только *въ дѣйствіяхъ человѣ-
ческихъ*, и на это онъ направилъ *знаніе и мышленіе*. Ари-
стотель требуетъ, чтобы всеобщее и истинное, какъ сущность,
обнимало цѣлую природу, весь міръ объективный. Потомъ Со-
кратъ, несмотря на то, что онъ первый указалъ на безконечный
объемъ внутренняго самосознанія; не смотря на то, что онъ вы-
сказалъ, что все предметное подчиняется духовной сферѣ чело-
вѣка, самъ остался внутри какаго-то инстинктивнаго воззрѣнія:
извѣстно, что онъ принималъ свое внутреннее возбужденіе совѣ-
сти или демоніумъ за божескій голосъ; демоніумъ, предостере-
гавшій Сократа отъ злыхъ дѣлъ, является въ формѣ чего-то *внѣ-
шняго въ отношеніи къ нему*, какъ бы въ видѣ домашняго
оракула: этотъ демоніумъ, какъ онъ ни справедливъ, указываетъ,
безъ сомнѣнія, только на его *субъективное я*, для другихъ тем-
ное и не понятное.

Платонъ первый сталъ смотрѣть *на мысль какъ, на сущ-
ность вселенной:* онъ распространилъ начало Сократа, тѣсное,
субъективное, ограниченное имъ сферою самознающаго духа.
«Платонъ принялъ ученіе Сократа въ томъ смыслѣ», продол-
жаетъ Аристотель, (Мет. 1. 6.) что философія должна *искать
всеобщаго*, но искать должно его *во всѣхъ предметахъ*, спо-
собныхъ къ опредѣленію посредствомъ философскихъ понятій».

Платонъ призналъ *всеобщее*, *доброе* субстанціею или су-
щностію *всего міра:* Умственный міръ, по ученію Платона, не
есть какое либо созданіе фантазіи, идеалъ, не касающійся дѣй-
ствительности—нѣтъ! Платонъ говоритъ, что *дѣйствительный*
міръ есть *міръ ума*, потому что субстанціи, οὐσίαι міра, суть
идеи; усіи суть истина міра. «Такое познаніе идей, какъ субстан-
цій міра, говоритъ Платонъ, познается не ученіемъ, но самъ Богъ
внѣдрилъ его въ человѣческій умъ»: извѣстно, что Платонъ уче-
ніе объ идеяхъ считаетъ только дѣломъ *воспоминанія*.

«Общее въ предметахъ, способное къ опредѣленію, говоритъ

Аристотель (Мет. 1. 6.), назвалъ Платонъ идеями и говорилъ, что чувственное существуетъ въ соотвѣтственность идеямъ, и что о чувственномъ говорится только по отношенію къ идеямъ, (κατὰ ταὐτα λέγεται πάντα: т. е. идеи суть общіе предикаты всего чувственнаго). Вещи, которыя обыкновенно носятъ одно имя съ идеями, имѣютъ свою сущность не отъ чего другаго, какъ *отъ участія* ихъ въ идеяхъ. Словомъ: *участіе въ идеяхъ* (μέθεξις) замѣнено у Платона другое слово, употреблявшееся у Пиѳагорейцевъ: Пиѳагорейцы говорили, что вещи существуютъ чрезъ *подражаніе* числамъ». (Μιμήσει τὰ ὄντα εἶναι τῶν ἀριθμῶν. Met ibid)». Итакъ по ученію Платона, если мыслящій разумъ познаетъ, то онъ воспоминаніемъ доходитъ до божественныхъ идей; онѣ, какъ роды и виды существующаго, составляютъ содержаніе науки. Идеи, въ своемъ самостоятельномъ бытіи *стоятъ надъ природою* и служатъ божеству какъ образы при миротвореніи (Tim.); онѣ однѣ истинны, онѣ однѣ составляютъ предметъ философскаго созерцанія. Идеи, осуществляясь въ матеріальномъ мірѣ, мірѣ грубомъ и лишенномъ образности, сопровождаются очертаніемъ, отдѣленіемъ, положеніемъ предѣловъ для предметовъ: эти очертанія и взаимныя отношенія предметовъ суть опять *числа, занятыя Платономъ у Пиѳагорейцевъ*.

Аристотель, царь мыслителей, великій преемникъ Платона, постигъ немедленно, что внѣшній міръ Платона есть только призракъ, явленіе, колебаніе, сфера относительнаго; *участіе* предметовъ въ идеяхъ еще недостаточно для того, чтобы идеи получили свою истинную дѣйствительность. Аристотель, какъ въ другихъ сочиненіяхъ, такъ преимущественно въ метафизикѣ, постоянно обращается къ опроверженію Платоновыхъ идей, и выводитъ, что онѣ суть нѣчто излишнее, произвольно придуманное. Платонъ ничего не сдѣлалъ, какъ только для дѣйствительнаго міра создалъ другой міръ, — міръ идей и понятій общихъ.

Аристотель такъ всеобъемлющъ, такъ мысленно созерцателенъ, какъ никто: онъ находитъ въ мысли нѣчто *богоподобное*. «Справедливо», пишетъ онъ въ первой гл. первой книги Метафи-

зики, «говорятъ тѣ, что философія собственно не есть достояніе человѣческое: природа человѣка часто нисходитъ до служебности, но философія разумно — свободна; при всемъ томъ недостойно человѣка не искать знанія, которое ему по силамъ. (τὴν καθ' αὑτοῦ ἐπιστήμην). Поэты говорятъ, что Боги завистливы, что всѣ стремленія къ выспреннему были несчастны, что Немезида караетъ всѣхъ, кто возвысится надъ міромъ обыденнымъ; она все равняетъ, неуклонно; но я говорю, не можетъ быть, чтобы божество было завистливо: поэты, по пословицѣ, много лгутъ: нѣтъ науки почтеннѣе философіи, а почтенное есть то, что превосходно. Мы почитаемъ Боговъ, потому что они владѣютъ *знаніемъ* а божество есть причина и начало всего, потому божество едино имѣетъ вѣденіе; но недостойно человѣка, *по его силамъ*, хотѣть искать этого высшаго блага, — этого божественнаго вѣденія». Такова философія Аристотеля! И какъ будто всему великому суждено быть предметомъ ложныхъ сужденій! Ни одинъ изъ мыслителей не подвергался наибольшему нареканію, какъ Аристотель. Для многихъ философія Аристотеля и схоластика—тождественны; для многихъ философія Платона и—философія Аристотеля противоположны: Платонъ, говорятъ, идеаленъ, Аристотель—реалистъ, эмпирикъ, поставившій началомъ знанія то, что мы называемъ опытомъ; у Платона идеи въ человѣческомъ духѣ; у Аристотеля душа есть tabula rasa, страдательно принимающая впечатлѣнія изъ внѣшняго міра; а въ Эстетикѣ Аристотель извѣстенъ какъ творецъ трехъ пресловутыхъ единствъ драмы!

И какъ все это противно истинѣ! возмутительно — не вѣрно такое злосчастное сужденіе. Можно подумать, что кто-нибудь прочиталъ только первыя строки Аристотелевой Метафизики: «Всѣ люди побуждаются природою къ пріобрѣтенію познаній: доказательствомъ этого служитъ наша любовь къ воспріятію *впечатлѣній чувственныхъ* и пр. и пр.» и — на этомъ основалъ свой взглядъ объ эмпиризмѣ великаго мыслителя, не давши себѣ труда дочитать до конца той же главы (не книги), изъ которой мною приведены выше слова Аристотеля о божественномъ

елементѣ въ философіи. Нѣтъ, совсѣмъ не таковъ Аристотель: онъ, по обширности взгляда, прочности основанія и глубинѣ созерцательной далеко превосходитъ своего великаго учителя Платона. Аристотель не только созерцателенъ въ мысленно-свободной чистотѣ ума, но, стоя на такой умственной высотѣ мысли, *возноситъ съ собою туда же всю дѣйствительность міра:* она, покоренная мощною силою его мысли, объятая понятіемъ проразумѣвающимъ, приняла сама разумный характеръ. Платонъ не могъ проникнуть міра: вмѣсто того, чтобы обхватить разумнымъ знаніемъ опытъ, вмѣсто того, чтобы, нисшедши въ дѣйствительность, освѣтить ее свѣтомъ философіи, онъ — переходитъ обыкновенно въ миѳъ и, минуя знаніе, восхищаетъ читателя изложеніемъ идей въ миѳическихъ образахъ. Аристотель отбросилъ миѳы: онъ считаетъ ихъ языкомъ младенчествующей философіи. Met. 1. 2. Въ основаніи рѣчи Аристотеля лежитъ понятіе логическое и развитіе философское. Понятіе философское есть основаніе у Аристотеля: онъ всегда держитъ его въ мысли, всегда, говоритъ ли о природѣ, или объ явленіяхъ души или о своихъ выводахъ логическихъ или метафизическихъ. Понятіе философское, развитіе внутренняго смысла предмета покоряетъ весь міръ созерцательному уму: читатель плаваетъ въ морѣ мыслей, не ушедши далеко отъ міра видимаго, который для великаго мыслителя существуетъ *не по участію* въ идеяхъ, но который есть міръ объективный, проникнутый созерцаніемъ и развитый діалектикою истинною.

Идеи Платона, въ своемъ непреходномъ, неизмѣняемомъ, простомъ существѣ, возносясь надъ міромъ, не объясняютъ его; онѣ служатъ божеству, какъ онъ говоритъ, образами при мірозданіи. Аристотель открылъ, что въ идеяхъ Платона нѣтъ того, что бы *двигало эти идеи* изъ ихъ оцѣпенѣлости къ переходу ихъ въ дѣйствительность.

Когда такимъ образомъ совершилось распаденіе міра идеальнаго, то оно перешло въ сознаніе философское: мысль не могла на этомъ успокоиться. Идеѣ, которая сама по себѣ существуетъ,

но не можетъ преобразиться Аристотель приписалъ только *возможность, силу* (δύναμιν, potestatem), но не енергію, не мощь, созидающую бытіе, не дѣйствительность, творящую и творимую (ἐνεργεία ἐν ἔργω). «Положимъ, говоритъ онъ, (Met. 12. 6), что нѣчто, одарено силою и творчествомъ, но, если оно не производитъ дѣйствія, то отъ него не будетъ движенія; тогда будетъ тотъ случай, что нѣчто, имѣющее возможность дѣйствовать, не дѣйствуетъ, хотя бы какія нибудь субстанціи и были вѣчными, какъ Платоновы идеи. Но какая въ нихъ польза, когда начало, способное производить, лишено енергіи»?

На семъ основаніи Аристотель, начавъ съ того, на чемъ кончилъ Платонъ, говоритъ о двухъ формахъ бытія: о бытіи по возможности (κατὰ δύναμιν) и объ енергіи, дѣятельности, дѣйствующей въ матеріи (ἐνεργεία), или опредѣлительнѣе, объ ентелехіи (ἐντελέχεια), которая содержитъ сама въ себѣ цѣль, ея движеніе и осуществленіе. Вотъ главныя виды бытія у Аристотеля: 1) матерія, взятая въ самомъ общемъ смыслѣ; — она соотвѣтствуетъ у Аристотеля *возможности*, δύναμει: но изъ нея внутреннимъ движеніемъ, при посредствѣ *формы*, образуется 2) ентелехія или высшая дѣйствительность: таково напр. государство, которое, членораздѣляясь на свои сословія, само составляетъ свою цѣль, развитіе и осуществленіе цѣли: государство есть ентелехія. Такова наконецъ вся вселенная: она также представляетъ цѣлое, раздробленное на идеи, на частныя отдѣлы и единичныя существа; она стремится къ своей цѣли и осуществляетъ ее въ цѣломъ и частяхъ. Въ неорганической природѣ эта цѣль совпадаетъ съ *необходимостію матеріи*: въ органическихъ живыхъ существахъ цѣль бытія осуществлена въ живой идеѣ, въ живой единицѣ, *душѣ*.

Душа вмѣщаетъ въ себѣ величайшую дѣятельность и цѣль; сообразную съ своимъ собственнымъ существомъ. Эта дѣятельность сначала страдательна, подвержена необходимому вліянію чувственныхъ ощущеній; это есть νοῦς παθητικός; но потомъ воспріятое душею въ видѣ понятій чистыхъ, по Аристотелю, вѣч-

ныхъ, переходитъ въ сознаніе высшее, такъ что душа тогда становится умомъ зиждущимъ (νοῦς ποιητικός), и есть ентелехія. (De anima c. 5.) «Намъ существамъ смертнымъ, говоритъ Аристотель, дано только краткое время — жизнь человѣческая, которая есть-самое лучшее; но жизнь божества-вѣчна. Его дѣятельность есть блаженство: по этому бодрствованіе, чувствованіе и мышленіе есть наивысшее наслажденіе: они противоположны сну. Мышленіемъ *человѣкъ возносится къ* Высочайшему Существу. Должно, чтобы существовало такое Начало, Начало, Коего субстанція есть дѣятельность. Такое существо должно быть не вещественно, потому что оно вѣчно, и вѣчно дѣятельно, между тѣмъ какъ матерія существуетъ только по возможности. Первый двигатель есть Единъ и Онъ долженъ быть вѣчнымъ. Самъ онъ не можетъ быть движимымъ, потому что все движимое, какъ измѣняющееся, не можетъ не сообщать однообразнаго движенія. И такъ первый двигатель есть такое существо, котораго сущность исключаетъ возможность—быть инаковымъ образомъ. Богъ иначе не можетъ быть — какъ онъ есть. Существо Высочайшее просто, необходимо и, поколику необходимо, прекрасно. Симъ необходимымъ существомъ держится небо и природа». Мет. XII. 7.

Вотъ высокая цѣль, къ которой вознеслось мышленіе великаго созерцателя: Богъ, Благое, простѣйшее и чистѣйшее Существо, съ другой стороны восхожденіе человѣка мыслію къ Сему Вѣчному Существу! Великій философъ, имѣя въ душѣ эту высоту мысли, созерцая невещественность Бога, который не можетъ не быть, и который не можетъ быть иначе, владѣя такимъ богатствомъ, такою полнотою мысли объясняетъ все сущее, обхватываетъ мышленіемъ всю природу видимую, обнимаетъ всѣ стороны знанія человѣческаго; постигаетъ начала, отдѣляетъ науки, полагаетъ имъ предѣлы: естественная исторія, математика, философія и политика въ первой разъ нашли свою теорію.

Но творенія Аристотеля, главный источникъ для изученія его философіи, имѣютъ свой характеръ. У Аристотеля нѣтъ прекрасной формы изложенія Платонова; нѣтъ очаровательной, такъ

сказать, болтливой бесѣды, живой, разнообразной, занимательной: языкъ Аристотеля—истый философскій, носящій на себѣ весь типъ серьёзности высшихъ понятій о сущемъ, о мірѣ видимомъ и мысленномъ. Взявшись за понятіе онъ не оставляетъ его, не исчерпавши всего его содержанія, не давши ему мѣста въ ряду философскихъ опредѣленій; часто, развивъ понятіе, онъ входитъ въ него еще глубже и—вводитъ насъ въ самую средину богатствъ мысленныхъ.

Такъ какъ Аристотель никогда не оставляетъ дальняго міра безъ объясненія, но, въ противоположность Платону, возноситъ его въ сферу чистаго мышленія посредствомъ катигорій, посредствомъ другихъ высшихъ опредѣленій, то онъ свои трактаты обыкновенно всегда начинаетъ съ явленій, и на явленіяхъ, какъ на фундаментѣ твердомъ, основываетъ изъясненіе истины; при этомъ занимается обыкновенными мнѣніями людей о разбираемомъ предметѣ, излагаетъ исторію предмета на основаніи ученія своихъ предшественниковъ: этимъ путемъ мы получили прекрасное сокращеніе греческой философіи въ 1-й книгѣ метафизики, когда Аристотель излагалъ ученіе древнихъ о четырехъ философскихъ началахъ. На этой методѣ Аристотеля многіе и остановились и—провозгласили величайшаго мыслителя — грубымъ эмпирикомъ. Но уже при первыхъ пріемахъ великій мыслитель является созерцательнымъ наблюдателемъ вещей, потомъ онъ переработываетъ матеріалъ такъ, что уже выходятъ философски-чистыя положенія. Бываетъ, что иногда Аристотель начинаетъ и всеобщимъ: тогда онъ вникаетъ въ предметъ и тутъ обыкновенный пріемъ его состоитъ въ томъ, что онъ исчисляетъ множество значеній слова, сравниваетъ ихъ, и тѣмъ и исчерпываетъ всѣ стороны понятія; но, онъ хитръ: при мнимо-небрежномъ исчисленіи разныхъ сторонъ предмета, онъ твердо держитъ въ мысли его истинное понятіе.

При этой методѣ, онъ начавши разсуждать о понятіи, до времени, не высказываетъ его истиннаго значенія, не доводитъ его до извѣстнаго начала; отъ этого изложеніе его весьма трудно:

часто не знаешь всего объема содержанія извѣстнаго отдѣла, не ясна связь; читатель плаваетъ среди массы философскихъ понятій, но настоящее, стройное размѣщеніе ихъ усматривается только — послѣ изученія всей системы его философіи: я не знаю автора труднѣе для чтенія и для перевода. Награда для занимающагося Аристотелемъ заключается въ самомъ занятіи, какъ и самъ философъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Та изъ наукъ, которую мы избираемъ *ради ея*, ради одного знанія, есть болѣе мудрость, нежели та, которой ищутъ *ради выгодъ*, отъ науки происходящихъ; философія есть наука господствующая, а не служащая». Мет. 1. 2. Кто занимается Аристотелемъ, тотъ пойметъ странное, повидимому, неудовольствіе великаго ученика Аристотелева, царя Александра. Во время похода своего въ Азію, онъ узналъ, что наставникъ его обнародовалъ акроматическія (метафизическія и созерцательныя) сочиненія. Александръ трогательно укорялъ своего учителя въ одномъ письмѣ: «то, чѣмъ мы занимались вдвоёмъ, тебѣ не надлежало бы выдаватъ въ народъ». Аристотель отвѣчалъ своему царственному ученику: «совершенно все равно, выданы или не выданы мои метафизическія сочиненія!» Aul. Gell. Noctes Att. XX. 55.

Я, нѣсколько лѣтъ, немногое свободное время употреблялъ для перевода и объясненій *Метафизики Аристотеля*, въ убѣжденіи, что, если суждено и въ нашемъ отечествѣ когда либо быть философіи, занятіе ею будетъ благотворно подъ вліяніемъ древнихъ Эллинскихъ мыслителей. Въ борьбѣ съ трудностями, я постоянно нуждался въ объясненіи Аристотеля самымъ же Аристотелемъ. Для того, чтобы исчерпать такія понятія, какъ *ἀρχή, αἰτίον, στοιχειον, φυσις, οὐσία, ἀντικειμένα, πόσον, ποῖον, πρὸς τί* и пр. и пр., мнѣ необходимо было постоянно прибѣгатъ къ его логическимъ сочиненіямъ, составляющимъ Organon и къ самому первому его сочиненію или катигоріямъ, которыя наконецъ у меня изучились сами собою. Сначала, для опыта, я рѣшился издать катигоріи, которымъ я такъ много обязанъ.

Катигоріи суть самыя общія опредѣленія мышленія челов-

ческаго, которыя составляютъ предикаты сущаго вообще. (ἃ τῶν ὄντων κατηγορεῖται). Сравни ниже гл. III. 3. Хотя онѣ входятъ въ органонъ, но онѣ, собственно скорѣе относятся къ метафизикѣ, и именно къ той ея части, которая у новѣйшихъ извѣстна подъ именемъ онтологіи или науки о сущемъ. Пятая и шестая книги метафизики разсматриваютъ также эти понятія и составляютъ дѣйствительно изложеніе онтологіи. Катигоріи слѣдовательно суть и понятія логическія или формальныя, и понятія метафизическія, и суть самыя высшія предикаты и бытія и созерцанія.

Пиѳагорейцамъ принадлежитъ честь постановленія катигоріи. «Кажется, говоритъ Аристотель, ихъ выставилъ Алкмеонъ, уроженецъ Кротоны, хотя неизвѣстно, онъ ли у Пиѳагорейцевъ, или Пиѳагорейцы у него заимствовали это ученіе. Алкмеонъ былъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, когда Пиѳагоръ былъ уже старцемъ. Алкмеонъ говоритъ, что большая часть человѣческихъ вещей существуетъ въ двухъ видахъ, которые онъ называетъ противоположностями: только эти противоположности у него не опредѣлены, какъ у Пиѳагорейцевъ, но онъ бралъ ихъ, какъ онѣ случайно попадались: бѣлое — черное, сладкое — горькое, доброе — злое, малое — великое. Напротивъ Пиѳагорейцы точно опредѣлили сколько этихъ противоположностей, и какія онѣ».

«Нѣкоторые принадлежащіе къ этой школѣ, считаютъ всѣхъ началъ десять, которые они располагаютъ, по соотвѣтственности ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Конечное, безконечное;	πέρας καὶ ἄπειρον,
Нечетъ, четъ;	περιττὸν καὶ ἄρτιον,
Единое, многое;	ἓν καὶ πλῆθος.
Правое, лѣвое;	δεξιὸν καὶ ἀριστερόν.
Мужское, женское;	ἄῤῥεν καὶ θῆλυ.
Спокойное, движущееся;	ἠρεμοῦν καὶ κινούμενον.
Прямое, кривое;	εὐθὺ καὶ καμπύλον.
Свѣтъ, мракъ;	φῶς καὶ σκότος,

Благое, злое;	ἀγαθὸν καὶ κακόν,
Квадратное и образующее неправильный четырехъугольникъ».	τετράγωνον καὶ ἑτερομῆκες».

Аристотель, вмѣсто 20 Пиѳагорейскихъ насчиталъ 10 катигорій, но не высказалъ нигдѣ, почему ихъ необходимо принять 10, ни больше, ни меньше. Кажется, что онъ до этого числа дошелъ наблюденіемъ надъ языкомъ, въ которомъ части рѣчи соотвѣтствуютъ изчисляемымъ у Аристотеля катигоріямъ. Первая катигорія: субстанція, οὐσία, означаетъ самостоятельное, само по себѣ существующее, (по гречески χορίστον, отдѣльно-независимое); она соотвѣтствуетъ въ грамматикѣ имени существительному. Этой катигоріи противостоятъ катигоріи зависимости, (относимыя къ другому, κατ᾽ ἑτέρον), таковы: качественное (ποῖον quale), количественное (ποσον, quantum). Первое соотвѣтствуетъ имени прилагательному, второе имени числительному. Катигорія отношенія πρὸς τί соотвѣтствуетъ степенямъ сравненія и предлогамъ. Катигоріи που, (гдѣ, ubi) и ποτε (когда quando) суть нарѣчія времени и мѣста. Остальныя 4 суть модификаціи глагола.

При чтеніи катигорій встрѣчаются нѣкоторыя не разрѣшимые вопросы. Аристотель съ необыкновенною точностію во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣлъ первыя четыре катигоріи; но почему онъ такъ мало сказалъ о шести остальныхъ, особенно о трехъ послѣднихъ? Послѣдній отдѣлъ небольшаго сочиненія о катигоріяхъ составляютъ такъ называемыя postpraedicamenta, къ которымъ Аристотель перешелъ отъ собственныхъ катигорій, не показавши внутренней связи. Правда, эти добавочныя катигоріи встрѣчаются при опредѣленіи разныхъ сторонъ первыхъ четырехъ катигорій, впрочемъ все таки не понятно, въ какомъ смыслѣ необходимо для уразумѣнія собственныхъ катигорій это новое приращеніе ихъ?— Но самое не понятное есть то, что сочиненіе оканчивается исчисленіемъ разныхъ значеній и употребленія глагола имѣть (ἔχειν, habere). Можно было бы ожидать, что объ этомъ глаголѣ, который составляетъ одну изъ первыхъ десяти катигорій, не будетъ говорено въ послѣднемъ отдѣлѣ сочиненія, въ которомъ разбираются другія добавочныя понятія.

Эти вопросы могутъ быть отчасти разрѣшены показаніемъ отношенія сочиненія о катигоріяхъ къ сочиненію Organon и другимъ отдѣльнымъ трактатамъ Аристотеля. Рѣшенія этой задачи я на этотъ разъ принять на себя не могу.

То достовѣрно однако, что, хотя трактатъ о катигоріяхъ лишенъ ровности изложенія, онъ принадлежитъ несомнѣнно Аристотелю, и носитъ на себѣ ясную печать его методы изслѣдованія.

Э. Профессоръ *М. Касторскій.*

1 Декабря, 1858 г.

***

КАТИГОРІИ

АРИСТОТЕЛЯ.

ΚΑΤΗΓΟΡΙΑΙ

CAPUT I.

Ὁμώνυμα λέγεται, ὧν ὄνομα μόνον κοινόν, ὁ δὲ κατὰ τοὔνομα λόγος τῆς οὐσίας ἕτερος· οἷον ζῶον, ὅ τε ἄνθρωπος καὶ τὸ γε-

КАТИГОРІИ[1]

ГЛАВА I.

1. *Омóнимами*[2], (подобно-имянными) называются такіе предметы, которые имѣютъ только общее имя[3], но у которыхъ понятіе сущности,

1. Позднѣйшіе комментаторы назвали первыя три главы, служащія какъбы введеніемъ въ катигоріи — протеоріею, самыя катигоріи теоріею, а изслѣдованіе, начинающееся съ 10-й главы о противоположномъ, о первѣйшемъ и послѣдствующемъ, о движеніи и пр. — наименовали postpraedicamenta или протеорія. Впрочемъ въ протеоріи не излагается ближайшая цѣль сочиненія: Арист. прямо приступаетъ къ опредѣленію значенія и различія омонимъ, синонимъ и паронимъ. Всегда казалось нѣсколько страннымъ, что великій философъ, въ такомъ сочиненіи, которое занимается столь существенными опредѣленіями сущаго, каковы высшія катигоріи, не опредѣлилъ ни объема его, ни цѣли: онъ нигдѣ и не вывелъ ихъ, какъ сказано, въ послѣдовательности и необходимости ихъ. Кромѣ того, читатель увидитъ, что однѣ катигоріи изложены подробно, о другихъ только упомянуто; а въ концѣ прибавлено къ настоящимъ 10 катигоріямъ еще пять; это, кажется, дѣло чистаго произвола, а не систематической необходимости, хотя и не льзя не сознаться, что всѣ постпредикаменты (изключая катигоріи движенія), употреблены въ этомъ сочиненіи въ анализѣ. Все это объясняется однимъ предположеніемъ, что катигоріи и постпредикаменты Аристотелевы составились мало по малу, по частямъ, какъ отдѣльныя замѣтки.

2. Омóнимы весьма важны въ системѣ Арист. Омóнимами, синонимами онъ не только установляетъ значеніе слова, но и даетъ имъ мѣсто во взаимномъ *подчиненіи* понятій. Ежели Арист. называетъ какія нибудь понятія омонимами (ὁμώνυμα, подобно-имянными), то слѣдуетъ, что о нихъ уже не льзя утверждать что нибудь одно и тоже. Anal. Post. 1. 2. Такъ омонимами онъ называетъ *идеи* и отдѣльныя *чувственныя вещи* у Платона, подводимыя имъ подъ роды и виды (идеи). Мет. 1. 9. Омонимы составляютъ въ діалектикѣ Аристотелевой губительное оружіе.

3. Quorum nomen solum est commune, ad illud vero nomen accommodata definitio determinata substantiae est alia.

γραμμένον. Τούτων γὰρ ὄνομα μόνον κοινόν, ὁ δὲ κατὰ τοὔνομα λόγος τῆς οὐσίας ἕτερος· ἐὰν γὰρ ἀποδιδῷ τις, τί ἐστιν ἑκατέρῳ αὐτῶν τὸ ζῴῳ εἶναι, ἴδιον ἑκατέρου λόγον ἀποδώσει.

2. Συνώνυμα δὲ λέγεται, ὧν τό τε ὄνομα κοινὸν καὶ ὁ κατὰ τοὔνομα λόγος τῆς οὐσίας ὁ αὐτός· οἷον ζῷον, ὅ τε ἄνθρωπος, καὶ ὁ βοῦς. Τούτων γὰρ ἑκάτερον κοινῷ ὀνόματι προσαγορεύεται ζῷον, καὶ ὁ λόγος δὲ τῆς οὐσίας ὁ αὐτός· ἐὰν γὰρ ἀποδιδῷ τις τὸν ἑκατέρου λόγον, τί ἐστιν ἑκατέρῳ αὐτῶν τὸ ζῴῳ εἶναι, τὸν αὐτὸν ἀποδώσει λόγον.

3. Παρώνυμα δὲ λέγεται, ὅσα ἀπό τινος διαφέροντα τῇ πτώσει

соотвѣтствующее имени[4], различно; на пр. мы называемъ животнымъ и человѣка и животное, нарисованное на картинѣ. Въ томъ и другомъ — одно общее — имя, но понятіе (опредѣленіе) соотвѣтствующее имени — совсѣмъ другое: если бы кто захотѣлъ объяснить, ***что*** значитъ для каждаго изъ этихъ двухъ предметовъ «животное», тотъ для того и другаго — долженъ будетъ дать особое опредѣленіе.

2. ***Синóнимами***[5] называются такіе предметы, которые не только носятъ одно и тоже наименованіе, но у которыхъ и понятіе сущности, соотвѣтствующее имени, есть одно и тоже; на пр. «животное» относится и къ человѣку и къ волу; и человѣкъ и волъ носятъ общее наименованіе животнаго: но и понятіе сущности есть одно и тоже: если бы надобно было объяснить это понятіе: т. е. ***что*** значитъ для каждаго изъ этихъ двухъ предметовъ «животное», то надобно дать одно и тоже опредѣленіе.

3. ***Паронимами***[6] именуются тѣ предметы, которые имѣютъ свое прoименованіе отъ другаго прoименованія, отличаясь отъ послѣдняго

4. ὁ κατὰ τοὔνομα λόγος οὐσίας, слово сущности, относящееся къ имени. Слово сущности — есть *опредѣленіе* понятія, definitio, которымъ выражается существенное, *субстанціальное* содержаніе. Срав. VI. прим. 3.

5 συνώνυμα, соименныя. Роды синонимически приличествуютъ видамъ, виды недѣлимымъ. Срав. гл. V. пр. 7 и 13.

6. Παρώνυμα, производныя. Нужны три условія для паронимовъ, замѣчаетъ Симплицій (современникъ Имп. Юстиніана): тождество вещи, тождество имени и различіе окончанія.

την κατὰ τοὔνομα προσηγορίαν ἔχει· οἷον ἀπὸ τῆς γραμματικῆς ὁ γραμματικὸς καὶ ἀπὸ τῆς ἀνδρείας ὁ ἀνδρεῖος.

CAPUT II.

Τῶν λεγομένων τὰ μὲν κατὰ συμπλοκὴν λέγεται, τὰ δὲ ἄνευ συμπλοκῆς. Τὰ μὲν οὖν κατὰ συμπλοκήν· οἷον ἄνθρωπος τρέχει, ἄνθρωπος νικᾷ· τὰ δ' ἄνευ συμπλοκῆς· οἷον ἄνθρωπος, βοῦς, τρέχει, νικᾷ.

2. Τῶν ὄντων τὰ μὲν καθ' ὑποκειμένου τινὸς λέγεται, ἐν ὑποκειμένῳ δὲ οὐδενί ἐστιν· οἷον ὁ ἄνθρωπος καθ' ὑποκειμένου μὲν λέγεται τοῦ τινος ἀνθρώπου, ἐν ὑποκειμένῳ δὲ οὐδενί ἐστι. Τὰ δὲ ἐν ὑποκειμένῳ μέν ἐστι, καθ' ὑποκειμένου δὲ οὐδενὸς

только измѣненіемъ грамматическимъ: такъ грамматикъ называется отъ грамматики, мужественный отъ мужества.

ГЛАВА II.

1. Все то, что говорится, говорится или въ связи, или безъ связи[1]: на пр. говорится въ связи: человѣкъ бѣжитъ, человѣкъ побѣждаетъ; говорится безъ связи: человѣкъ, волъ, бѣжитъ, побѣждаетъ[2].

2. Изъ всего того, что существуетъ[3], иное употребляется какъ обозначеніе какого нибудь субстрата, но само оно не находится въ субстратѣ[4]; на пр. *человѣкъ* употребляется для обозначенія субстрата, опредѣленнаго человѣка, но человѣка нѣтъ въ субстратѣ. Иное есть въ субстратѣ, но само не говорится какъ субстратъ[5]; (подъ словами: *что*

7) κατὰ συμπλοκὴν, ἄνευ συμπλοκῆς; conjuncta, sine conjunctione.

2. Вторый родъ, т. е. когда говорится безъ связи, есть самый простый; что нибудь *говорится*, и только что *говорится*; глубже низойти къ сущему не возможно. Къ этому разряду принадлежатъ катигоріи.

3. τὰ μὲν τῶν ὄντων, eorum quae sunt.

4. καθ' ὑποκειμένου τινὸς λέγεται, ἐν ὑποκειμένω δὲ οὐδενὶ ἐστιν. Alia de subjecto aliquo dicuntur, sed in subjecto nullo sunt. Это суть *видовыя понятія*, или *вторыя* субстанціи. Смотри ниже гл. V. примѣч. 2 и 3. Человѣкъ есть *видъ*, на пр. видъ субстрата — Сократа, человѣка опредѣленнаго.

5. τὰ δὲ ἐν ὑποκειμένω μὲν ἐστι, καθ' ὑποκειμένου δὲ οὐδενὸς λέγεται. Alia vero sunt in subjecto, sed de nullo subjecto dicuntur.

λέγεται· (ἐν ὑποκειμένῳ δὲ λέγω, ὃ ἔν τινι μὴ ὡς μέρος ὑπάρχον, ἀδύνατον χωρὶς εἶναι τοῦ, ἐν ᾧ ἐστιν·) οἷον ἡ τὶς γραμματικὴ ἐν ὑποκειμένῳ μέν ἐστι τῇ ψυχῇ, καθ' ὑποκειμένου οὐδενὸς λέγεται· καὶ τουτὶ τὸ λευκὸν ἐν ὑποκειμένῳ μέν ἐστι τῷ σώματι, (ἅπαν γὰρ χρῶμα ἐν σώματι), καθ' ὑποκειμένου δὲ οὐδενὸς λέγεται. Τὰ δὲ καθ' ὑποκειμένου τε λέγεται καὶ ἐν ὑποκειμένῳ ἐστίν· οἷον ἡ ἐπιστήμη ἐν ὑποκειμένῳ μέν ἐστι τῇ ψυχῇ, καθ' ὑποκειμένου δὲ λέγεται τῆς γραμματικῆς. Τὰ δὲ οὔτε ἐν ὑποκειμένῳ

нибудь есть въ субстратѣ я разумѣю то, ***что*** не можетъ существовать отдѣльно, самостоятельно, безъ того, въ чемъ оно есть[6], потому что оно не составляетъ части субстрата); на пр. наука языка какого нибудь находится въ субстратѣ, т. е. въ душѣ, но наукою извѣстнаго языка не обозначается никакой субстратъ; нѣчто *бѣлое* находится въ какомъ либо субстратѣ, въ тѣлѣ, — всякій цвѣтъ есть въ тѣлѣ — но о бѣломъ не говорится, что оно есть какой либо субстратъ[7].

Иное употребляется для обозначенія субстрата, и само въ субстратѣ находится: на пр. наука находится въ субстратѣ, въ душѣ, и наука служитъ обозначеніемъ субстрата, на пр. грамматики[8]; а иное и не находится въ субстратѣ и не говорится какъ субстратъ[9]: на пр.

6. Ἐν ὑποκειμένω δὲ λέγω, ὃ ἔν τινι μὴ ὡς μέρος ὑπάρχον, ἀδύνατον χώρις εἶναι τοῦ ἐν ᾧ ἐστίν. In subjecto esse dico, quod cum in aliquo non, quasi pars, sit, non potest esse sine eo, in quo est, на пр. *бѣлое*.

7. Т. е. бѣлое не служитъ обозначеніемъ какого нибудь субстрата. Такіе признаки суть *accidentia particularia*.

8. τὰ δὲ καθ' ὑποκειμένα τε λέγεται καὶ ἐν ὑποκειμένω ἐστίν Quaedam et de subjecto dicuntur et in subjecto sunt. Это суть *accidentia universalia*. Случайное есть то, что относится только къ другому, а само не есть самостоятельно, и находится въ другомъ; посредствомъ катигорій оно получаетъ свое опредѣленіе и означеніе.

9. Это суть *первыя субстанціи*. См. ниже гл. V. примѣч. 1. 2. 3. И такъ Арис. различаетъ четвероякое бытіе по 4-мъ признакамъ: 1) καθ' ὑποκειμένου τινὸς λέγεσθαι; 2) καθ' ὑποκειμένου οὐδενὸς λέγεσθαι; 3) Ἐν ὑποκειμένω εἶναι 4) Ἐν ὑποκειμένω οὐδενὶ εἶναι.

Опредѣленія метафизическія здѣсь идутъ рука объ руку съ опредѣленіями логическими и грамматическими: здѣсь соприкасаются по *своему содержанію* три науки: логика, метафизика и грамматика. *Первыя субстанціи* соединяютъ въ себѣ свойство вторыхъ (примѣч. 4) субстанцій: онѣ не суть ни въ какомъ субстратѣ; но первыя субстанціи соединяютъ и свойство частныхъ (выше пр. 7. 8.) случайныхъ: онѣ

ἐστὶν οὔτε καθ᾽ ὑποκειμένου τινὸς λέγεται· οἷον ὁ τὶς ἄνθρωπος, καὶ ὁ τὶς ἵππος· οὐδὲν γὰρ τῶν τοιούτων οὔτε ἐν ὑποκειμένῳ ἐστὶν οὔτε καθ᾽ ὑποκειμένου τινὸς λέγεται. Ἁπλῶς δὲ τὰ ἄτομα καὶ ἓν ἀριθμῷ κατ᾽ οὐδενὸς μὲν ὑποκειμένου λέγεται, ἐν ὑποκειμένῳ δὲ ἔνια οὐδὲν κωλύει εἶναι. Ἡ γὰρ τὶς γραμματικὴ τῶν ἐν ὑποκειμένῳ μέν ἐστι, καθ᾽ ὑποκειμένου δὲ οὐδενὸς λέγεται.

CAPUT III.

Ὅταν ἕτερον καθ᾽ ἑτέρου κατηγορῆται ὡς καθ᾽ ὑποκειμένου, ὅσα, κατὰ τοῦ κατηγορουμένου λέγεται, πάντα καὶ κατὰ τοῦ ὑποκειμένου ῥηθήσεται· οἷον ἄνθρωπος κατὰ τοῦ τινὸς ἀνθρώπου κατηγορεῖται· τὸ δὲ ζῷον κατὰ τοῦ ἀνθρώπου· οὐκοῦν καὶ κατὰ τοῦ

опредѣленный человѣкъ, опредѣленная лошадь: ни то ни другое не находится ни въ какомъ субстратѣ и не употребляется какъ обозначеніе ни для какого другаго субстрата. Вообще недѣлимые предметы и единые по числу не говорятся ни о какомъ субстратѣ, хотя ничто не мѣшаетъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ были въ субстратѣ: наука опредѣленнаго языка находится въ субстратѣ, но она не говорится, какъ обозначеніе, ни о какомъ субстратѣ.

ГЛАВА III.

1. Ежели что нибудь сказуется о другомъ[1], какъ о нѣкоемъ субстратѣ, то все то, что говорится о сказуемомъ, будетъ говориться и о субстратѣ. На пр. о нѣкоемъ извѣстномъ человѣкѣ говорится, что онъ есть человѣкъ; слѣдовательно объ этомъ извѣстномъ человѣкѣ будетъ

ни о чемъ не говорятся. Напротивъ всѣ первые три рода бытія 7. 4. 8, (кромѣ первыхъ субстанцій 9), или *суть въ себѣ* какъ въ субстратахъ, или о субстратахъ говорятся. Отсюда Аристотель выводитъ заключеніе, существенное въ его философіи, что ничего не можетъ быть *внѣ* первыхъ субстанцій, что даже не было бы ничего, если бы ихъ не было. Смотри гл. V. прим. 2 и 3.

1. κατηγορῆται, praedicatur, enunciatur. Сказуемое всегда *обширнѣе* подлежащаго: и такъ сказуемое сказуемаго будетъ необходимо сказуемымъ подлежащаго.

τινὸς ἀνθρώπου τὸ ζῷον κατηγορηθήσεται· ὁ γάρ τις ἄνθρωπος καὶ ἄνθρωπός ἐστι καὶ ζῷον.

2. Τῶν ἑτερογενῶν καὶ μὴ ὑπ᾽ ἄλληλα τεταγμένων ἕτεραι τῷ εἴδει καὶ αἱ διαφοραί· οἷον ζώου καὶ ἐπιστήμης. Ζώου μὲν γὰρ διαφοραὶ τό τε πεζὸν καὶ τὸ δίπουν καὶ τὸ πτηνὸν καὶ το ἔνυδρον· ἐπιστήμης δὲ οὐδεμία τούτων. Οὐ γὰρ διαφέρει ἐπιστήμη ἐπιστήμης τῷ δίπουν εἶναι.

3. Τῶν δὲ γε ὑπ᾽ ἄλληλα γενῶν οὐδὲν κωλύει τὰς αὐτὰς διαφορὰς εἶναι· τὰ γὰρ ἐπάνω τῶν ὑπ᾽ αὐτὰ γενῶν κατηγορεῖται· ὥστε ὅσαι τοῦ κατηγορουμένου διαφοραί εἰσι, τοσαῦται καὶ τοῦ ὑποκειμένου ἔσονται.

CAPUT IV.

Τῶν κατὰ μηδεμίαν συμπλοκὴν λεγομένων ἕκαστον ἤτοι οὐ-

правильно говориться, что онъ есть животное: Этотъ извѣстный человѣкъ есть и человѣкъ, и животное.

4. Если какія либо понятія, относясь къ разнымъ родамъ, не подчинены взаимно другъ другу, то и ихъ отличія по виду различны[2]; на пр. въ животномъ и въ наукѣ. Отличія животнаго суть: земноводное, двуногое, пернатое, и водяное. Наукѣ же не приличествуетъ ни одинъ изъ сихъ признаковъ: ни одна наука не отличается отъ другой тѣмъ, что она есть двуногая. Впрочемъ ничто не мѣшаетъ, чтобы въ родахъ *взаимно подчиненныхъ* были тѣже признаки: тогда признаки высшихъ родовъ будутъ приличествовать тѣмъ родамъ, которые имъ подчинены. И такъ, сколько признаковъ въ сказуемомъ, столько ихъ будетъ и въ субстратѣ[3].

ГЛАВА IV.

5. Все то, о чемъ говорится не въ связи, означаетъ[1] или *субстанцію*, или *количество*, или *качество*, или *отношеніе*, или *гдѣ*,

2. Eterogeneorum, quorum alterum sub altero non collocatur, diversae quoad speciem sunt defferentiae.

3. Quotcnnque attributa defferentiae sunt, totidem etiam subjecti erunt.

1. Здѣсь исчисляются 10 катигорій и относятся логически къ предложенію, но къ предложенію раздѣленному на свои составныя части, или относятся къ тому, что говорится

σίαν σημαίνει, ἢ ποσὸν, ἢ ποιὸν, ἢ πρός τι, ἢ ποῦ, ἢ ποτὲ, ἢ κεῖσθαι, ἢ ἔχειν, ἢ ποιεῖν, ἢ πάσχειν.

2. Ἔστι δὲ οὐσία μὲν, ὡς ἐν τύπῳ εἰπεῖν, οἷον ἄνθρωπος, ἵππος. Ποσὸν δὲ, οἷον δίπηχυ, τρίπηχυ. Ποιὸν δὲ, οἷον λευκὸν, γραμματικόν. Πρός τι δὲ, οἷον διπλάσιον, ἥμισυ, μεῖζον. Ποῦ δὲ, οἷον ἐν ἀγορᾷ, ἐν Λυκείῳ. Ποτὲ δὲ, οἷον ἐχθὲς, πέρυσι. Κεῖσθαι δὲ, οἷον ἀνάκειται, κάθηται. Ἔχειν δὲ, οἷον ὑποδεδέσθαι, ὡπλίσθαι. Ποιεῖν δὲ, οἷον τέμνειν, καίειν. Πάσχειν δὲ, οἷον τέμνεσθαι, καίεσθαι.

3. Ἕκαστον δὲ τῶν εἰρημένων, αὐτὸ μὲν καθ' αὐτὸ, ἐν οὐδεμιᾷ καταφάσει λέγεται ἢ ἀποφάσει· τῇ δὲ πρὸς ἄλληλα τούτων

или *когда*, или *положенie*, или *состоянie*, или *дѣйствie*, или *страданie*.

6. Субстанцiя есть на пр. человѣкъ, лошадь; количество: на пр. два локтя, три локтя въ длину; качество: на пр. бѣлый, знающiй языкъ; отношенie: на пр. двоякiй, половина, бóльшiй; гдѣ: на пр. въ Лицеѣ, на городской площади; когда: на пр. вчера, годомъ раньше; положенie: на на пр. лежитъ, сидитъ; состоянie: на пр. обутъ, вооруженъ; дѣйствie: на пр. разрѣзываетъ, сожигаетъ; страданie: на пр. бываетъ разрѣзываемъ, бываетъ сожигаемъ.

8. Ни одна изъ этихъ категорiй, сама по себѣ взятая, ни утверждаетъ, ни отрицаетъ [2]: только изъ соединенiя нѣсколькихъ категорiй между собою происходитъ утвержденie или отрицанie: потому что вся-

---

безъ связи. См. выше, начало II главы. Тренделенбургъ въ своей брошюрѣ: de categoriis Berol. 1833 доказываетъ, что катигорiи берутъ свой источникъ и начало (fontem et originem) изъ *логическаго* предложенiя и что потому онѣ чужды самимъ вещамъ, или метафизикѣ. Мы выше сказали (II прим. 9), что катигорiи принадлежитъ и логикѣ и метафизикѣ и грамматикѣ. Въ этомъ же сочиненiи Тренделенбургъ опровергнулъ мнѣнie Христiана Петерсона утверждавшаго, что начало катигорiй Аристотелевыхъ должно отнести къ Пиѳагорейцамъ. Два главныхъ опроверженiя суть слѣдующiя a) число 10, число катигорiй Аристотеля, правда встрѣчается и у Пиѳагорейцевъ, но тамъ оно имѣло *таинственный* смыслъ; въ объктивно-разумной философiи Аристотеля совсѣмъ нѣтъ численныхъ тайнъ. b) Если перевести Аристотелевы катигорiи на Пиѳагорейскiя, то послѣднiя или надобно сокращать, или разлагать на многiя катигорiи Аристотеля.

2. Singula, quae dicta sunt, ipsa per se accepta, nec in affirmatione nec in negatione dicuntur.

συμπλοκῇ κατάφασις ἢ ἀπόφασις γίνεται. Ἅπασα γὰρ κατάφασις ἢ ἀπόφασις δοκεῖ ἤτοι ἀληθὴς ἢ ψευδὴς εἶναι· τῶν δὲ κατὰ μηδεμίαν συμπλοκὴν λεγομένων οὐδὲν οὔτε ἀληθὲς, οὔτε ψευδός ἐστιν· οἷον ἄνθρωπος, λευκὸν, τρέχει, νικᾷ.

CAPUT V.

Οὐσία δέ ἐστιν ἡ κυριώτατά τε καὶ πρώτως καὶ μάλιστα λεγομένη, ἣ μήτε καθ' ὑποκειμένου τινὸς λέγεται μήτε ἐν ὑποκειμένῳ τινὶ ἐστιν· οἷον ὁ τὶς ἄνθρωπος καὶ ὁ τὶς ἵππος.

2. Δεύτεραι δὲ οὐσίαι λέγονται, ἐν οἷς εἴδεσιν αἱ πρώτως οὐσίαι λεγόμεναι ὑπάρχουσι· ταῦτά τε, καὶ τὰ τῶν εἰδῶν τούτων γένη· οἷον ὁ τὶς ἄνθρωπος ἐν εἴδει μὲν ὑπάρχει τῷ ἀνθρώπῳ· γένος δὲ

кое утвержденie и всякое отрицанie есть или истинно или ложно; но въ томъ, о чемъ мы говоримъ безъ связи, еще нѣтъ ничего ни истиннаго, ни ложнаго, на пр. человѣкъ, бѣлый, бѣжитъ, побѣждаетъ [3].

ГЛАВА V.

1. Субстанцiя преимущественно, прежде всего и *главнымъ образомъ такъ называемая*, есть та, которая не говорится ни о какомъ субстратѣ, и ни въ какомъ субстратѣ не находится. На пр. *опредѣленный* человѣкъ, или опредѣленная лошадь.

2. *Вторыми* субстанцiями называются во первыхъ *виды*, въ которыхъ, какъ въ своихъ видахъ, существуютъ первыя субстанцiи, выше названныя; во вторыхъ: *роды* этихъ видовъ. На пр. опредѣленный человѣкъ существуетъ въ человѣкѣ, какъ въ своемъ видѣ; родъ этого вида

---

3. Катигорiи исчисляются еще въ Мет. V. 7. но не вполнѣ. «Сущее, само въ себѣ, употребляется въ столькихъ значенiяхъ, сколько есть катигорiй. Всякiй разъ, когда приписываются чему лишь катигорiи, онѣ обозначаютъ *сущее*. Такъ какъ катигорiи означаютъ *что* (субстанцiю), или *качество*, или *количество*, или *отношенie*, или *дѣло* или *страданie*, или *гдѣ*, или *когда*, то сущее значитъ тоже, что каждая изъ этихъ катигорiй». Сравни конецъ предисловiя.

τοῦ εἴδους ἐστὶ τὸ ζῷον· δεύτεραι οὖν αὗται λέγονται οὐσίαι, οἷον ὅ τε ἄνθρωπος καὶ τὸ ζῷον.

3. Φανερὸν δὲ ἐκ τῶν εἰρημένων, ὅτι τῶν καθ' ὑποκειμένου λεγομένων ἀναγκαῖον καὶ τοὔνομα καὶ τὸν λόγον κατηγορεῖσθαι τοῦ ὑποκειμένου· οἷον ὁ ἄνθρωπος καθ' ὑποκειμένου λέγεται τοῦ τινὸς ἀνθρώπου· καὶ κατηγορεῖταί γε καὶ τοὔνομα· τὸν γὰρ ἄνθρωπον κατὰ τοῦ τινὸς ἀνθρώπου κατηγορήσεις καὶ ὁ λόγος δὲ ὁ τοῦ ἀνθρώπου κατὰ τοῦ τινὸς ἀνθρώπου κατηγορηθήσεται· ὁ γάρ τὶς ἄνθρωπος καὶ ἄνθρωπός ἐστι καὶ ζῷον. Ὥστε καὶ τοὔνομα καὶ ὁ λόγος κατὰ τοῦ ὑποκειμένου κατηγορηθήσεται.

есть: животное. Итакъ вторыми субстанціями будутъ виды и роды: человѣкъ и животное.

Изъ сказаннаго ясно, что какъ имя такъ и понятіе того, что говорится о субстратѣ, необходимо принадлежитъ и субстрату. На пр. о субстратѣ, объ опредѣленномъ человѣкѣ, говорится, что онъ—человѣкъ; ему приличествуетъ и имя человѣка: опредѣленный человѣкъ называется человѣкомъ; ему приличествуетъ и понятіе человѣка: опредѣленный человѣкъ есть и *человѣкъ и животное*. И такъ и имя и *понятіе* скажутся о субстратѣ [1].

1. οὐσία, substantia, ἡ κυριώτατα τε καὶ πρώτως καὶ μάλιστα λεγομένη. Quae maxime proprie, et primum, et maxime dicitur. Вторыя субстанціи — δεύτεραι οὐσίαι, secundariae substantiae. Читатель имѣетъ здѣсь предъ глазами одно изъ классическихъ, первѣйшихъ по важности мѣстъ философіи Аристотелевой, или вообще исторіи философіи. Ни въ одномъ мѣстѣ всѣхъ сочиненій Аристотеля такъ ясно и опредѣленно не высказано существо субстанціи. Платону, какъ мы видѣли, не удалось показать перехода идей (родовъ, и видовъ, общаго) въ явленія. Идеи, какъ самостоятельныя субстанціи, какъ независимые, отдѣльные отъ міра образы, не могутъ быть въ основаніи матеріи: должно съ ними разстаться (τὰ εἴδη χαιρέτω, гов Арист.); по нимъ общее было бы внѣ множества; онѣ не содержатъ въ себѣ никакой внутренней реальности. Аристотель субстанціи или усіи, т. е. *истинно сущее по сущности и формѣ*, нашелъ въ томъ же, чего сущность и форма ищется, т. е. въ опредѣленномъ субъектѣ: *въ немъ осуществлено общее*. Вотъ почему у него первая, главнѣйшая сустанція есть нѣчто опредѣленное: *это, вотъ что*, τοδε τί, опредѣленный субъектъ, опредѣленный человѣкъ. «Ежели мы хотимъ опредѣлить понятіе (гов. Арист. VII. Мет.), то *общее*, родъ выражаетъ только *неопредѣленную возможность*, силу, δύναμιν, а ближайшее, специфическое различіе есть тогда сущность и форма; въ свой чередъ *видъ — менѣе субстанція*, чѣмъ *опредѣленный человѣкъ*. Платонъ искалъ субстанціальности въ *общемъ*, Аристотель ищетъ въ

4. Τῶν δὲ ἐν ὑποκειμένῳ ὄντων, ἐπὶ μὲν τῶν πλείστων, οὔτε τοὔνομα, οὔτε ὁ λόγος κατηγορεῖται τοῦ ὑποκειμένου· ἐπ' ἐνίων δὲ τοὔνομα μὲν οὐδὲν κωλύει κατηγορεῖσθαί ποτε τοῦ ὑποκειμένου· τὸν δὲ λόγον, ἀδύνατον. Οἷον τὸ λευκὸν ἐν ὑποκειμένῳ ὂν τῷ σώματι κατηγορεῖται τοῦ ὑποκειμένου· (λευκὸν γὰρ τὸ σῶμα λέγεται)· ὁ δὲ λόγος ὁ τοῦ λευκοῦ οὐδέποτε κατὰ τοῦ σώματος κατηγορηθήσεται.

5. Τὰ δὲ ἄλλα πάντα ἤτοι καθ' ὑποκειμένων λέγεται τῶν

4. Напротивъ изъ всего того, что въ субстратѣ находится, большею частію, нельзя субстрату приписать ни имени, ни понятія. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ничто не препятствуетъ приписать имя субстрату, но совершенно невозможно приписать ему самаго понятія, заимствованнаго отъ признаковъ, въ немъ заключающихся. Напр. бѣлое, находящееся въ субстратѣ — въ тѣлѣ, приписывается субстрату, (и мы называемъ тѣло бѣлымъ), но общаго понятія бѣлаго никакъ неможетъ быть приписано тѣлу.

5. *Все остальное* [2] приписывается первымъ субстанціямъ какъ

отдѣльномъ существѣ (не чувственномъ, но понятомъ чрезъ опредѣленіе). Но опре-
дѣленнаго существа *основаніе* есть общее, общія понятія; вотъ почему *частное*, объяс-
ненное *общимъ*, есть у Аристотеля ентелехія, въ которой, какъ въ цѣли, *осуществлено*
понятіе. — Какъ ни желалъ я передать слово *субстанція*, усія, словомъ русскимъ, но
долженъ былъ наконецъ прибѣгнуть къ термину Латинскому, впрочемъ искони употребитель-
ному. Назвать усію сущностію? но это будетъ не то: слово сущность (essentia) исклю-
чаетъ ближайшимъ образомъ *форму*: на пр. сущность тяжебнаго дѣла можетъ быть
очень не велика, а форма—цѣлыя стопы. И нельзя сказать, что опредѣленный человѣкъ
есть сущность: для субстанціи нужны и форма и сущность. Не перевести ли словомъ су-
щество? существо значитъ и *сущность* (на пр. существо дѣла въ томъ), значитъ *оно бу-*
детъ и сущее; но эти два значенія такъ различны, что всякій разъ надобно пояснять, въ
какомъ значеніи мы хотимъ употреблять его. Нельзя перевести ни *бытіемъ*, ни *былью*.
Ближе подходятъ слова *бытность* или *суть*, когда послѣднее берется въ видѣ имени
существительнаго, но и *бытность* и *суть* очень слабо очерчены по своей формѣ, ли-
шены опредѣленной образности. Мы имѣемъ слово производное: въ *имени существи-*
тельномъ; оно грамматически соотвѣтствуетъ субстанціи: но какъ сдѣлать изъ этого
прилагательнаго *существительное имя*, выражающее форму и сущность сущаго? —
Увы! да будетъ субстанція!

2. τὰ δ' ἄλλα πάντα, reliqua vero omnia: т. е. *виды, роды, высшія понятія, и аттрибуты случайные*.

πρώτων οὐσιῶν, ἢ ἐν ὑποκειμέναις αὐταῖς ἐστι· φανερὸν δὲ τοῦτο ἐκ τῶν καθ' ἕκαστα προχειριζομένων· οἷον τὸ ζῷον κατὰ τοῦ ἀνθρώπου κατηγορεῖται· οὐκοῦν καὶ κατὰ τοῦ τινὸς ἀνθρώπου κατηγορηθήσεται τὸ ζῷον· εἰ γὰρ κατὰ μηδενὸς τῶν τινῶν ἀνθρώπων, οὐδὲ κατὰ τοῦ ἀνθρώπου ὅλως. Πάλιν τὸ χρῶμα ἐν σώματι· οὐκοῦν καὶ ἐν τινὶ σώματι· εἰ γὰρ μὴ ἐν τινὶ τῶν καθέκαστα, οὐδὲ ἐν σώματι ὅλως. Ὥστε τὰ ἄλλα πάντα ἤτοι καθ' ὑποκειμένων τῶν πρώτων οὐσιῶν λέγεται, ἢ ἐν ὑποκειμέναις αὐταῖς ἐστι. Μὴ οὐσῶν οὖν τῶν πρώτων οὐσιῶν, ἀδύνατον τῶν ἄλλων τι εἶναι.

6. Τῶν δὲ δευτέρων οὐσιῶν μᾶλλον οὐσία τὸ εἶδος τοῦ γένους ἐστίν· ἔγγιον γὰρ τῆς πρώτης οὐσίας ἐστίν. Ἐὰν γὰρ ἀποδιδῷ τις

субстратамъ, или все содержится въ нихъ какъ въ субстратахъ. Это ясно изъ того, что замѣчено было нами объ отдѣльныхъ предметахъ: на пр. жизнь приличествуетъ и опредѣленному человѣку: *ежели она не будетъ приличествовать опредѣленнымъ людямъ, то не будетъ приличествовать и человѣку вообще*. Еще: цвѣтъ содержится въ тѣлѣ; слѣдовательно и въ опредѣленномъ тѣлѣ; ежели его нѣтъ ни въ какомъ опредѣленномъ тѣлѣ, то его нѣтъ и вообще въ тѣлѣ. Слѣдовательно, *все остальное* или говорится о первыхъ субстанціяхъ, субстратахъ, или существуетъ въ нихъ какъ въ субстратахъ. Если первыя субстанціи не существуютъ, то не возможно, чтобы что нибудь изъ *другаго остальнаго* существовало[3].

6. Между вторыми субстанціями, видъ есть болѣе субстанція, нежели родъ[4] такъ какъ видъ ближе къ первой субстанціи. Если

3. Ergo, nisi primae substantiae sint, ceterarum rerum nihil esse potest. Примѣч. 2 и 3 текста показываютъ, на какомъ основаніи Аристотель первою субстанціею называетъ: *опредѣленное недѣлимое*. Если нѣтъ предметовъ отдѣльныхъ, то нѣтъ ничего: ни видовъ, ни родовъ, никакихъ понятій высшихъ, существенныхъ и случайныхъ — внѣ недѣлимыхъ предметовъ; ежели жизнь (понятіе родовое животнаго) не приличествуетъ субстрату, отдѣльному человѣку, то не будетъ приличествовать и человѣку, не будетъ ни животнаго, ни существа; если нѣтъ первыхъ субстанцій, то нѣтъ ничего другаго. Сюда принадлежитъ примѣч. 9-е второй главы и текстъ.

4. Не даромъ обозначаются въ опредѣленіи логическомъ первыя субстанціи ближайшими признаками, крайними видовыми различіями, потому что все общее, относительно къ недѣлимому, неопредѣленно; общее есть только сила, возможность, условіе; недѣлимое

τὴν πρώτην οὐσίαν τί ἐστι, γνωριμώτερον ἂν καὶ οἰκειότερον ἀποδώσει τὸ εἶδος ἢ τὸ γένος ἀποδιδούς· οἷον τὸν τινὰ ἄνθρωπον ἀποδιδούς, γνωριμώτερον ἂν ἀποδοίη, ἄνθρωπον ἀποδιδοὺς ἢ ζῷον· τὸ μὲν γὰρ ἴδιον μᾶλλον τοῦ τινὸς ἀνθρώπου, τὸ δὲ κοινότερον· καὶ τὸ τὶ δένδρον ἀποδιδούς, γνωριμώτερον ἀποδώσει, δένδρον ἀποδιδούς, ἢ φυτόν.

7. Ἔτι αἱ πρῶται οὐσίαι διὰ τὸ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν ὑποκεῖσθαι, καὶ πάντα τὰ ἄλλα κατὰ τούτων κατηγορεῖσθαι, ἢ ἐν αὐταῖς εἶναι, διὰ τοῦτο μάλιστα οὐσίαι πρῶται λέγονται. Ὡς δέ γε αἱ πρῶται οὐσίαι πρὸς τὰ ἄλλα πάντα ἔχουσιν, οὕτω καὶ τὸ εἶδος πρὸς τὸ γένος ἔχει· ὑπόκειται γὰρ τὸ εἶδος τῷ γένει· τὰ μὲν γὰρ γένη κατὰ τῶν εἰδῶν κατηγορεῖται· τὰ δὲ εἴδη κατὰ τῶν γενῶν

намъ нужно объяснить существо первой субстанціи, то мы достигнемъ этого понятнѣйшимъ и естественнѣйшимъ образомъ, назвавши видъ ея, а не родъ; на пр. если мы хотимъ опредѣлить извѣстнаго человѣка, то мы сдѣлаемъ это гораздо яснѣе, сказавши: что онъ есть человѣкъ, нежели сказавши, что онъ есть животное; первое свойственнѣе опредѣленному человѣку, второе общѣе. Если мы хотимъ опредѣлить извѣстное дерево, то мы сдѣлаемъ это яснѣе, сказавши, что оно есть дерево, нежели сказавши, что оно есть растеніе.

7. Наконецъ первыя субстанціи, именно потому что онѣ для всего остальнаго лежатъ въ основаніи, какъ субстраты[5], и что все остальное имъ приписывается, или есть имъ присуще, называются преимущественно субстанціями. Въ какомъ отношеніи первыя субстанціи состоятъ ко всему остальному, въ такомъ отношеніи состоитъ видъ къ роду, потому что видъ лежитъ въ основаніи рода: роды сказуются о видахъ, но не на

— дѣйствительность, но дѣйствительность такая, въ которой витаетъ разумное-общее. Философія Аристотеля есть ***метафизическій монадизмъ или атомизмъ*** (не матеріальный).

5. διὰ τοῦτο μάλιστα οὐσίαι λέγονται; propterea maxime substantiae dicuntur. Повтореніе того же. Все остальное — составляютъ случайные аттрибуты и высшіе роды. Посему по меньшему или большему удаленію отъ индивидуальной субстанціи опредѣляется большее или меньшее содержаніе субстанціальнаго.

6. Т. е. видъ есть субстанція для рода.

οὐκ ἀντιστρέφει· ὥστε καὶ ἐκ τούτων τὸ εἶδος τοῦ γένους μᾶλλον οὐσία.

8. Αὐτῶν δὲ τῶν εἰδῶν ὅσα μή ἐστι γένη, οὐδὲν μᾶλλον ἕτερον ἑτέρου οὐσία ἐστίν· οὐδὲν γὰρ οἰκειότερον ἀποδώσει κατὰ τοῦ τινὸς ἀνθρώπου τὸν ἄνθρωπον ἀποδιδούς, ἢ κατὰ τοῦ τινὸς ἵππου τὸν ἵππον.

9. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν πρώτων οὐσιῶν οὐδὲν μᾶλλον ἕτερον ἑτέρου οὐσία ἐστίν· οὐδὲν γὰρ μᾶλλον ὁ τὶς ἄνθρωπος οὐσία ἐστὶν, ἢ ὁ τὶς βοῦς.

10. Εἰκότως οὖν μετὰ τὰς πρώτας οὐσίας μόνα τῶν ἄλλων τὰ εἴδη καὶ τὰ γένη δεύτεραι οὐσίαι λέγονται· μόνα γὰρ δηλοῖ τὴν πρώτην οὐσίαν τῶν κατηγορουμένων. Τὸν γὰρ τινα ἄνθρωπον ἐὰν ἀποδιδῷ τις, τί ἐστι, τὸ μὲν εἶδος ἢ τὸ γένος ἀποδιδούς, οἰκείως

оборотъ — виды о родахъ. И такъ видъ есть болѣе субстанція, нежели родъ.

8. Изъ самыхъ видовъ, ~~такъ-какъ~~ они не суть роды, нельзя сказать, чтобы одинъ видъ былъ преимущественнѣе субстанціею, нежели другой: мы нисколько не лучше опредѣлимъ извѣстнаго человѣка, сказавши что она человѣкъ (видъ), нежели извѣстную лошадь, сказавши, что она лошадь (тоже видъ).

9. Равно и между самыми субстанціями, одна субстанція не есть больше субстанція, чѣмъ другая: опредѣленный человѣкъ такая же субстанція, какъ и опредѣленный волъ.

10. Справедливо, что послѣ первыхъ субстанцій, изъ всѣхъ другихъ аттрибутовъ случайныхъ, и высшихъ родовыхъ понятій[7], только виды и роды называются вторыми субстанціями, ибо онѣ однѣ изъ всѣхъ сказуемыхъ объясняютъ существо первыхъ субстанцій: если намъ должно сказать объ извѣстномъ человѣкѣ, *что такое* онъ есть,

7. Haec sola inter cetera. Прочее случайное, и высшіе роды. Потому что ближайшіе роды опять подчинены высшимъ родомъ. Арист. говоритъ, что, послѣ первыхъ субстанцій, первые виды, а за ними первые роды — суть вторичныя субстанціи: а случайное, и высшіе роды исключаются: они принадлежатъ къ относительному. Въ прим. 5 гл. I. мы сказали, что постепенность подчиненія въ восхожденіи отъ вида къ роду, выражается синонимически. Тоже говоритъ ниже прим. 13.

ἀποδώσει καὶ γνωριμώτερον ποιήσει ἄνθρωπον ἢ ζῶον ἀποδιδούς· τῶν δὲ ἄλλων πάντων ὅ τι ἂν ἀποδιδῷ τις, ἀλλοτρίως ἔσται ἀποδεδωκώς· οἷον λευκόν, ἢ τρέχει, ἢ ἄλλο ὁτιοῦν τῶν τοιούτων ἀποδιδούς· ὥστε εἰκότως ταῦτα μόνα τῶν ἄλλων δεύτεραι οὐσίαι λέγονται.

11. Ἔτι αἱ πρῶται οὐσίαι διὰ τὸ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν ὑποκεῖσθαι, καὶ τὰ ἄλλα πάντα κατὰ τούτων κατηγορεῖσθαι, ἢ ἐν αὐταῖς εἶναι, κυριώτατα οὐσίαι λέγονται. Ὡς δέ γε αἱ πρῶται οὐσίαι πρὸς τὰ ἄλλα πάντα ἔχουσιν, οὕτω καὶ τὰ εἴδη καὶ τὰ γένη τῶν πρώτων οὐσιῶν πρὸς τὰ λοιπὰ πάντα ἔχει· κατὰ τούτων γὰρ πάντα τὰ λοιπὰ κατηγορεῖται. Τὸν γὰρ τινὰ ἄνθρωπον ἐρεῖς γραμματικόν· οὐκοῦν καὶ ἄνθρωπον καὶ ζῶον γραμματικὸν ἐρεῖς. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων.

12. Κοινὸν δὲ κατὰ πάσης οὐσίας τὸ μὴ ἐν ὑποκειμένῳ εἶναι. Ἡ μὲν γὰρ πρώτη οὐσία οὔτε ἐν ὑποκειμένῳ ἐστὶν, οὔτε καθ᾽ ὑπο-

то мы правильнѣе всего опредѣлимъ его, сказавши, что онъ человѣкъ (видъ), нежели сказавши, что онъ есть животное. Но, если, мимо видовъ, будемъ опредѣлять его какъ нибудь иначе, на пр. если мы скажемъ, что онъ бѣлъ, или бѣжитъ, или что — нибудь подобное, то такое опредѣленіе будетъ неудовлетворительно. И такъ справедливо то, что, мимо всѣхъ случайныхъ аттрибутовъ и высшихъ родовъ, только виды и роды суть субстанціи.

11. Далѣе, первыя субстанціи по той причинѣ именуются *по преимуществу субстанціями*, что онѣ лежатъ въ основаніи для всего другаго, и, что все другое о нихъ говорится, или въ нихъ находится. Слѣдовательно *какъ* относятся первыя субстанціи ко всему остальному, *такъ* относятся роды и виды первыхъ субстанцій ко всему остальному: если мы извѣстнаго человѣка назовемъ грамматикомъ, то мы должны назвать его человѣкомъ вообще и одареннымъ жизнію. Тоже и о другихъ высшихъ понятіяхъ.

12. Всѣ субстанціи имѣютъ общее то, что онѣ не находятся въ субстратѣ: первая субстанція не находится въ субстратѣ и не сказуется

κειμένου τινὸς λέγεται. Τῶν δὲ δευτέρων οὐσιῶν φανερὸν μὲν καὶ οὕτως ὅτι οὐκ εἰσὶν ἐν ὑποκειμένῳ· ὁ γὰρ ἄνθρωπος καθ' ὑποκειμένου μὲν τοῦ τινὸς ἀνθρώπου λέγεται, ἐν ὑποκειμένῳ δὲ οὐκ ἔστιν· οὐ γὰρ ἐν τῷ τινὶ ἀνθρώπῳ ὁ ἄνθρωπος ἐστιν. Ὡσαύτως δὲ καὶ τὸ ζῶον καθ' ὑποκειμένου μὲν λέγεται τοῦ τινὸς ἀνθρώπου, οὐκ ἔστι δὲ τὸ ζῶον ἐν τῷ τινὶ ἀνθρώπῳ. Ἔτι τῶν ἐν ὑποκειμένῳ ὄντων τὸ μὲν ὄνομα οὐδὲν κωλύει κατηγορεῖσθαί ποτε τοῦ ὑποκειμένου· τὸν δὲ λόγον, ἀδύνατον. Τῶν δέ γε δευτέρων οὐσιῶν κατηγορεῖται καὶ ὁ λόγος κατὰ τοῦ ὑποκειμένου καὶ τοὔνομα· τὸν γὰρ τοῦ ἀνθρώπου λόγον κατὰ τοῦ τινὸς ἀνθρώπου κατηγορήσεις· καὶ τὸν τοῦ ζώου δὲ ὡσαύτως· ὥστε οὐκ ἂν εἴη ἡ οὐσία τῶν ἐν ὑποκειμένῳ.

13. Οὐκ ἴδιον δὲ οὐσίας τοῦτο· ἀλλὰ καὶ ἡ διαφορὰ τῶν μὴ ἐν ὑποκειμένῳ ἐστί. Τὸ γὰρ πεζὸν καὶ τὸ δίπουν καθ' ὑποκειμένου μὲν λέγεται τοῦ τινὸς ἀνθρώπου, ἐν ὑποκειμένῳ δὲ οὐκ ἔστιν·

ни о какомъ субстратѣ[8]. Касательно вторыхъ субстанцій также ясно, что онѣ не находятся ни въ какомъ субстратѣ: на пр. *человѣкъ* приписывается субстрату, извѣстному человѣку, но въ субстратѣ человѣкъ не находится: *въ извѣстномъ человѣкѣ* еще нѣтъ *человѣка вообще*; равно живое существо говорится о субстратѣ, объ извѣстномъ человѣкѣ, но живое существо уже не находится въ извѣстномъ человѣкѣ[9]. Далѣе: случается, что иногда названіе содержащагося въ субстратѣ приписывается субстрату, но это никакъ не можетъ случиться съ понятіемъ[10]. Но во вторыхъ субстанціяхъ и понятіе приписывается субстрату и имя; на пр. понятіе человѣка приличествуетъ извѣстному человѣку, равно какъ и понятіе животнаго. По сему, кажется, ясно, что субстанція не относится къ тому, что есть въ субстратѣ.

13. Но это не есть особенность субстанціи: различія также относятся къ тому, чего *нѣтъ* въ субстратѣ: на пр. земнородное и двуногое различія) конечно приписываются субстрату, извѣстному человѣку, но

8. Смотри Глава II. прим. 9.

9. Глава II. прим. 4.

10. См. Глава II. прим. 7. Бѣлое никакъ не можетъ быть обозначеніемъ субстрата: accidens particulare.

οὐδὲ γὰρ ἐν τῷ ἀνθρώπῳ ἐστὶ τὸ δίπουν, οὐδὲ τὸ πεζόν. Καὶ ὁ λόγος δὲ κατηγορεῖται ὁ τῆς διαφορᾶς, καθ' οὗ ἂν λέγεται ἡ διαφορά· οἷον εἰ τὸ πεζὸν κατὰ τοῦ ἀνθρώπου λέγεται, καὶ ὁ λόγος ὁ τοῦ πεζοῦ κατηγορηθήσεται τοῦ ἀνθρώπου· πεζὸν γάρ ἐστιν ὁ ἄνθρωπος.

14. Μὴ ταραττέτω δὲ ἡμᾶς τὰ μέρη τῶν οὐσιῶν ὡς ἐν ὑποκειμένοις ὄντα τοῖς ὅλοις, μή ποτε ἀναγκασθῶμεν οὐκ οὐσίας αὐτὰ φάσκειν εἶναι· οὐ γὰρ οὕτω τὰ ἐν ὑποκειμένῳ ἐλέγετο τὰ ὡς μέρη ὑπάρχοντα ἔν τινι.

оба различія не находятся въ субстратѣ: въ человѣкѣ вообще нѣтъ земнороднаго и двуногаго. Равно и понятіе различія приличествуетъ тому, о чемъ говорится; на пр. ежели земнородное приписывается человѣку, то и понятіе земнороднаго приличествуетъ человѣку: человѣкъ есть нѣкое земнородное животное.[11]

14. Насъ однако не должны запутывать *части* субстанціи, въ томъ отношеніи, какъ будто бы онѣ были въ своихъ цѣлыхъ, какъ въ субстратахъ, и мы какъ будто принуждены сказать: такія цѣлыя не суть субстанціи; совсѣмъ нѣтъ: содержащееся въ субстратѣ не такъ нами опредѣлено, какъ будто бы оно находилось въ чемъ либо, какъ часть[12].

11. Для уразумѣнія этого мѣста надобно имѣть въ виду то. что замѣчено выше гл. II. прим. 4. 5. 6. 7. 8. «Всѣмъ субстанціямъ, говоритъ текстъ, свойственно то, что онѣ не суть ни въ какомъ субстратѣ: τὸ μὴ ἐν ὑποκειμένω εἶναι»; слѣдов. всѣ субстанціи имѣютъ самостоятельное бытіе, и не получаютъ своего существованія отъинуду, какъ это бываетъ съ случайностями (accidentia). Равно случайности не суть общія субстанціи, не суть виды и роды, не смотря па то, что понятіе и имя случайностей (бѣлый, краска) приписывается первымъ субстанціямъ: напротивъ, онѣ служатъ обозначеніемъ субстанціи: для понятія субстанціи не мѣшаетъ то, что общія и частныя случайности приписываются субстрату. Родовыя и видовыя различія (земнородное, двуногое) не суть случайности: они суть предикаты, кои употребляются въ опредѣленіи субстанціи, или въ показаніи существа предмета, но они не находятся въ субстратѣ.

12. Это мѣсто еще не понятнѣе! Припомнимъ, что логическое раздѣленіе и опредѣленіе весьма тѣсно между собою соединены. ***Частями субстанціи*** названы у Аристотеля ***виды и роды*** субстрата. Такъ какъ къ опредѣленію *субстрата* принадлежатъ ***виды***, то виды суть части цѣлаго (καὶ ταῦτα μορία τοῦ ὅλου Phys. 2, 3; τὰ μέρη τὰ ἐν λόγω, части сущія въ опредѣленіи). Далѣе, существенное опредѣленіе *вида* есть родъ, потому родъ содержитъ *часть вида* (τὸ γένος τοῦ εἴδους μέρος). Ежели и виды другъ другу равны и противоположны, то они суть части рода; и на оборотъ если жи-

15. Ὑπάρχει δὲ ταῖς οὐσίαις καὶ ταῖς διαφοραῖς τὸ πάντα συνωνύμως ἐπ' αὐτῶν λέγεσθαι. Πᾶσαι γὰρ αἱ ἀπὸ τούτων κατηγορίαι ἤτοι κατὰ τῶν ἀτόμων κατηγοροῦνται, ἢ κατὰ τῶν εἰδῶν. Ἀπὸ μὲν γὰρ τῆς πρώτης οὐσίας οὐδεμία κατηγορία ἐστί· κατ' οὐδενὸς γὰρ ὑποκειμένου λέγεται. Τῶν δὲ δευτέρων οὐσιῶν τὸ μὲν εἶδος κατὰ τοῦ ἀτόμου κατηγορεῖται· τὸ δὲ γένος καὶ κατὰ τῶν εἰδῶν, καὶ κατὰ τῶν ἀτόμων. Ὡσαύτως δὲ καὶ αἱ διαφοραὶ κατὰ τῶν εἰδῶν καὶ κατὰ τῶν ἀτόμων κατηγοροῦνται. Καὶ τὸν λόγον δὲ ἐπιδέχονται αἱ πρῶται οὐσίαι τὸν τῶν εἰδῶν καὶ τὸν τῶν γενῶν·

(15) Субстанціямъ и различіямъ въ особенности свойственно то, что все отъ нихъ называется синонимически, такъ какъ всѣ сказуемыя отъ нихъ взятыя, приписываются или недѣлимымъ или видамъ[13]: Отъ первой субстанціи не берется ни одно сказуемое[14], такъ какъ первая субстанція не сказуется ни о какомъ субстратѣ. Но во вторыхъ субстанціяхъ, видъ приписывается недѣлимому, а родъ и виду, и недѣлимому. Такимъ образомъ и различія приписываются видамъ и недѣлимымъ. Равномѣрно первыя субстанціи принимаютъ опредѣленіе посредствомъ видовъ и родовъ[15]: такъ какъ все то, что приличествуетъ ска-

вотное (родъ) есть земнородное, водяное, пернатое, то въ животномъ (родѣ) соедержатся виды или любая часть изъ этихъ частей, его составляющихъ. И такъ части суть нѣчто самостоятельное въ цѣломъ, не случайное; онѣ суть части его субстанція; *цѣлое* въ опредѣленіи и раздѣленіи чрезъ свои части дѣлается *členораздѣльнымъ*. Обратимся къ тексту; «такъ какъ части субстанціи (виды и роды) содержатся (при опредѣленіи) въ своихъ субстратахъ, какъ въ цѣлыхъ, то не должно думать, чтобы части, содержащіяся въ субстратѣ, были такъ о редѣлены, будто онѣ, какъ части, содержатся въ другомъ, существуютъ чрезъ другое, и суть слѣдов. случайности, а не субстанціи: цѣлое, какъ состоящее изъ частей и членовъ существенныхъ, изъясняемое опредѣленіемъ, чрезъ исчисленіе родовъ и видовъ, не есть accidens, случайное, а есть субстанція.

13. Смотри примѣч. 7. глава V. и пр. 5 гл. I.

14. Ἀπὸ μὲν γὰρ τῆς πρώτης οὐσίας οὐδεμία ἐστι κατηγορία. a prima substantia est categoria nulla. Тренделенбургъ находитъ здѣсь противорѣчіе «Первыя субстанціи прежде другихъ субстанцій составляютъ катигорію»; но здѣсь катигорія значитъ сказуемое. De interpr. c. 11; Biese: Philosophie des Aristot. 1. §. 59. Въ этомъ смыслѣ употребляется часто и въ organon, гдѣ мы будемъ ложно понимать мысль Аристотеля, если примемъ, что тутъ идетъ рѣчь о какой нубудь катигоріи. Слово катигорія взято, извѣстнымъ образомъ, изъ судебнаго языка аттическаго и значитъ собственно: доносъ, обвиненіе.

15. λόγον, definitionem, см. выше: пр. 12.

καὶ τὸ εἶδος δὲ τὸν τοῦ γένους. Ὅσα γὰρ κατὰ τοῦ κατηγορουμένου λέγεται, τοσαῦτα καὶ κατὰ τοῦ ὑποκειμένου ῥηθήσεται. Ὡσαύτως δὲ καὶ τῶν διαφορῶν λόγον ἐπιδέχεται τά τε εἴδη καὶ τὰ ἄτομα. Συνώνυμα δὲ γε ἦν, ὧν τό τε ὄνομα κοινόν, καὶ ὁ λόγος ὁ αὐτός. Ὥστε πάντα τὰ ἀπὸ τῶν οὐσιῶν καὶ τῶν διαφορῶν συνωνύμως λέγεται.

16. Πᾶσα δὲ οὐσία δοκεῖ τόδε τι σημαίνειν. Ἐπὶ μὲν οὖν τῶν πρώτων οὐσιῶν ἀναμφισβήτητον καὶ ἀληθές ἐστιν, ὅτι τόδε τι σημαίνει. Ἄτομον γὰρ καὶ ἓν ἀριθμῷ τὸ δηλούμενόν ἐστιν. Ἐπὶ δὲ τῶν δευτέρων οὐσιῶν φαίνεται μὲν ὁμοίως τῷ σχήματι τῆς προσηγορίας τόδε τι σημαίνειν, ὅταν εἴπῃ ἄνθρωπος ἢ ζῶον· οὐ

зуемому, то приличествуетъ и субстрату. Точно такъ опредѣленіе посредствомъ различій принимаютъ виды и недѣлимые. Такъ какъ синонимомъ мы назвали то, что имѣетъ общее наименованіе и общее понятіе, слѣдовательно, все заимствованное отъ субстанцій и отъ различій называется синонимически.

(16.) Всякая субстанція означаетъ по видимому: *вотъ это*, *вотъ что*, нѣчто опредѣленное[16]. Что касается первыхъ субстанцій, то несомнѣнно и истинно, что онѣ означаютъ нѣчто опредѣленное: потому что онѣ объемлютъ недѣлимое и единое числомъ. Во вторыхъ субстанціяхъ, кажется, только по формѣ рѣчи мы означаемъ нѣчто опредѣленное[17], когда на пр. мы говоримъ: человѣкъ, животное: но это не спра-

16. τὸ δέ τι συμαίνειν δοκεῖ. Т. е. чувственное, конкретное существо, τόδε τι относится къ чувственному убѣжденію въ бытіи предмета, на который можно указать пальцемъ и сказать: вотъ онъ, вотъ этотъ, τόδε.

17. Od formam appellationis videtur sugnificare το δε τί. Очень понятно, потому что опредѣленное το δε τὶ служитъ для опредѣленія отдѣльнаго, особеннаго предмета; А вторыя субстанціи суть нѣчто общее: τοῦτω δε διαφέρει το καθολου καὶ το ὑποκειμένον τῷ εἶναι τόδε τι ἢ μὴ εἶναι Мет. IX. 7. Впрочемъ и обозначеніе непосредственнаго предмета словами: *это*, *вотъ-это* ни сколько не соотвѣтствуетъ настоящей истинѣ. Если мы чувственное сознаніе заставимъ говоритъ точнѣе, то оно принуждено будетъ молчать. «*Это* есть — на пр. дерево: но этимъ же *это* мы указываемъ также и *не на дерево*, а на домъ, на животное, на всѣ предметы чувственнаго міра: *не это* (другое нѣчто, нежели *указанный сначала* предметъ) есть также *это*. Короче: *это* есть *все*, говорится обо всемъ, между тѣмъ какъ оно должно означать предметъ отдѣльный: *это* есть *всеобщее*, которое содержитъ подъ собою всѣ отдѣльныя *это*. Вотъ

μήν γε ἀληθές· ἀλλὰ μᾶλλον ποιόν τι σημαίνει· οὐ γὰρ ἕν ἐστι τὸ ὑποκείμενον, ὥσπερ ἡ πρώτη οὐσία, ἀλλὰ κατὰ πολλῶν ὁ ἄνθρωπος λέγεται, καὶ τὸ ζῶον.

17. Οὐχ ἁπλῶς δὲ ποιόν τι σημαίνει, ὥσπερ τὸ λευκόν. Οὐδὲν γὰρ ἄλλο σημαίνει τὸ λευκόν, ἀλλ' ἢ ποιόν. Τὸ δὲ εἶδος καὶ τὸ γένος περὶ οὐσίαν τὸ ποιὸν ἀφορίζει· ποιὰν γάρ τινα οὐσίαν σημαίνει. Ἐπὶ πλέον δὲ τῷ γένει, ἢ τῷ εἴδει, τὸν ἀφορισμὸν ποιεῖται· ὁ γὰρ ζῶον εἰπὼν ἐπὶ πλέον περιλαμβάνει, ἢ ὁ τὸν ἄνθρωπον.

18. Ὑπάρχει δὲ ταῖς οὐσίαις καὶ τὸ μηδὲν αὐταῖς ἐναντίον εἶναι. Τῇ γὰρ πρώτῃ οὐσίᾳ τί ἂν εἴη ἐναντίον, οἷον τῷ τινὶ ἀν-

ведливо: мы этимъ означаемъ скорѣе нѣчто качественное, потому что субстратъ не есть нѣчто единое (числомъ, недѣлимое), какъ первая субстанція, но человѣкъ и животное относятся ко многимъ субстратамъ.

17. Впрочемъ здѣсь не говорится, что общія субстанціи имѣютъ достоинство *свойствъ въ простомъ смыслѣ*[18], какъ на пр. когда мы говоримъ; бѣлый; признакъ: бѣлый, не означаетъ ничего больше, какъ качество. Но видъ и родъ опредѣляютъ качество относительно *субстанціи*[19]. Они означаютъ какого ствойства (рода) есть субстанція. Опредѣленію мы даемъ большій объемъ посредствомъ рода, нежели посредствомъ вида: кто говоритъ о животномъ, тотъ обнимаетъ большее, нежели кто говоритъ о человѣкѣ.

18. Въ субстанціяхъ есть еще та особенность, что для нихъ нѣтъ противнаго[20]. На пр. что можно противоположить первой субстанціи, на пр. опредѣленному человѣку или опредѣленному животному? Для

почему Аристотель субстанціями первыми назвалъ *отдѣльные, единственные предметы*: о нихъ говорится *все*.

18. accidentia particularia.

19. Т. е. они содержатъ признаки субстанціальные, существенные. Τὸ δὲ εἶδος καὶ γένος περὶ οὐσίαν τὸ κοινὸν ἀφορίζει. genus autem et species qualitatem circa substantiam determinant.

20. Nihil iis contrarium esse.

θρώπῳ, ἢ τῷ τινὶ ζώῳ; οὐδὲν γάρ ἐστιν ἐναντίον οὐδέ γε τῷ ἀνθρώπῳ, ἢ τῷ ζώῳ οὐδέν.

19. Οὐκ ἴδιον δὲ τῆς οὐσίας τοῦτό ἐστιν, ἀλλὰ καὶ ἐπ' ἄλλων πολλῶν, οἷον ἐπὶ τοῦ ποσοῦ. Τῷ γὰρ διπήχει ἢ τῷ τριπήχει οὐδὲν ἐστιν ἐναντίον, οὐδέ γε τοῖς δέκα, οὐδὲ τῶν τοιούτων οὐδενί· εἰ μή τις τὸ πολὺ τῷ ὀλίγῳ φαίη ἐναντίον εἶναι, ἢ τὸ μέγα τῷ μικρῷ. Τῶν δὲ ἀφωρισμένων ποσῶν οὐδὲν ἐστιν ἐναντίον οὐδενί.

20. Δοκεῖ δὲ ἡ οὐσία μὴ ἐπιδέχεσθαι τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον. Λέγω δέ, οὐχ, ὅτι οὐσίας οὐκ ἔστι μᾶλλον καὶ ἧττον οὐσία· (τοῦτο μὲν γὰρ εἴρηται, ὅτι ἐστίν) ἀλλ' ὅτι ἑκάστη οὐσία τοῦθ', ὅπερ ἐστίν, οὐ λέγεται μᾶλλον καὶ ἧττον· οἷον εἰ ἔστιν αὕτη ἡ οὐσία ἄνθρωπος, οὐκ ἔσται μᾶλλον καὶ ἧττον ἄνθρωπος, οὔτε αὐτὸς ἑαυτοῦ, οὔτε ἕτερος ἑτέρου. Οὐ γάρ ἐστιν ἕτερος ἑτέρου μᾶλλον ἄνθρωπος· ὥσπερ τὸ λευκόν ἐστιν ἕτερον ἑτέρου μᾶλλον καὶ ἧττον

нихъ нѣтъ противнаго. Нѣтъ противнаго и человѣку вообще и животному, вторичнымъ субстанціямъ.

19. Впрочемъ это не есть особенность однихъ субстанцій, но это встрѣчается и въ другихъ катигоріяхъ, на пр. въ количествѣ: тому, что содержитъ въ длину два или три локтя, нѣтъ ничего противоположнаго, десяти и тому под. Конечно можно сказать, что многое противоположно малому и малое многому: во всякомъ случаѣ изъ опредѣленныхъ количествъ, ни одно не противоположно другому[21].

20. Кажется, что субстанція не допускаетъ опредѣленія: *больше, меньше.* Этимъ я не хочу сказать, что одна субстанція не есть больше или меньше субстанція, нежели другая; выше сказано, что это бываетъ. Здѣсь мы полагаемъ, что субстанція, какъ она есть субстанція[22], недопускаетъ сказать, что она есть болѣе или менѣе субстанція. На пр. если эта субстанція есть человѣкъ, то человѣкъ не будетъ болѣе или менѣе человѣкомъ, нежели человѣкъ самъ есть; равно человѣкъ не будетъ болѣе или менѣе человѣкомъ, нежели другой человѣкъ, какъ на пр.

21. Ex definitis quantis. Субстанціи ничто не можетъ быть противопоставлено какъ противное потому, что *противное* есть нѣчто цѣлое, отдѣльное.

22. Ὅπερ у Аристотеля означаетъ то, что предмету существенно приличествуетъ.

λευκόν, καὶ καλὸν ἕτερον ἑτέρου μᾶλλον καὶ ἧττον καλὸν, καὶ αὐτὸ δὲ ἑαυτοῦ μᾶλλον καὶ ἧττον λέγεται· οἷον τὸ σῶμα, λευκὸν ὄν, μᾶλλον λευκὸν λέγεται νῦν, ἢ πρότερον, καὶ θερμὸν ὄν, μᾶλλον θερμὸν, καὶ ἧττον λέγεται. Ἡ δέ γε οὐσία οὐδὲ μᾶλλον οὐσία λέγεται, οὐδὲ ἧττον· οὐδὲ γὰρ ἄνθρωπος μᾶλλον νῦν ἄνθρωπος, ἢ πρότερον, λέγεται· οὐδὲ γε τῶν ἄλλων οὐδεν, ὅσα ἐστὶν οὐσίαι. Ὥστε οὐκ ἂν ἐπιδέχοιτο ἡ οὐσία τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον.

21. Μάλιστα δὲ ἴδιον τῆς οὐσίας δοκεῖ εἶναι τὸ ταὐτὸν καὶ ἓν ἀριθμῷ ὂν τῶν ἐναντίων εἶναι δεκτικόν. Οἷον ἐπὶ μὲν τῶν ἄλλων οὐδὲν ἂν ἔχοι τις τὸ τοιοῦτο προενεγκεῖν, ὅσα μὴ εἰσιν οὐσίαι, ὃ ἓν ἀριθμῷ ὂν δεκτικὸν τῶν ἐναντίων ἐστίν. Οἷον τὸ χρῶμα, ὅ ἐστιν ἓν καὶ ταὐτὸν τῷ ἀριθμῷ, οὐκ ἔσται λευκὸν καὶ μέλαν· οὐδ᾽ ἡ αὐ-

какой нибудь бѣлый предметъ, который конечно бываетъ болѣе или менѣе бѣлъ, нежели другой предметъ; равно что нибудь можетъ быть болѣе или менѣе прекрасно, чѣмъ другое. Говорятъ и объ одномъ и томъ же предметѣ: онъ бываетъ иногда болѣе или менѣе какимъ нибудь, нежели онъ самъ: на пр. бѣлое тѣло теперь, говорятъ, бѣлѣе, чѣмъ оно было прежде; тѣло теплое, говорятъ, тепло болѣе или менѣе. На противъ, о субстанціи мы не можемъ сказать: болѣе или менѣе; о человѣкѣ мы не говоримъ: онъ теперь больше человѣкъ, чѣмъ прежде. Этого нельзя сказать ни о чемъ, что составляетъ субстанцію. (И такъ, кажется, субстанція не допускаетъ опредѣленія: больше, меньше.)

(21. По видимому, одна изъ главныхъ особенностей субстанціи есть та, что она, оставаясь по числу тою же самою и единою[23], способна принять противоположные признаки. О всемъ томъ, что не есть суб-

23. ταὐτον καὶ ἓν ἀριθμῷ ὂν; cum idem et unum numero sit. Что для внѣшняго познанія представляется единымъ. Это тождество и единство противополагается единству видовъ, родовъ и высшихъ понятій. «Тождество бываетъ трехъ родовъ: по числу, виду и роду. *По числу* когда существуютъ разныя названія, но когда эти названія относятся въ основаніи къ одной и той же вещи: напр. верхняя одежда и мантія; *видомъ*, когда предметы, хотя многіе по числу, по видовому понятію не различаются: на пр. человѣкъ тождественъ съ человѣкомъ, лошадь, — съ лошадью: потому что мы говоримъ, что таковые предметы тождественны по виду, входя подъ одинъ видъ. Равно мы говоримъ, что предметы тождественны *по роду*, когда они входятъ подъ одинъ родъ: лошадь по роду тождественна съ человѣкомъ (какъ животное)». Топ. 1. 7.

τὴ πρᾶξις καὶ μία τῷ ἀριθμῷ φαύλη καὶ σπουδαία· ὡσαύτως δὲ
καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων, ὅσα μή εἰσιν οὐσίαι. Ἡ δέ γε οὐσία, ἓν καὶ
ταὐτὸν τῷ ἀριθμῷ ὄν, δεκτικὸν τῶν ἐναντίων ἐστίν· οἷον ὁ τὶς ἄν-
θρωπος, εἷς καὶ ὁ αὐτὸς ὤν, ὁτὲ μὲν λευκὸς, ὁτὲ δὲ μέλας γίνεται·
καὶ θερμὸς καὶ ψυχρός· καὶ φαῦλος καὶ σπουδαῖος.

22. Ἐπὶ δὲ τῶν ἄλλων οὐδενὸς φαίνεται τὸ τοιοῦτον· εἰ μὴ
τις ἐνίσταιτο, τὸν λόγον καὶ τὴν δόξαν φάσκων τῶν ἐναντίων εἶναι
δεκτικά. Ὁ γὰρ αὐτὸς λόγος ἀληθής τε καὶ ψευδὴς δοκεῖ εἶναι.
Οἷον εἰ ἀληθής ἐστιν ὁ λόγος τοῦ καθῆσθαί τινα· ἀναστάντος
αὐτοῦ, ὁ αὐτὸς οὗτος λόγος ψευδὴς ἔσται. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ
τῆς δόξης. Ἂν γάρ τις ἀληθῶς δοξάζῃ τὸ καθῆσθαί τινα· ἀνα-
στάντος αὐτοῦ ψευδῶς δοξάσει τὴν αὐτὴν ἔχων περὶ αὐτοῦ δόξαν.
Εἰ δὲ τις καὶ τοῦτο παραδέχοιτο, ἀλλὰ τῷ γε τρόπῳ διαφέρει. Τὰ
μὲν γὰρ ἐπὶ τῷ οὐσιῶν αὐτὰ μεταβάλλοντα τῶν ἐναντίων δεκτικά
ἐστι. Ψυχρὸν γὰρ ἐκ θερμοῦ γενόμενον μετέβαλεν· (ἠλλοίωται γάρ)·

станція, не возможно сказать этого; не возможно сказать: что нибудь единое по числу можетъ принять противоположное. На пр. цвѣтъ одинъ (по числу) и тотъ же самой, не будетъ бѣлымъ и чернымъ; одно и тоже (по числу) дѣйствіе не будетъ дурнымъ и хорошимъ.)

22. Но кто нибудь можетъ возразить *рѣчь* и *мнѣніе* могутъ принимать противоположное: одна и таже рѣчь кажется истинною и ложною; на пр. если бы слова мои были справедливы, что *кто нибудь сидитъ*, то эти слова въ слѣдъ за тѣмъ будутъ ложны, когда это лице встанетъ съ мѣста. Тоже и о мнѣніи: если бы мы справедливо о комъ нибудь думали, что *онъ сидитъ*, то мы непремѣнно будемъ судить ложно, когда сидѣвшій встанетъ съ мѣста, между тѣмъ мы о немъ будемъ имѣть тоже мнѣніе.

Но если бы мы и захотѣли допустить это возраженіе, есть однако тутъ различие: спрашивается, въ какомъ положеніи и состояніи находится самая субстанція[24]? *что* въ субстанціи самой измѣняется, *что* сама

24. Si quis haec admittat, tamen modo differunt. Т. е. эти предложенія различны, смотря по тому, въ такомъ или другомъ положеніи находится предметъ субстанціи или *кто*.

καὶ μέλαν ἐκ λευκοῦ, καὶ σπουδαῖον ἐκ φαύλου. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ἕκαστον αὐτῶν μεταβολὴν δεχόμενον τῶν ἐναντίων δεκτικόν ἐστιν· ὁ δὲ γε λόγος, καὶ ἡ δόξα, αὐτὰ μὲν ἀκίνητα πάντῃ διαμένει· τοῦ δὲ πράγματος κινουμένου, τὸ ἐναντίον περὶ αὐτὰ γίνεται· ὁ μὲν γὰρ λόγος διαμένει ὁ αὐτὸς τοῦ καθῆσθαί τινα· τοῦ δὲ πράγματος κινηθέντος, ὁτὲ μὲν ἀληθής, ὁτὲ δὲ ψευδὴς γίνεται. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῆς δόξης· Ὥστε τῷ γε τρόπῳ ἴδιον ἂν εἴη τῆς οὐσίας τὸ κατὰ τὴν ἑαυτῆς μεταβολὴν δεκτικὴν τῶν ἐναντίων εἶναι. Εἰ δὲ τις καὶ ταῦτα παραδέχοιτο, τὸν λόγον καὶ τὴν δόξαν δεκτικὰ τῶν ἐναντίων εἶναι, οὐκ ἔστιν ἀληθὲς τοῦτο. Ὁ γὰρ λόγος, καὶ δόξα, οὐ τῷ αὐτὰ δεδέχθαι τι τῶν ἐναντίων εἶναι δεκτικὰ λέγεται, ἀλλὰ τῷ περὶ ἕτερόν τι τὸ πάθος γεγενῆσθαι· τῷ γὰρ τὸ πρᾶγμα εἶναι, ἢ μὴ εἶναι, τούτῳ καὶ ὁ λόγος ἀληθὴς ἢ ψευδὴς εἶναι λέγεται· οὐ τῷ αὐτὸν δεκτικὸν εἶναι τῶν ἐναντίων. Ἁπλῶς γὰρ ὑπ' οὐδενὸς οὔτε ὁ λόγος κινεῖται, οὔτε ἡ δόξα. Ὥστε οὐκ ἂν εἴη δεκτικὰ τῶν ἐναντίων, μηδενὸς [ἐναντίου] ἐν

мое можетъ принимать и противоположное, что стало изъ теплаго холоднымъ, изъ бѣлаго чернымъ, изъ худаго добрымъ, то измѣнилось и сдѣлалось инымъ. Такъ и въ другихъ случаяхъ: все способно принять противоположное, когда само подвергается измѣненію. Напротивъ рѣчь и мнѣніе остаются во всякомъ отношеніи совершенно неизмѣнными; но такъ какъ предметъ движется, то съ нимъ происходитъ и противоположное. Рѣчь, что *кто нибудь сидитъ*, остается таже; но такъ какъ предметъ совершилъ движеніе, то и рѣчь является то истинною, то ложною. Тоже должно сказать и о мнѣніи. И такъ, кажется, что по отношенію субстанціи, она, сообразно своему *собственному измѣненію*, способна принимать противное. Но, если мы и допустимъ, что рѣчь и мнѣніе способны принять противоположное, то это небудетъ справедливо: причина слѣдующая: *если* рѣчь и мнѣніе сами принимаютъ противоположное, если могутъ принять противоположное, *то оттого*, что субстанція подверглась страданію въ томъ или другомъ смыслѣ: *предметъ* есть таковъ или не таковъ, а не рѣчь сама способна принимать противоположное. Просто, ни рѣчь, ни мнѣніе не измѣняются

αὐτοῖς γινομένου πάθους· ἡ δὲ γε οὐσία τῷ αὐτὴν τὰ ἐναντία δέχεσθαι, τούτῳ δεκτικὴ τῶν ἐναντίων εἶναι λέγεται· νόσον γὰρ καὶ ὑγείαν δέχεται καὶ λευκότητα καὶ μελανίαν. Καὶ ἕκαστον τῶν τοιούτων αὐτὴ δεχομένη τῶν ἐναντίων εἶναι δεκτικὴ λέγεται. Ὥστε ἴδιον ἂν οὐσίας εἴη τὸ ταὐτὸν καὶ ἓν ἀριθμῷ ὂν κατὰ τὴν ἑαυτῆς μεταβολὴν δεκτικὴν τῶν ἐναντίων εἶναι. Περὶ μὲν οὖν οὐσίας τοσαῦτα εἰρήσθω.

CAPUT VI.

Τοῦ δὲ ποσοῦ τὸ μὲν ἐστι διωρισμένον· τὸ δὲ συνεχές· καὶ τὸ

ни въ какомъ случаѣ. И такъ ни то ни другое конечно не способно принять противоположнаго, такъ какъ въ нихъ не послѣдовало никакого измѣненія. На оборотъ, мы о субстанціи говоримъ, что она способна принимать противоположное, именно въ томъ смыслѣ, что субстанція, напр. человѣкъ, принимаетъ и болѣзнь и здоровье, и бѣлое и черное; и въ этомъ смыслѣ о субстанціи говорится, что она принимаетъ противоположное. И такъ особенность субстанціи, конечно, будетъ та, что она, будучи одна и таже по числу, вслѣдствіе перемѣны себя самой, способна принимать противоположное [25]). Мы довольно теперь сказали о субстанціи [26]).

ГЛАВА VI.

(1. Количественное [1]) бываетъ или членораздѣльное, или непрерыв-

25. Послѣднее отдѣленіе есть не нужное повтореніе предыдущаго. Тавтологія необъяснимая!

26. По мнѣнію Аристотеля, только одной категоріи, субстанціи, принадлежитъ самостоятельность. Въ седьмой книгѣ метафизики Арист. подробно излагаетъ положеніе, что изъ всѣхъ категорій субстанція есть первое и простое сущее. (πρώτως καὶ ἁπλῶς ὄν); изъ другихъ категорій ни одна не самостоятельна, *а всѣ онѣ относятся* къ субстанціи, такъ что собственно есть одна категорія — категорія субстанціи, αὐτὴ μόνη, Мет. VII. 7.

1. Quanti aliud est discretum, aliud continuum et aliud ex partibus positionem invicem inter se habentibus constat, aliud ex non habentibus positionem. Арист. не изложилъ, какъ сказано, нигдѣ взаимной связи своихъ десяти категорій: Количественное и

μὲν ἐκ θέσιν ἐχόντων πρὸς ἄλληλα τῶν ἐν αὐτοῖς μορίων συνέστηκε· τὸ δὲ ἐξ οὐκ ἐχόντων θέσιν.

2. Ἔστι δὲ διωρισμένον μὲν, οἷον ἀριθμὸς, λόγος· συνεχὲς δὲ, οἷον γραμμὴ, ἐπιφάνεια, σῶμα· ἔτι δὲ παρὰ ταῦτα τόπος, καὶ χρόνος.

3. Τῶν μὲν γὰρ τοῦ ἀριθμοῦ μορίων οὐδείς ἐστι κοινὸς ὅρος, πρὸς ὃν συνάπτει τὰ μόρια αὐτοῦ. Οἷον τὰ πέντε εἰ ἔστι τῶν δέκα μόρια, πρὸς οὐδένα κοινὸν ὅρον συνάπτει τὰ πέντε καὶ τὰ πέντε, ἀλλὰ διώρισται· καὶ τὰ τρία γε καὶ τὰ ἑπτὰ πρὸς οὐδένα κοινὸν ὅρον συνάπτει. Οὐδ' ὅλως ἂν ἔχοις ἐπ' ἀριθμοῦ κοινὸν ὅρον λαβεῖν τῶν μορίων, ἀλλ' ἀεὶ διώρισται· ὥστε ὁ ἀριθμὸς τῶν διωρισμένων ἐστίν.

4. Ὡσαύτως δὲ καὶ ὁ λόγος. Ὅτι μὲν γὰρ ἐστι ποσὸν ὁ λόγος, φανερόν· καταμετρεῖται γὰρ συλλαβῇ βραχείᾳ καὶ μακρᾷ· λέγω

ное (связное); одно состоитъ изъ такихъ своихъ частей, которыя имѣютъ взаимное положеніе одна подлѣ другой: другое — изъ такихъ частей, которыя взаимнаго положенія одна подлѣ другой не имѣютъ.

2. Такъ членораздѣльно — число, слово; связно идутъ линіи, поверхность, тѣло; кромѣ того — время и пространство.)

3. У частей членораздѣльныхъ величинъ нѣтъ никакой общей границы, въ которой бы части связывались между собою, на пр. ежели пять есть часть десяти, то пять и пять не связываются между собою на какой нибудь общей границѣ, а то и другое число существуетъ отдѣльно, самостоятельно; три и семь тоже не соединяются ни на какой общей границѣ: вообще въ числѣ не возможно найти какой нибудь общей границы частей его: части его всегда отдѣлены. И такъ число принадлежитъ къ членораздѣльнымъ величинамъ.

(4. Къ членораздѣльнымъ величинамъ принадлежитъ и *слово*: что слово есть количество, это видно изъ того, что оно измѣряется

качественное слѣдуютъ за катигоріею субстанціи вѣроятно по той причинѣ, что подходитъ къ матеріальной сторонѣ опредѣленной субстанціи.

2. Десять принято здѣсь даже за нѣчто цѣлое: т. е. членораздѣльность частей усматривается въ числахъ, принимаемыхъ за единое.

δὲ τὸν μετὰ φωνῆς λόγον γινόμενον. Πρὸς οὐδένα γὰρ κοινὸν ὅρον αὐτοῦ τὰ μόρια συνάπτει. Οὐ γάρ ἐστι κοινὸς ὅρος, πρὸς ὃν αἱ συλλαβαὶ συνάπτουσιν, ἀλλ' ἑκάστη διώρισται αὐτὴ καθ' αὑτήν.

5. Ἡ δὲ γραμμὴ συνεχής ἐστιν· ἔστι γὰρ κοινὸν ὅρον λαβεῖν, πρὸς ὃν τὰ μόρια αὐτῆς συνάπτει, στιγμήν· καὶ τῆς ἐπιφανείας, γραμμήν· τὰ γὰρ τοῦ ἐπιπέδου μόρια πρός τινα κοινὸν ὅρον συνάπτει. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τοῦ σώματος ἔχοις ἂν λαβεῖν κοινὸν ὅρον, γραμμὴν ἢ ἐπιφάνειαν, πρὸς ἣν τὰ τοῦ σώματος μόρια συνάπτει.

6. Ἔστι δὲ καὶ ὁ χρόνος καὶ ὁ τόπος τῶν τοιούτων· ὁ γὰρ νῦν χρόνος συνάπτει πρός τε τὸν παρεληλυθότα καὶ πρὸς τὸν μέλλοντα.

долгимъ и короткимъ слогомъ: впрочемъ здѣсь говорится о словѣ, произносимомъ посредствомъ голоса.) Части слова также не сливаются на какой нибудь общей границѣ: нѣтъ такой границы, въ которой бы слоги соединились: каждый слогъ есть слогъ отдѣльный, и существуетъ самъ по себѣ[3]).

(5. Напротивъ линія связно продолжается, т. е. можно найти общую границу, въ которой сходятся ея части; эта общая граница есть точка. Части поверхности также сходятся въ одной общей границѣ или линіи. Равно можно и въ тѣлѣ найти общую границу — линію или плоскость, въ которыхъ соприкасаются части тѣла.

6. Такого же свойства суть время и пространство. Настоящее время сопредѣльно съ прошедшимъ и будущимъ[4]).

3. Арист. въ сочиненіи de poëtica, начавши съ самыхъ простыхъ елементовъ, слѣдитъ за развитіемъ языка, отъ перваго звука до образованія слова, предложенія и т. д.; въ 20-й главѣ разсматриваются части рѣчи: елементъ, слогъ, сочетаніе, имя, глаголъ, членъ, падежъ и пр. «Елементъ, говоритъ онъ, есть звукъ нераздѣльный, но не всякій, а образуемый по природѣ и способный къ уразумѣнію: и другія животныя, кромѣ человѣка, могутъ издавать звуки недѣлимые, но я не назову ихъ елементами.» Арист. такъ различаетъ *слово имя* (ὄνομα) и *слово* (λόγος): ***Имя*** есть внѣшнее наименованіе для предметовъ; слово относится къ мысли, выраженной въ имени: мы именемъ ***означаемъ***, словомъ ***опредѣляемъ***. Мет. VII.

4. «Время есть мѣра или число движенія относительно къ предыдущему и послѣдующему. Ἀριθμὸς κινήσεως κατὰ τὸ προτέρον καὶ ὑστέρον». Phys. IV. 10. 11. Такъ Арист. опредѣляетъ время. Единство этого движенія есть ***теперь***: отъ движенія этого

7. Πάλιν ὁ τόπος τῶν συνεχῶν ἐστι· τόπον γάρ τινα τὰ τοῦ σώματος μόρια κατέχει, ἃ πρός τινα κοινὸν ὅρον συνάπτει· οὐκοῦν καὶ τὰ τοῦ τόπου μόρια, ἃ κατέχει ἕκαστον τῶν τοῦ σώματος μορίων, πρὸς τὸν αὐτὸν ὅρον συνάπτει, πρὸς ὃν καὶ τὰ τοῦ σώματος μόρια. Ὥστε συνεχὴς ἂν εἴη καὶ ὁ τόπος· πρὸς γὰρ ἕνα κοινὸν ὅρον τὰ μόρια αὐτοῦ συνάπτει.

8. Ἔτι τὰ μὲν ἐκ θέσιν ἐχόντων πρὸς ἄλληλα τῶν ἐν αὐτοῖς μορίων συνέστηκε· τὰ δὲ ἐξ οὐκ ἐχόντων θέσιν. Οἷον τὰ μὲν τῆς γραμμῆς μόρια θέσιν ἔχει πρὸς ἄλληλα· ἕκαστον γὰρ αὐτῶν κεῖταί που· καὶ ἔχοις ἂν διαλαβεῖν καὶ ἀποδοῦναι, ποῦ ἕκαστον κεῖται ἐν τῷ ἐπιπέδῳ, καὶ πρὸς ποῖον μόριον τῶν λοιπῶν συνάπτει. Ὡσαύτως δὲ καὶ τὰ τοῦ ἐπιπέδου μόρια θέσιν ἔχει τινά· ὁμοίως

7. Пространство принадлежитъ тоже къ связнопродолжающимся количествамъ: части тѣла, соприкасающіяся на какомъ нибудь общемъ предѣлѣ, занимаютъ извѣстное пространство; слѣдов. и части пространства, которое занимаетъ каждая изъ частей тѣла, также соприкасаются на томъ же предѣлѣ, на которомъ соприкасаются и части тѣла. Посему пространство связно продолжается, потому что его части соприкасаются на одномъ общемъ предѣлѣ.

8. Далѣе, количественное состоитъ или изъ частей, имѣющихъ взаимное положеніе между собою или изъ частей, неимѣющихъ такого положенія. Такъ части линіи имѣютъ положеніе относительно одна другой: потому что каждая часть лежитъ гдѣ нибудь, и можно отыскать и показать, гдѣ каждая находится на плоскости, и какой изъ прочихъ

теперь происходитъ время. *Теперь* дѣлаетъ время связнымъ однообразнымъ, потому что оно одинаково и въ настоящее и въ прошедшее время; но *теперь* дѣлаетъ время и раздѣльнымъ: ибо въ каждую минуту это *теперь* различно. Время, по мнѣнію Арист. безпредѣльно, ибо предъ каждымъ *теперь* стоитъ предыдущее и за каждымъ *теперь* настаетъ послѣдующее. (Но безпредѣльное время еще не есть вѣчность, это различали и Платонъ и Аристотель. Phys. IV. 12.). На этихъ свойствахъ времени Аристотель основываетъ и *качество* движенія, происходящаго во времени: движущееся во времени не можетъ просто двигаться впередъ; оно *измѣняется*, т. е. раждается и преходитъ, совершаетъ *кругъ*. Такой кругъ образуютъ дѣла человѣческія и Всеобщая Исторія. Φασὶ γὰρ κύκλον εἶναι τὰ ἀνθρώπινα πράγματα. Такъ просты и высоки выводы великаго мыслителя!

γὰρ ἂν ἀποδοθείη, ἕκαστον ποῦ κεῖται, καὶ ποῖα συνάπτει πρὸς ἄλληλα. Καὶ τὰ τοῦ στερεοῦ δὲ ὡσαύτως, καὶ τὰ τοῦ τόπου. Ἐπὶ δέ γε τοῦ ἀριθμοῦ οὐκ ἂν ἔχοι τις ἐπιδεῖξαι, ὡς τὰ μόρια αὐτοῦ θέσιν τινὰ ἔχει πρὸς ἄλληλα, ἢ κεῖταί που, ἢ ποῖά γε πρὸς ἄλληλα συνάπτει τῶν μορίων. Οὐδὲ τὰ τοῦ χρόνου· ὑπομένει γὰρ οὐδὲν τῶν τοῦ χρόνου μορίων· ὃ δὲ μή ἐστιν ὑπομένον, πῶς ἂν τοῦτο θέσιν τινὰ ἔχοι; ἀλλὰ μᾶλλον τάξιν τινὰ εἴποις ἂν ἔχειν, τῷ τὸ μὲν πρότερον εἶναι τοῦ χρόνου, τὸ δὲ ὕστερον. Καὶ ἐπὶ τοῦ ἀριθμοῦ δὲ ὁμοίως, τῷ τὸ ἓν πρότερον ἀριθμεῖσθαι τῶν δύο, καὶ τὰ δύο τῶν τριῶν· καὶ οὕτω τάξιν τινὰ ἂν ἔχοι, θέσιν δὲ οὐ πάνυ λάβοις ἄν. Καὶ ὁ λόγος δὲ ὡσαύτως· οὐδὲν γὰρ ὑπομένει τῶν μορίων. Ἀλλ' εἴρηταί τε καὶ οὐκ ἔστιν ἔτι τοῦτο λαβεῖν· ὥστε οὐκ ἂν εἴη θέσις τῶν μορίων αὐτοῦ, εἴγε μηδὲν ὑπομένει. Τὰ μὲν οὖν ἐκ θέσιν ἐχόντων συνέστηκε τῶν μορίων· τὰ δὲ ἐξ οὐκ ἐχόντων θέσιν.

частей соприкасается. Равно и части плоскости имѣютъ положеніе: въ нихъ также можно показать, гдѣ каждая часть находится, и какія части взаимно соприкасаются. Тоже должно сказать и о частяхъ тѣла и пространства. На противъ, въ числѣ нельзя показать, что части его имѣютъ взаимное положеніе, или гдѣ либо находятся, или какія части одна другой соприкасаются. Нельзя этого отнести и къ частямъ времени: потому что ни одна часть времени не остается, а если что не остается, то какъ оно можетъ имѣть какое положеніе? Но можно бы еще сказать, что части времени имѣютъ нѣкоторый порядокъ: одна часть времени раньше, другая позже другой. И въ числѣ—тотъ же случай: единицу мы считаемъ прежде, чѣмъ два, два прежде чѣмъ три; слѣдов. должно въ числахъ искать порядка, но положенія въ нихъ искать не возможно. Тоже должно разумѣть и о *словѣ*. Ни одна изъ его частей не остается, но лишь только она произнесена, уже нельзя ее удержать. И такъ части слова не имѣютъ положенія, потому что ни одна часть его не остается. Слѣдов. количественное состоитъ или изъ частей имѣющихъ положеніе взаимное, или изъ частей, его не имѣющихъ.

9. Κυρίως δὲ ποσὰ ταῦτα λέγεται μόνα τὰ εἰρημένα· τὰ δὲ ἄλλα πάντα κατὰ συμβεβηκός· εἰς ταῦτα γὰρ ἀποβλέποντες καὶ τὰ ἄλλα ποσὰ λέγομεν. Οἷον πολὺ τὸ λευκὸν λέγεται, τῷ γε τὴν ἐπιφάνειαν πολλὴν εἶναι· καὶ ἡ πρᾶξις μακρά, τῷ γε τὸν χρόνον πολὺν εἶναι· καὶ ἡ κίνησις πολλή· οὐ γὰρ καθ' αὑτὸ ἕκαστον τούτων ποσὸν λέγεται. Οἷον ἐὰν ἀποδιδῷ τις, πόση τις ἡ πρᾶξίς ἐστι, τῷ χρόνῳ ὁριεῖ, ἐνιαυσιαίαν ἢ οὕτω πως ἀποδιδούς. Καὶ τὸ λευκὸν ποσόν τι ἀποδιδούς, τῇ ἐπιφανείᾳ ὁριεῖ. Ὅση γὰρ ἂν ἡ ἐπιφάνεια εἴη, τοσοῦτον καὶ λευκὸν φήσειεν ἂν εἶναι. Ὥστε μόνα κυρίως ποσὰ καθ' αὑτὰ λέγεται τὰ εἰρημένα· τῶν δὲ ἄλλων οὐδὲν αὐτὸ καθ' αὑτό, ἀλλ' ἢ ἄρα κατὰ συμβεβηκός.

10. Ἔτι τῷ ποσῷ οὐδέν ἐστιν ἐναντίον· ἐπὶ μὲν γὰρ τῶν ἀφωρισμέ-

9. Собственно только эти нами названныя количества суть собственно количества; все остальное такъ называется только случайно, относительно [5]). Примѣняясь къ этимъ количествамъ, мы называемъ и многое другое количественнымъ: на пр. мы говоримъ: тутъ много бѣлаго, потому что бѣлая поверхность велика; мы говоримъ о продолжительномъ дѣйствіи, потому что время, въ которое происходитъ дѣйствіе, продолжительно; мы говоримъ о многомъ движеніи. Все это не *само по себѣ* называется количественнымъ [6]); напр. если хотятъ показать, какъ продолжительно дѣйствіе, то опредѣляютъ временемъ и говорятъ: оно продолжается годъ, или опредѣляютъ какъ нибудь иначе [7]). И если хотятъ означить какъ много бѣлаго, то опредѣляютъ *самую* поверхность: какъ велика поверхность, столько будетъ и бѣлаго. И такъ, только выше приведенныя количества называются *собственно и само по себѣ* количествами [8]); все остальное не есть количество *само по себѣ*; и если такимъ бываетъ, то бываетъ случайно, по отношенію.

(10. Кромѣ того количественному ничего не противополагается [9]).

5. κατὰ συμβεβηκός; per accidens, случайно, относительно.
6. Non enim per unumquodque horum quantum dicitur.
7. И такъ движеніе — количественно только по отношенію, только случайно потому что во времени происходитъ движеніе. Но движеніе бываетъ количественнымъ только въ отношеніи къ тому, что состоитъ въ движеніи.
8. Κυρίως καὶ καθ' αὐτά.
9. Quanto nihil est contrarium.

νων φανερόν, ὅτι οὐδέν ἐστιν ἐναντίον· οἷον τῷ διπήχει, ἢ τῷ τριπήχει, ἢ τῇ ἐπιφανείᾳ, ἢ τῶν τοιούτων τινί· οὐδὲν γάρ ἐστιν αὐτοῖς ἐναντίον.

11. Εἰ μὴ ἄρα τὸ πολὺ τῷ ὀλίγῳ φαίη τις εἶναι ἐναντίον, ἢ τὸ μέγα τῷ μικρῷ. Τούτων δὲ οὐδέν ἐστι ποσόν, ἀλλὰ μᾶλλον τῶν πρός τι· οὐδὲν γὰρ αὐτὸ καθ' αὑτὸ μέγα λέγεται ἢ μικρόν, ἀλλὰ τῷ πρὸς ἕτερον ἀναφέρεσθαι. Οἷον ὄρος μὲν μικρὸν λέγεται· κέγχρος δὲ μεγάλη· τῷ τὴν μὲν τῶν ὁμογενῶν μείζονα εἶναι, τὸ δὲ ἔλαττον τῶν ὁμογενῶν. Οὐκοῦν πρὸς ἕτερον ἡ ἀναφορά· ἐπεὶ εἴγε καθ' αὑτὸ μικρὸν ἐλέγετο, ἡ δὲ κέγχρος μεγάλη. Πάλιν, ἐν μὲν τῇ κώμῃ φαμὲν πολλοὺς ἀνθρώπους εἶναι, ἐν Ἀθήναις δὲ ὀλίγους, πολλαπλασίους αὐτῶν ὄντας· καὶ ἐν μὲν τῇ οἰκίᾳ πολλούς, ἐν δὲ τῷ θεάτρῳ ὀλίγους, πολλῷ πλείους αὐτῶν ὄντας.

Ясно, что въ опредѣленныхъ величинахъ нѣтъ ничего противоположнаго; на пр. нѣтъ ничего противоположнаго тому, что содержитъ въ себѣ два или три локтя; равно нѣтъ ничего, противоположнаго поверхности, или чему другому; всему этому нѣтъ противоположнаго.

11. Впрочемъ, кажется, можно допустить противоположное для количествъ не опредѣленыхъ: многое, по видимому, противоположно немногому — великое малому; но ни то ни другое не принадлежитъ само въ себѣ къ количеству; оно есть нѣчто относительное. Ничего само по себѣ нельзя назвать ни великимъ ни малымъ: великимъ или малымъ называется что нибудь отъ того, что оно принимается такимъ по отношенію къ другому. На пр. мы гору называемъ малою и просяное зерно великимъ: потому что то и другое меньше или больше своего однороднаго; слѣдов. здѣсь имѣетъ мѣсто отношеніе къ другому. Если бы можно было говорить о безотносительно маломъ и о безотносительно великомъ, то никогда не можно было бы назвать гору малою и просянаго зерна великимъ.) Мы опять говоримъ: въ деревнѣ много жителей, и мы говоримъ: въ Аѳинахъ мало жителей, хотя въ Аѳинахъ ихъ гораздо больше, чѣмъ въ деревнѣ. Равно, мы говоримъ: въ домѣ много людей, а въ театрѣ мало, хотя въ театрѣ гораздо больше людей.

10. Въ 14-ой кн. Метафизики (гл. 1). Аристот. пользуется относительностію понятій «великаго и малаго» для опроверженія идей Платоновыхъ. «Физіологи первые для

12. Ἔτι τὸ μὲν δίπηχυ, καὶ τρίπηχυ, καὶ ἕκαστον τῶν τοιούτων, ποσὸν σημαίνει· τὸ δὲ μέγα ἢ μικρὸν οὐ σημαινει ποσὸν, ἀλλὰ μᾶλλον πρός τι. Πρός γὰρ ἕτερον θεωρεῖται τὸ μέγα καὶ τὸ μικρόν· ὥστε φανερὸν, ὅτι αὐτὰ τῶν πρός τι ἐστὶν.

13. Ἔτι ἐάν τε τιθῇ τις, ποσὰ εἶναι τὰ τοιαῦτα, ἐάν τε μὴ τιθῇ, οὐκ ἔστιν αὐτοῖς ἐναντίον οὐδὲν· ὃ γὰρ μή ἐστιν αὐτὸ καθ' αὑτὸ λαβεῖν, ἀλλὰ πρὸς ἕτερον ἀναφέρεται, πῶς ἂν εἴη τούτῳ τὶ ἐναντίον;

14. Ἔτι εἰ ἔστι τὸ μέγα καὶ τὸ μικρὸν ἐναντία, συμβήσεται, τὸ αὐτὸ ἅμα τὰ ἐναντία ἐπιδέχεσθαι, καὶ αὐτὰ ἑαυτοῖς ἐναντία

(12. Содержащее два или три локтя и другое подобное тому означаетъ количество; но великое и малое не означаетъ количества, а ~~прина~~дле- ~~с~~корѣе къ относительному; потому что ~~*житъ*~~ великое и малое разсматривается въ отношеніи къ другому; слѣдовательно то и другое принадлежитъ къ относительному.

13. Далѣе, будемъ мы малое и великое принимать или не будемъ принимать за количественное, во всякомъ случаѣ, тому и другому нѣтъ ничего противоположнаго: какъ можно сказать противоположное тому, что *самостоятельно*, *отдѣльно*, *и само по себѣ* не можетъ быть представлено, и что существуетъ по отношенію къ другому?)

(14. Потомъ, если великое и малое противоположны, то можно заключить, что одно и тоже способно совмѣщать въ себѣ противоположное, и что одно и тоже и велико и мало; въ отношеніи къ одному оно мало;

объясненія природы, говоритъ Арист. выставили начала противоположныя: напр. теплоту и холодъ; принимающіе за начала идеи и математическія стихіи (Платонъ) также выставили за начала противоположности: *единое и многое*, *великое и малое*». Противъ *единаго и многаго* Арист. пишетъ: «единое есть мѣра; она однородна съ измѣряемымъ; въ великомъ есть мѣра—наименьшее, въ тяжеломъ—наименьшій вѣсъ: слѣд. единое всегда случайно привязано къ субстанціи и не можетъ быть *самостоятельно—отдѣльнымъ*; оно относительно». *Малое и великое* съ другой стороны есть также относительно, а относительное изъ всѣхъ катигорій *наименѣе субстанціально и самостоятельно*: высшіе роды и всеобщее могутъ быть относительнымъ, и не суть субстанціи. Относительное не есть субстанція; ему нельзя приписать происхожденія, развитія и прехожденія У меня два шеста, каждый въ длину 10 футовъ: они равны одинъ другому; я отрубилъ верхушку у одного: онъ сталъ *инымъ* сра внительно съ первымъ; такъ сталъ онъ инымъ *сравнительно*, *относительно*, *случайно*, ибо сравненъ съ другимъ шестомъ, а самъ шестъ остался шестомъ, какъ быть шесту».

εἶναι· συμβαίνει γὰρ, τὸ αὐτὸ ἅμα μέγα τε καὶ μικρὸν εἶναι. Ἔστι γάρ τι πρὸς μὲν τοῦτο μικρόν· πρὸς ἕτερον δὲ γε τὸ αὐτὸ τοῦτο μέγα· ὥστε τὸ αὐτὸ καὶ μικρὸν καὶ μέγα κατὰ τὸν αὐτὸν χρόνον εἶναι συμβαίνει· ὥστε ἅμα τὰ ἐναντία ἐπιδέχεσθαι. Ἀλλ' οὐδὲν δοκεῖ ἅμα τὰ ἐναντία ἐπιδέχεσθαι, οἷον ἐπὶ τῆς οὐσίας· δεκτικὴ μὲν γὰρ τῶν ἐναντίων δοκεῖ εἶναι· ἀλλ' οὔ τις ἅμα νοσεῖ καὶ ὑγιαίνει· οὐδὲ λευκον καὶ μέλαν ἐστὶν ἅμα· οὐδὲ τῶν ἄλλων οὐδὲν ἅμα τὰ ἐναντία ἐπιδέχεται. Καὶ αὐτὰ δὲ ἑαυτοῖς συμβαίνει ἐναντία εἶναι. Εἰ γάρ ἐστι τὸ μέγα τῷ μικρῷ ἐναντίον, τὸ δ' αὐτό ἐστιν ἅμα μέγα καὶ μικρόν· καὶ αὐτὸ ἑαυτῷ ἂν εἴη ἐναντίον. Οὐκ ἔστιν ἄρα τὸ μέγα τῷ μικρῷ ἐναντίον, οὐδὲ τὸ πολὺ τῷ ὀλίγῳ Ὥστε εἰ καὶ μὴ τῶν πρός τι ταῦτά τις ἐρεῖ, ἀλλὰ τοῦ ποσοῦ, οὐδὲν ἐναντίον ἕξει.

15. Μάλιστα δὲ ἡ ἐναντιότης τοῦ ποσοῦ περὶ τὸν τόπον δοκεῖ ὑπάρχειν. Τὸ γὰρ ἄνω τῷ κάτω ἐναντίον τιθέασι, τὴν πρὸς τὸ

въ отношеніи къ другому — велико; и такъ будетъ, что одно и тоже въ одно время и велико и мало; слѣдовательно въ тоже время принимаетъ противоположное; но конечно ничто въ тоже время не можетъ принимать противоположнаго, какъ это можно видѣть въ субстанціи; субстанція можетъ принимать противоположное, но *не въ одно время*; никто въ одно время не можетъ быть и больнымъ и здоровымъ, и бѣлымъ и чернымъ; нѣтъ ничего, чтобы *въ одно время* способно было къ противоположному. Наконецъ тогда было бы справедливо, что одно и тоже будетъ противоположно самому себѣ. Ибо, если великое противоположно малому, то оно въ одно и тоже время будетъ и велико и мало, и конечно тогда может что нибудь быть противоположнымъ себѣ самому. Но невозможно, чтобы что нибудь было противоположно себѣ самому. И такъ великое не противоположно малому, и многое не противоположно немногому. Впрочемъ, если эти понятія считать и не относительными, а количественными, то они все-таки не будутъ имѣть ничего противоположнаго.)

15. Противоположеніе въ количественныхъ величинахъ бываетъ существеннымъ, по видимому, относительно *пространства*: такъ верхнее противополагаютъ нижнему; такъ полагаютъ что нибудь вверху, внизу,

μέσον χώραν κάτω λέγοντες, διὰ τὸ πλείστην διάστασιν τοῦ μέσου πρὸς τὰ πέρατα τοῦ κόσμου εἶναι. Ἐοίκασι δὲ καὶ τὸν τῶν ἄλλων ἐναντίων ὁρισμὸν ἀπὸ τούτων ἐπιφέρειν· τὰ γὰρ πλεῖστον ἀλλήλων διεστηκότα τῶν ἐν τῷ αὐτῷ γένει ἐναντία ὁρίζονται.

16. Οὐ δοκεῖ δὲ τὸ ποσὸν ἐπιδέχεσθαι τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον· οἷον τὸ δίπηχυ· οὐ γάρ ἐστιν ἕτερον ἑτέρου μᾶλλον δίπηχυ· οὐδ᾽ ἐπὶ τοῦ ἀριθμοῦ· οἷον τὰ τρία τῶν πέντε οὐδὲν μᾶλλον πέντε ἢ τρία λέγεται, οὐδὲ τὰ πέντε τῶν τριῶν· οὐδέ δε ὁ χρόνος ἕτερος ἑτέρου μᾶλλον χρόνος λέγεται. Οὐδὲ ἐπὶ τῶν εἰρημένων ὅλως οὐδενὸς τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον λέγεται. Ὥστε τὸ ποσὸν οὐκ ἐπιδέχεται τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον.

17. Ἴδιον δὲ μάλιστα τοῦ ποσοῦ τὸ ἴσον τε καὶ ἄνισον λέγε-

относительно къ центру; мы полагаемъ, что центръ имѣетъ наибольшее разстояніе отъ концевъ міра. Какъ кажется, происходитъ отсюда опредѣленіе и другихъ противоположностей: *что* въ одномъ и томъ же родѣ наиболѣе отстоитъ отъ другаго, *то* опредѣляемъ мы въ формѣ противоположнаго[11].

16. Количественное, кажется, не допускаетъ опредѣленій: больше, меньше (усиленія, ослабленія) на пр. въ два локтя: одно что нибудь не больше въ два локтя, чѣмъ другое въ два локтя. Нельзя сказать этого и о числѣ: три нисколько не больше трехъ, чѣмъ пять — пяти; и пять нисколько не больше пяти, чѣмъ три — трехъ. Равно нельзя сказать, что одно время есть больше время, чѣмъ другое время. И вообще ни въ чемъ изъ сказаннаго нельзя говорить о «больше» или о «меньше». Слѣдов. количественное не принимаетъ: больше или меньше.

17. Количеству по преимуществу свойственно называться равнымъ

11. Contraria definiunt, quae cum in eodem genere sint, plurimum a se invicem distant. Аристотель, говоря о противопололожномъ въ пространствѣ, прибавляетъ осторожно: *по видимому*, (δοκεῖ), такъ *полагаютъ*; ясно, что сказанное въ текстѣ относится къ тому, *что́* для обыкновеннаго наблюдателя представляется въ пространствѣ противоположнымъ. Слѣд. Арист. имѣетъ въ виду только наблюдателя, не выводя никакой объективной, безусловной противоположности въ устройствѣ вселенной. Но у него противоположности времени и пространства также относительны, какъ и великое и малое, многое и не многое. Въ физикѣ IV. 1. онъ прямо противоположное въ пространствѣ относитъ *къ намъ*, πρὸς ἡμᾶς, къ наблюдателю.

σθαι· ἕκαστον γὰρ τῶν εἰρημένων ποσῶν ἴσον τε καὶ ἄνισον λέγεται. Οἷον σῶμα ἴσον τε καὶ ἄνισον λέγεται· καὶ ἀριθμὸς, καὶ χρόνος, ἴσος τε καὶ ἄνισος λέγεται. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων τῶν ῥηθέντων ἕκαστον ἴσον τε καὶ ἄνισον λέγεται. Τῶν δὲ λοιπῶν, ὅσα μή ἐστι ποσὰ, οὐ πάνυ ἂν δόξαιεν ἴσά τε καὶ ἄνισα λέγεσθαι. Οἷον ἡ διάθεσις ἴση τε καὶ ἄνισος οὐ πάνυ λέγεται, ἀλλὰ μᾶλλον ὁμοία καὶ ἀνομοία. Καὶ τὸ λευκὸν ἴσον τε καὶ ἄνισον οὐ πάνυ, ἀλλὰ μᾶλλον ὅμοιον ἢ ἀνόμοιον. Ὥστε τοῦ ποσοῦ μάλιστα ἂν εἴη ἴδιον τὸ ἴσον τε καὶ ἄνισον λέγεσθαι.

CAPUT VII.

Πρός τι δὲ τὰ τοιαῦτα λέγεται, ὅσα αὐτὰ, ἅπερ ἐστιν, ἑτέρων εἶναι λέγεται, ἢ ὁπωσοῦν ἄλλως πρὸς ἕτερον.

и неравнымъ. Каждое изъ приведенныхъ количественныхъ называется равнымъ и неравнымъ; на пр. тѣло бываетъ равнымъ и неравнымъ; говорится о времени равномъ и не равномъ; тоже и о другихъ выше приведенныхъ количествахъ. Но все остальное, что не есть количество, не можетъ, по видимому, называться равнымъ и не равнымъ: на пр. положеніе не будетъ равно и не равно, но скорѣе подобно или не подобно; и бѣлизна не есть также равна и не равна, но подобна или не подобна. И такъ количеству преимущественно свойственно называться равнымъ и не равнымъ[12].

ГЛАВА VII.

1. Относительнымъ называется то, что, въ своемъ существѣ, опредѣляется только примѣнительно къ другому; или, что какимъ нибудь инымъ образомъ идетъ къ другому[1].

12. Мет. V. 15. (Ταὐτὰ) однимъ и тѣмъже называется то, въ чемъ одна субстанція; ὅμοιον, подобнымъ — въ чемъ одно качество; ἴσον равнымъ — въ чемъ одно количество.

1. Ad aliquod ea dicuntur, quaecunque id, quod sunt, aliorum esse dicuntur, vel quocunque alio modo ad aliud referuntur. Собственно: αὐτὰ ἅπερ ἐστὶ ἑτέρων εἶναι λέγεται есть не переводимо: ἑτέρων выражаетъ, что родительный падежъ есть вѣрный

2. Οἷον τὸ μεῖζον τοῦθ', ὅπερ ἐστὶν, ἑτέρου λέγεται· τινὸς γὰρ διπλάσιον λέγεται· ὡσαύτως δὲ καὶ ὅσα ἄλλα τοιαῦτα. Ἔστι δὲ καὶ τὰ τοιάδε τῶν πρός τι, οἷον ἕξις, διάθεσις, ἐπιστήμη, αἴσθησις, θέσις. Πάντα γὰρ τὰ εἰρημένα αὐτὰ, ἅπερ ἐστὶν, ἑτέρων εἶναι λέγεται, ἢ ὁπωσοῦν ἄλλως πρὸς ἕτερον, καὶ οὐκ ἄλλο τι. Ἡ γὰρ ἕξις τινὸς ἕξις εἶναι λέγεται· καὶ ἡ ἐπιστήμη· καὶ ἡ θέσις τινὸς θέσις· καὶ τἄλλα δὲ ὡσαύτως. Πρός τι οὖν ἐστιν, ὅσα αὐτὰ, ἅπερ ἐστὶν, ἑτέρων εἶναι λέγεται, ἢ ὁπωσοῦν ἄλλως πρὸς ἕτερον, οἷον ὄρος μέγα λέγεται, πρὸς ἕτερον· πρός τι γὰρ μέγα λέγεται τὸ ὄρος· καὶ τὸ ὅμοιον τινὶ ὅμοιον λέγεται, καὶ τἄλλα δὲ τὰ τοιαῦτα ὡσαύτως πρός τι λέγεται.

3. Ἔστι δὲ καὶ ἡ ἀνάκλισις, καὶ ἡ στάσις, καὶ ἡ καθέδρα,

2. На пр. *большее*, относительно того, *что* оно есть, говорится примѣнительно къ другому: *большее* бываетъ больше чего нибудь. Двойное также тѣмъ, *что* оно есть, состоитъ въ связи съ другимъ: двойное *содержитъ вдвое* чего нибудь другаго; тоже и о другихъ понятіяхъ этого рода. Къ относительнымъ принадлежатъ еще: обладаніе, расположеніе, положеніе. О всемъ этомъ говорится въ отношеніи къ другому; это выражается въ языкѣ словомъ *чего нибудь*: на пр. обладаніе есть обладаніе *чего нибудь*, знаніе, положеніе — чего нибудь и т. д. И такъ относительное есть то, о чемъ говорится по его существу — только по примѣнимости къ другому, или что инымъ какимъ нибудь образомъ, принадлежатъ къ другому. Такъ гора называется *великою* примѣнительно къ другой; она называется великою только относительно. Подобное называется подобнымъ *чему нибудь*; тоже о другихъ понятіяхъ сего рода.

3. Равно возлежаніе, стояніе, сидѣніе означаютъ извѣстное поло-

---

признакъ, имѣетъ ли мѣсто τὸ πρός τι, т. е. категорія отношенія. Особенно въ греческомъ языкѣ родительнымъ падежемъ выражается то, съ чѣмъ что сравнивается, или даже къ чему что относится. Въ Русскомъ языкѣ отношеніе иногда можно выразитъ также въ родительномъ падежѣ. Но употребляется иногда и дательный падежъ: подобенъ онъ кому; онъ ему дядя.

2. Обладаніе, ἕξις, habitus; расположеніе διάθεσις, dispositio; ощущеніе αἴσθησις, sensus; знаніе ἐπιστήμη scientia; положеніе θέσις, positio; всѣ эти слова требуютъ падежа родительнаго.

θέσεις τινές. Ἡ δὲ θέσις τῶν πρός τι. Τὸ δὲ ἀνακεῖσθαι, ἢ ἑστάναι, ἢ καθῆσθαι, αὐτὰ μὲν οὐκ εἰσὶ θέσεις, παρωνύμως δὲ ἀπὸ τῶν εἰρημένων θέσεων λέγεται.

4. Ὑπάρχει δὲ καὶ ἐναντιότης ἐν τοῖς πρός τι· οἷον ἀρετὴ κακίᾳ ἐναντίον, ἑκάτερον τῶν πρός τι ὄν· καὶ ἐπιστήμη ἀγνοίᾳ.

5. Οὐ πᾶσι δὲ τοῖς πρός τι ὑπάρχει ἐναντιότης· τῷ γὰρ διπλασίῳ οὐδέν ἐστιν ἐναντίον, οὐδὲ τῷ τριπλασίῳ, οὐδὲ τῶν τοιούτων οὐδενί.

6. Δοκεῖ δὲ καὶ τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον ἐπιδέχεσθαι τὰ πρός τι. Ὅμοιον γὰρ καὶ ἀνόμοιον μᾶλλον καὶ ἧττον λέγεται· καὶ ἴσον καὶ ἄνισον μᾶλλον καὶ ἧττον λέγεται· ἑκάτερον τῶν πρός τι ὄν· τό, τε γὰρ ὅμοιον τινὶ ὅμοιον λέγεται, καὶ τὸ ἄνισον τινὶ ἄνισον.

7. Οὐ πάντα δὲ τὰ πρός τι ἐπιδέχεται τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧτ-

женіе, но положеніе (положеніе кого нибудь) принадлежитъ къ отношенію. Впрочемъ глаголы возлежать, стоять, сидѣть не означаютъ сами въ себѣ положеній выше наименованныхъ[3].

4. Относительному свойственно противоположеніе: такъ добродѣтель противоположна пороку; добродѣтель и порокъ относятся другъ къ другу противоположно. Знаніе противоположно невѣденію.

5. Впрочемъ это свойство противоположенія принадлежитъ не всѣмъ относительнымъ: двойному, тройному ничего не противополагается. Тоже и о другомъ подобномъ[4].

6. Относительныя понятія принимаютъ опредѣленіе: *больше, меньше*: такъ похожее и непохожее бываетъ болѣе или менѣе похоже или не похоже; равное и не равное — болѣе или менѣе равно или не равно; но то и другое принадлежитъ къ относительнымъ: похожее или не похожее бываетъ похоже или не похоже на что нибудь.

7. Но не всѣ относительныя принимаютъ опредѣленіе: *болѣе* или

---

3. Смотри гл. I. прим. 6.

4. См. гл. VI. прим. 9.

τον. Τὸ γὰρ διπλάσιον οὐ λέγεται μᾶλλον καὶ ἧττον διπλάσιον· οὐδὲ τῶν τοιούτων οὐδέν.

8. Πάντα δὲ τὰ πρός τι πρὸς ἀντιστρέφοντα λέγεται· οἷον δοῦλος δεσπότου δοῦλος λέγεται· καὶ ὁ δεσπότης δούλου δεσπότης· καὶ τὸ διπλάσιον ἡμίσεος διπλάσιον· καὶ ἥμισυ διπλασίου ἥμισυ· καὶ τὸ μεῖζον ἐλάττονος μεῖζον· καὶ τὸ ἔλαττον μείζονος ἔλαττον. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων· πλὴν τῇ πτώσει ἐνίοτε διοίσει κατὰ τὴν λέξιν· οἷον ἡ ἐπιστήμη ἐπιστητοῦ λέγεται ἐπιστήμη· καὶ τὸ ἐπιστητὸν ἐπιστήμῃ ἐπιστητὸν καὶ ἡ αἴσθησις αἰσθητοῦ αἴσθησις· καὶ τὸ αἰσθητὸν αἰσθήσει αἰσθητόν.

9. Οὐ μὴν ἀλλ' ἐνίοτε οὐ δόξει ἀντιστρέφειν, ἐὰν μὴ οἰκείως, ὃ λέγεται, ἀποδοθῇ, ἀλλὰ διαμάρτῃ ὁ ἀποδιδούς. Οἷον τὸ πτερὸν ἐὰν ἀποδοθῇ ὄρνιθος, οὐκ ἀντιστρέφει ὄρνις πτεροῦ· οὐ γὰρ οἰκείως τὸ πρῶτον ἀποδίδοται, πτερὸν ὄρνιθος. Οὐ γὰρ ᾗ ὄρνις, ταύτῃ τὸ

менѣе. Двойное не можетъ быть болѣе или менѣе двойнымъ: тоже и о другихъ подобныхъ понятіяхъ.

8. Всѣ относительныя относятся къ предметамъ, взаимно возвращающимъ назадъ свое отношеніе (къ предметамъ, состоящимъ по понятію въ обратномъ отношеніи другъ къ другу) [5]; такъ рабъ есть рабъ господина и господинъ есть господинъ раба; двойное есть двойное относительно половины, а половина есть половина двойнаго; большее — больше меньшаго, а меньшее — меньше большаго; тоже и объ остальномъ. Впрочемъ иногда предметы, состоящіе въ соотношеніи, въ языкѣ отличаются другъ отъ друга окончаніемъ: на пр. знаніе есть знаніе познаваемаго, и познаваемое познается знаніемъ; ощущеніе есть ощущеніе ощущаемаго, и ощущаемое ощущается ощущеніемъ.

9. Впрочемъ иногда можетъ казаться, что такого обратнаго соотношенія не существуетъ, когда не точно будетъ выражено то, къ чему предметъ относится, и не то поставлено будетъ, что состоитъ въ взаимной принадлежности [6]. На пр. если кто скажетъ, что крыло есть при-

5. Quae sunt ad aliquid, referuntur ad ea, quae reciprocantur.

6. Ἀλλὰ διαμάρτῃ ὁ ἀποδιδούς. Si uon apte explicatum sit, ad quod refertur.

πτερὸν αὐτῆς λέγεται, ἀλλ' ᾗ πτερωτόν ἐστι· πολλῶν γὰρ καὶ ἄλλων πτερά ἐστιν, ἃ οὐκ εἰσὶν ὄρνιθες. Ὥστε ἐὰν ἀποδοθῇ οἰκείως, καὶ ἀντιστρέφει· οἷον τὸ πτερὸν πτερωτοῦ πτερόν· καὶ τὸ πτερωτὸν πτερῷ πτερωτόν.

10. Ἐνίοτε δὲ καὶ ὀνοματοποιεῖν ἴσως ἀναγκαῖον, ἐὰν μὴ κείμενον ᾖ ὄνομα, πρὸς ὃ οἰκείως ἂν ἀποδοθείη· οἷον τὸ πηδάλιον τοῦ πλοίου ἐὰν ἀποδοθῇ, οὐκ οἰκεία ἡ ἀπόδοσις γίνεται· (οὐ γὰρ ᾗ πλοῖον, ταύτῃ αὐτοῦ τὸ πηδάλιον λέγεται· ἔστι γὰρ πλοῖα, ὧν οὐκ ἔστι πηδάλια· διὸ οὐκ ἀντιστρέφει· τὸ γὰρ πλοῖον οὐ λέγεται πηδαλίου πλοῖον·) ἀλλ' ἴσως οἰκειοτέρα ἂν ἡ ἀπόδοσις εἴη, εἰ οὕτω πως ἀποδοθείη· τὸ πηδάλιον πηδαλιωτοῦ πηδάλιον, ἢ ὁπωσοῦν ἄλλως· ὄνομα γὰρ οὐ κεῖται· καὶ ἀντιστρέφει γε, ἐὰν οἰκείως ἀπο-

надлежность птицы, тотъ неможетъ сказать на оборотъ: птица есть принадлежность крыла. Здѣсь не точно отнесено крыло къ птицѣ: крыло приписывается птицѣ не потому, что она птица, но потому что она есть животное крылатое. Есть многое другое, что имѣетъ крылья, но что однако не есть птица. Если отношеніе выразится точно, то получимъ и правильное соотношеніе: крыло есть крыло животнаго крылатаго; крылатое животное крылато отъ крыльевъ.

10. Иногда можетъ быть необходимо составить слово особенное, когда въ языкѣ не существуетъ названія, къ которому бы можно было правильно выразить отношеніе предмета; на пр. если мы будемъ говорить о рулѣ, какъ о рулѣ ладьи, то отношеніе выражено не точно: непотому, что ладья есть ладья, ей приписывается руль: есть ладьи и безъ руля (управляемыя одними веслами), поэтому нельзя сдѣлать и обратнаго соотношенія: ладья не называется ладьею руля. Но можетъ быть соотношеніе будетъ правильнѣе, если мы на пр. его выразимъ такъ: руль есть руль судна рулеваго, или иначе какъ можно назвать то, что снабжено рулемъ; ибо нѣтъ для этого особеннаго слова [7]. Теперь возможно взаимное соотношеніе и выраженіе будетъ правильно: *рулевое* судно названо такъ отъ

7. По гречески πηδαλιωτὸν, πηδαλίῳ πηδαλιωτὸν также вновь сформированное слово; ὄνομα γὰρ οὐ κεῖται, nomen enim non datur. Я употребилъ *рулевая* ладья, давши слову *рулевый* другое значеніе.

δοθῇ· τὸ γὰρ πηδαλιωτὸν πηδαλίῳ πηδαλιωτόν· ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων· οἷον ἡ κεφαλὴ οἰκειοτέρως ἂν ἀποδοθείη κεφαλωτοῦ, ἢ ζώου ἀποδιδομένη· οὐ γὰρ ἢ ζῶον, κεφαλὴν ἔχει· πολλὰ γὰρ τῶν ζώων κεφαλὴν οὐκ ἔχει.

11. Οὕτω δὲ ῥᾷστα ἂν ἴσως τις λάβοι, οἷς μὴ κεῖται ὀνόμα, εἰ ἀπὸ τῶν πρώτων, καὶ τοῖς, πρὸς ἃ ἀντιστρέφουσι, τιθείη τὰ ὀνόματα· ὥσπερ ἐπὶ τῶν προειρημένων ἀπὸ τοῦ πτεροῦ τὸ πτερωτὸν, καὶ ἀπὸ τοῦ πηδαλίου τὸ πηδαλιωτόν.

12. Πάντα οὖν τὰ πρός τι, ἐάνπερ οἰκείως ἀποδιδῶται, πρὸς ἀντιστρέφοντα λέγεται· ἐπεὶ, ἐάν γε πρὸς τὸ τυχὸν ἀποδιδῶται, καὶ μὴ πρὸς αὐτὸ, ὃ λέγεται, οὐκ ἀντιστρέφει. Λέγω δὲ, ὅτι οὐδὲ τῶν ὁμολογουμένως πρὸς ἀντιστρέφοντα λεγομένων, καὶ ὀνομάτων αὐτοῖς κειμένων, οὐδὲν ἀντιστρέφει, ἐὰν πρός τι τῶν συμβεβηκότων ἀποδιδῶται, καὶ μὴ πρὸς αὐτὸ, ὃ λέγεται· οἷον ὁ δοῦλος, ἐὰν μὴ δεσπότου ἀποδοθῇ δοῦλος, ἀλλὰ ἀνθρώπου, ἢ δίποδος, ἢ ὁτουοῦν τῶν τοιούτων, οὐκ ἀντιστρέφει· οὐ γὰρ οἰκεία ἡ ἀπόδοσίς ἐστιν.

13. Ἐὰν μέντοι οἰκείως ἀποδεδομένον ᾖ, πρὸς ὃ λέγεται, πάντων περιαιρουμένων τῶν ἄλλων, ὅσα συμβεβηκότα ἐστὶ, καταλειπομένου δὲ τούτου μόνου, πρὸς ὃ ἀπεδόθη οἰκείως, ἀεὶ πρὸς αὐτὸ

руля. Тоже и о другихъ случаяхъ: на пр. о головѣ мы скажемъ правильнѣе, что она есть голова, такъ сказать, *оглавленнаго*, нежели голова животнаго; животное имѣетъ голову, не потому, что оно есть животное: многія животныя лишены головы.

11. Лучше всего слово, къ которому ищемъ соотношенія, составлять изъ того слова, для котораго ищемъ отношенія, какъ это мы сдѣлали въ двухъ вышеупомянутыхъ случаяхъ: рулевый, оглавленный.

12. Итакъ всѣ относительные предметы, если только отношеніе выражено правильно, относятся къ предметамъ, которые состоятъ въ обратномъ отношеніи.

13. Но если мы отнесемъ предметъ къ чему нибудь случайному, а не къ тому, отъ чего относящееся называется, то обратнаго соотношенія быть неможетъ. Къ этому можно прибавить, что даже и въ томъ случаѣ, когда и соотношенія ясны, и когда для предмета, къ коему отношеніе дѣ-

ῥηθήσεται· οἷον ὁ δοῦλος ἐὰν πρὸς τὸν δεσπότην λέγηται, περιαιρουμένων τῶν ἄλλων ἁπάντων, ὅσα συμβεβηκότα ἐστὶ τῷ δεσπότῃ· (οἷον τὸ δίποδι εἶναι, καὶ τὸ ἐπιστήμης δεκτικῷ, καὶ τὸ ἀνθρώπῳ), καταλειπομένου δὲ μόνου τοῦ δεσπότην εἶναι, ἀεὶ ὁ δοῦλος πρὸς αὐτὸν ῥηθήσεται· ὁ γὰρ δοῦλος δεσπότου δοῦλος λέγεται.

14. Ἐὰν δέ γε μὴ οἰκείως ἀποδοθῇ, πρὸς ὅ ποτε λέγεται, περιαιρουμένων μὲν τῶν ἄλλων, καταλειπομένου δὲ μόνου τοῦ, πρὸς ὃ ἀπεδόθη, οὐ ῥηθήσεται πρὸς αὐτό. Ἀποδεδόσθω γὰρ ὁ δοῦλος ἀνθρώπου, καὶ τὸ πτερὸν ὄρνιθος· καὶ περιῃρήσθω τοῦ ἀνθρώπου τὸ δεσπότην αὐτὸν εἶναι· οὐ γὰρ ἔτι ὁ δοῦλος πρὸς ἄνθρωπον ῥηθήσεται· μὴ γὰρ ὄντος δεσπότου, οὐδὲ δοῦλός ἐστιν. Ὡσαύτως

лается, существуетъ особое названіе, обратнаго отношенія не послѣдуетъ, ежели отношеніе указываетъ на какой нибудь предметъ посторонній, а не на тотъ, по которому относимый предметъ называется. Ежели мы, на пр. говоря о рабѣ, укажемъ не на господина раба, но на человѣка, на животное двуногое или на другую случайность этого рода, то мы отношенія обратнаго неполучимъ: потому что отношеніе выражено неточно. Но ежели точно будетъ выражено то, къ чему предметъ относится и удалено все то, что имѣетъ значеніе обстоятельства сторонняго, такъ что останется только нужное для соотношенія, то отношеніе всегда будетъ сдѣлано къ настоящему предмету. Напр. если мы будемъ говорить о рабѣ въ отношеніи къ господину, и удалимъ все, что для сего послѣдняго есть, какъ обстоятельство стороннее (что онъ есть человѣкъ, животное двуногое, способенъ къ наукамъ и т. д.) и, если оставимъ только, что онъ есть господинъ, то рабъ всегда будетъ отнесенъ къ господину, потому что рабъ есть рабъ господина.

14. Но если не точно высказано то, къ чему дѣлается отношеніе, и, хотя все прочее будетъ удалено, такъ что оставимъ только то, къ чему сдѣлано отношеніе, то все таки правильнаго соотношенія не послѣдуетъ. Напр. если мы скажемъ, что рабъ есть рабъ человѣка, что крыло есть крыло птицы; но если мы не скажемъ о человѣкѣ, что онъ есть господинъ, то рабъ не будетъ относиться къ человѣку: потому что

καὶ τοῦ ὄρνιθος περιῃρήσθω τὸ πτερωτὸν εἶναι· οὐ γὰρ ἔτι ἔσται τὸ πτερὸν τῶν πρός τι· μὴ γὰρ ὄντος πτερωτοῦ, οὐδὲ πτερὸν ἔσται τινός.

15. Ὥστε δεῖ μὲν ἀποδιδόναι, πρὸς ὅ ποτε οἰκείως λέγεται· κἂν μὲν ὄνομα ᾖ κείμενον, ῥᾳδία ἡ ἀπόδοσις γίνεται· μὴ ὄντος δέ, ἀναγκαῖον ἴσως ὀνοματοποιεῖν. Οὕτω δὲ ἀποδιδομένων, φανερόν, ὅτι πάντα τὰ πρός τι πρὸς ἀντιστρέφοντα λέγεται.

16. Δοκεῖ δὲ τὰ πρός τι ἅμα τῇ φύσει εἶναι· καὶ ἐπὶ μὲν τῶν πλείστων ἀληθές ἐστιν· ἅμα γὰρ διπλάσιόν ἐστι· καὶ δεσπότου ὄντος, δοῦλος ἐστί· καὶ δούλου ὄντος, δεσπότης ἐστίν. Ὁμοίως δὲ τούτοις καὶ τὰ ἄλλα. Καὶ συναναιρεῖ γε δὲ ταῦτα ἄλληλα· μὴ γὰρ ὄντος διπλασίου, οὐκ ἔστι διπλάσιον. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων, ὅσα τοιαῦτα.

нѣтъ господина — нѣтъ раба. Равно, если мы и о птицѣ не скажемъ, что она есть животное крылатое, то крыло не будетъ понятіемъ относительнымъ: нѣтъ животнаго крылатаго, — не кому принадлежать крылу.

15. И такъ надобно ясно высказывать то, къ чему что нибудь правильно отнесено; ежели въ языкѣ существуетъ такое слово, то дѣло очень легкое, выразить это отношеніе, но если слова нѣтъ въ языкѣ, то можетъ быть нужно его придумать [8]). Если мы такое отношеніе выразимъ, то очевидно, что относительное относится къ такимъ предметамъ, кои состоятъ другъ къ другу въ взаимномъ отношеніи.

16. Все относительное по видимому существуетъ по природѣ *совокупно съ другимъ* [9]); Это справедливо можно сказать о многихъ относительныхъ. Напр. двойное и половина существуютъ совокупно; есть половина — есть и двойное; есть господинъ — есть и рабъ; есть рабъ — есть и господинъ; тоже и о другомъ подобномъ. Эти относительныя также совокупно и исчезаютъ: нѣтъ двойнаго — нѣтъ и половины; тоже и о другихъ случаяхъ.

8. nomen fingere.

9. Quae sunt ad aliquid simulnatura esse. Относительное имѣетъ то свойство, что оно по своей природѣ существуетъ вмѣстѣ съ другимъ. Оба предмета находятся во взаимной, совокупной сопринадлежности, и не могутъ отдѣлены быть другъ отъ друга.

17. Οὐκ ἐπὶ πάντων δὲ τῶν πρός τι ἀληθὲς δοκεῖ τὸ ἅμα τῇ φύσει εἶναι. Τὸ γὰρ ἐπιστητὸν τῆς ἐπιστήμης πρότερον ἂν δόξειεν εἶναι· ὡς γὰρ ἐπὶ τὸ πολύ, προϋπαρχόντων τῶν πραγμάτων, τὰς ἐπιστήμας λαμβάνομεν· ἐπ' ὀλίγων γὰρ ἂν ἢ ἐπ' οὐδενὸς ἴδοι τις ἂν ἅμα τῷ ἐπιστητῷ τὴν ἐπιστήμην γινομένην.

18. Ἔτι τὸ μὲν ἐπιστητὸν ἀναιρεθὲν συναναιρεῖ τὴν ἐπιστήμην· ἡ δὲ ἐπιστήμη τὸ ἐπιστητὸν οὐ συναναιρεῖ· ἐπιστητοῦ μὲν γὰρ τὴ ὄντος, οὐκ ἔστιν ἐπιστήμη· οὐδενὸς γὰρ ἔτι ἔσται ἐπιστήμη· ἐπιστήμης δὲ μὴ οὔσης, οὐδὲν κωλύει ἐπιστητὸν εἶναι· οἷον καὶ ὁ τοῦ κύκλου τετραγωνισμός· εἴ δὲ ἐστιν ἐπιστητὸν, ἐπιστήμη μὲν αὐτοῦ οὐκ ἔστιν οὐδέπω, αὐτὸς δὲ ἐπιστητὸν, ἐπιστητόν ἐστιν. Ἔτι ζῴου μὲν ἀναιρεθέντος, οὐκ ἔσται ἐπιστήμη, τῶν δὲ ἐπιστητῶν πολλὰ ἐνδέχεται εἶναι.

19. Ὁμοίως δὲ τούτοις καὶ τὰ ἐπὶ τῆς αἰσθήσεως ἔχει· τὸ γὰρ αἰσθητὸν πρότερον τῆς αἰσθήσεως δοκεῖ εἶναι. Τὸ μὲν γὰρ αἰσθητὸν ἀναιρεθὲν συναναιρεῖ τὴν αἴσθησιν· ἡ δὲ αἴσθησις τὸ

17. Впрочемъ, кажется, не о всѣхъ относительныхъ справедливо можно сказать, что они существуютъ совокупно отъ природы: напр. познаваемое, я думаю, прежде познанія: обыкновенно бываетъ, что мы усвояемъ знаніе о предметахъ, кои прежде существовали, и только въ немногихъ случаяхъ (а можетъ быть и никогда) знаніе образуется совокупно съ познаваемымъ.

18. Далѣе, ежели познаваемое исчезаетъ, то исчезаетъ и познаніе; напротивъ съ уничтоженіемъ знанія еще не пропадаетъ познаваемое: если нѣтъ познаваемаго, то нѣтъ знанія; иначе оно было бы знаніемъ не существующаго; но если нѣтъ знанія, то ничто не мѣшаетъ быть познаваемому. Напр. квадратура круга есть конечно предметъ познанія, но наука о ней не существуетъ. Къ этому можно прибавить, что, ежели исчезнетъ живущее на землѣ, то совсѣмъ не будетъ познанія, между тѣмъ какъ множество вещей достойныхъ познанія можетъ сохранить свое бытіе.

19. Тоже должно сказать объ ощущеніи: ощущаемое безъ сомнѣнія прежде ощущенія: отнимите ощущаемое — пропадетъ ощущеніе; но

αἰσθητὸν οὐ συναναιρεῖ· αἱ γὰρ αἰσθήσεις περὶ σῶμα καὶ ἐν σώματί εἰσιν. Αἰσθητοῦ δὲ ἀναιρεθέντος, ἀναιρεῖται καὶ τὸ σῶμα· (τῶν γὰρ αἰσθητῶν καὶ τὸ σῶμα)· σώματος δὲ μὴ ὄντος, ἀναιρεῖται καὶ ἡ αἴσθησις. Ὥστε συναναιρεῖ τὸ αἰσθητὸν τὴν αἴσθησιν· ἡ δὲ γε αἴσθησις τὸ αἰσθητὸν οὐ συναναιρεῖ. Ζώου γὰρ ἀναιρεθέντος, αἴσθησις μὲν ἀναιρεῖται αἰσθητὸν, δὲ ἔσται, οἷον σῶμα, θερμόν, γλυκύ, πικρὸν, καὶ τὰ ἄλλα πάντα, ὅσα ἐστὶν αἰσθητά.

20. Ἔτι ἡ μὲν αἴσθησις ἅμα τῷ αἰσθητικῷ γίνεται· ἅμα γὰρ τῷ ζώῳ γίνεται καὶ ἡ αἴσθησις. Τὸ δὲ γε αἰσθητὸν ἐστι καὶ πρὸ τοῦ ζῶον ἢ αἴσθησιν εἶναι· πῦρ γὰρ καὶ ὕδωρ καὶ τὰ τοιαῦτα, ἐξ ὧν καὶ τὸ ζῶον συνίσταται, ἔστι καὶ πρὸ τοῦ ζῶον ὅλως εἶναι ἢ αἴσθησιν. Ὥστε πρότερον ἂν τῆς αἰσθήσεως τὸ αἰσθητὸν εἶναι δόξειεν.

съ уничтоженіемъ ощущенія, не пропадетъ ощущаемое. Дѣйствительно ощущенія относятся къ тѣламъ и суть въ тѣлахъ. Если нѣтъ тѣлъ, то нѣтъ и ощущенія: слѣдов.: ощущаемымъ уничтожается ощущеніе, но при уничтоженіи ощущенія, не уничтожится ощущаемое; если прейдетъ все живое на землѣ, то исчезнетъ ощущеніе, но ощущаемое при всемъ томъ останется, на пр. тѣла, теплота, сладость, горечь и другое ощущаемое.

20. Далѣе ощущеніе раждается съ существомъ способнымъ имѣть ощущенія: когда является на свѣтъ живое существо, вмѣстѣ съ нимъ раждается и ощущеніе; но предметы ощущаемые существуютъ прежде живаго существа, прежде ощущенія: дѣйствительно огонь, вода и другія стихіи, изъ которыхъ состоитъ живое существо (животное), существуютъ прежде, нежели живущее, или прежде, нежели ощущеніе. И такъ, по видимому, справедливо, что ощущаемое прежде ощущенія[10].

---

10. Вопросъ о первѣйшемъ и послѣдствующемъ рѣшенъ въ другихъ мѣстахъ. «Первѣйшимъ по природѣ и по субстанціи называется то, что можетъ быть безъ другаго; позднѣйшимъ,—что безъ другаго быть не можетъ» Мет. V. 11. Другое опредѣленіе находится ниже, гл 12. «Первѣйшее есть то, что не состоитъ съ послѣдующимъ въ совокупной другъ на друга дѣятельности; на пр. единица первѣе двухъ». Для мыслящаго существа можетъ что либо быть первѣйшимъ 1. по познанію (γνώσει), 2. по понятію (κατὰ τὸν λόγον) 3. по времени (χρόνῳ). Субстанція по всѣмъ этимъ тремъ отношеніямъ есть

21. Ἔχει δὲ ἀπορίαν, πότερον οὐσία τῶν πρός τι λέγεται, καθάπερ δοκεῖ, ἢ τοῦτο ἐνδέχεται κατά τινας τῶν δευτέρων οὐσιῶν; ἐπὶ μὲν γὰρ τῶν πρώτων οὐσιῶν ἀληθές ἐστιν· οὔτε γὰρ τὰ ὅλα, οὔτε τὰ μέρη τῶν πρώτων οὐσιῶν, πρός τι λέγεται· ὁ γάρ τις ἄνθρωπος οὐ λέγεται τινός τις ἄνθρωπος· οὐδὲ ὁ τὶς βοῦς τινός τις βοῦς. Ὡσαύτως δὲ καὶ τὰ μέρη· ἡ γάρ τις χεὶρ οὐ λέγεται τινός τις χείρ, ἀλλὰ τινὸς χείρ· καὶ ἡ τὶς κεφαλὴ οὐ λέγεται τινός τις κεφαλή, ἀλλὰ τινὸς κεφαλή· ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν δευτέρων οὐσιῶν, ἐπί γε τῶν πλείστων· οἷον ὁ ἄνθρωπος οὐ λέγεται τινὸς ἄνθρωπος· οὐδὲ ὁ βοῦς τινὸς βοῦς· οὐδὲ τὸ ξύλον τινὸς ξύλον, ἀλλὰ τινὸς κτῆμα λέγεται. Ἐπὶ μὲν οὖν τῶν τοιούτων φανερόν, ὅτι οὐκ ἔστι τῶν πρός τι. Ἐπ' ἐνίων δὲ τῶν δευτέρων οὐσιῶν ἔχει ἀμφισβήτησιν· οἷον ἡ κεφαλὴ τινὸς λέγεται κεφαλή· καὶ ἡ χεὶρ τινὸς λέ-

21. Трудно рѣшить, точно ли никакія *субстанціи* не принадлежатъ къ числу относительныхъ, какъ это вѣроподобно, или нѣкоторыя изъ вторыхъ субстанцій должно причислить къ относительнымъ? Касательно первыхъ субстанцій совершенно справедливо, что ни субстанціи цѣлыя, ни ихъ части не могутъ быть относительными. Опредѣленный человѣкъ не можетъ быть опредѣленнымъ человѣкомъ чего нибудь; опредѣленный волъ — опредѣленнымъ воломъ чего нибудь. Тоже и о частяхъ: опредѣленная рука не называется опредѣленною рукою кого нибудь вообще, но говорится рука кого нибудь; опредѣленная голова не есть опреобще, но голова кого нибудь: тоже должно сказать и о вторыхъ субстанціяхъ, покрайней мѣрѣ о большей части ихъ: на пр. человѣкъ не называется человѣкомъ чего нибудь, но сти ихъ: на пр. человѣкъ не называется человѣкомъ чего нибудь, но онъ можетъ назваться владѣніемъ чьимъ нибудь; слѣдов.: и вторичныя субстанціи тоже не принадлежатъ къ числу предметовъ относительныхъ. Впрочемъ касательно нѣкоторыхъ субстанцій возникаетъ сомнѣ-

---

первое: а) по времени, потому что изъ всѣхъ предикатовъ только οὐσία можетъ быть представлена самостоятельною, безусловно существующею. б) по понятію, потому что понятіе выражаетъ реальность предмета; наконецъ с) познаніе есть не что иное; какъ познаніе истиннаго существа предмета или его субстанціи. Напротивъ ***первое только по природѣ*** (φύσει) обыкновенно для познающаго субъекта есть позднѣйшее. Мет. VII. 1. и 4.

γεται χείρ· καὶ ἕκαστον τῶν τοιούτων· ὥστε ταῦτα τῶν πρός τι δόξειεν ἂν εἶναι.

22. Εἰ μὲν οὖν ἱκανῶς ὁ τῶν πρός τι ὁρισμὸς ἀποδέδοται· ἢ τῶν πάνυ χαλεπῶν, ἢ τῶν ἀδυνάτων ἐστὶ, τὸ δεῖξαι, ὡς οὐδεμία οὐσία τῶν πρός τι λέγεται. Εἰ δὲ μὴ ἱκανῶς, ἀλλ' ἔστι τὰ πρός τι, οἷς τὸ εἶναι ταὐτόν ἐστι τῷ πρός τί πως ἔχειν· ἴσως ἂν ῥηθείη τὶ πρὸς ταῦτα.

23. Ὁ δὲ πρότερος ὁρισμὸς παρακολουθεῖ μὲν πᾶσι τοῖς πρός τι. Οὐ μήν γε ταὐτόν ἐστι τὸ πρός τι αὐτοῖς εἶναι τῷ αὐτὰ, ἅπερ ἐστὶν, ἑτέρων λέγεσθαι.

24. Ἐκ δὲ τούτων δῆλόν ἐστιν, ὅτι, ἐάν τις εἰδῇ τι ὡρισμένως τῶν πρός τι, κἀκεῖνο, πρὸς ὃ λέγεται, ὡρισμένως εἴσεται. Φανερὸν

ніе; на пр. голова есть голова чья нибудь, рука есть рука чья нибудь; тоже и о другихъ подобныхъ предметахъ; слѣдов: кажется эти предметы принадлежатъ къ разряду относительныхъ.

22. Ежели опредѣленіе относительныхъ предметовъ, сдѣлано правильно, то очень трудно, или даже совершенно невозможно доказать, что никакая субстанція не принадлежитъ къ относительнымъ предметамъ; но если дано опредѣленіе недостаточно и, если относительное есть то, *чего сущность состоитъ именно въ томъ*[11], что оно къ чему нибудь *какъ нибудь относится*, то можетъ быть можно найти нѣчто.

23. Первое опредѣленіе относится ко всѣмъ относительнымъ: но иное дѣло сказать, что что-нибудь есть въ отношеніи къ другому и что *существо чего нибудь есть предикатъ*[12] чего нибудь другаго.

24. Отсюда слѣдуетъ, что, если мы точнымъ образомъ знаемъ, что есть относительное, то узнаемъ также опредѣленно и то, къ чему оно

---

11. *Ad* aliquid sunt, quorum essentia nihil aliud est, quam aliquid modo quopiam affectum esse.

12. Такимъ образомъ здѣсь уничтожается первое опредѣленіе. Теперь относительное все таки есть принадлежность предмета, хотя бы относительное, какъ относительное, и не высказано было такъ, что оно относится къ чему нибудь другому.

μὲν οὖν καὶ ἐξ αὐτῶν ἐστιν· εἰ γὰρ οἶδέ τις, τόδε τι ὅτι τῶν πρός τί ἐστι· (ἔστι δὲ τὸ εἶναι τοῖς πρός τι ταὐτὸν τῷ πρός τί πως ἔχειν)· κἀκεῖνο οἶδε, πρὸς ὃ τοῦτό πως ἔχει. Εἰ γὰρ μὴ οἶδεν ὅλως, πρὸς ὃ τοῦτό πως ἔχει· οὐδ', εἰ πρός τί πως ἔχει, εἴσεται.

25. Καὶ ἐπὶ τῶν καθέκαστα δὲ δῆλον τὸ τοιοῦτον. Οἷον τόδε τι, εἰ οἶδέ τις ἀφωρισμένως ὅτι ἐστὶ διπλάσιον· καὶ, ὅτου διπλάσιόν ἐστιν, εὐθὺς ἀφωρισμένως οἶδεν· εἰ γὰρ μηδενὸς τῶν ἀφωρισμένων οἶδεν αὐτὸ διπλάσιον, οὐδ', εἰ ἔστι διπλάσιον ὅλως, οἶδεν. Ὡσαύτως δὲ καὶ τόδε τι, εἰ οἶδεν, ὅτι κάλλιόν ἐστι, καὶ ὅτου κάλλιόν ἐστιν, εὐθὺς ἀφωρισμένως ἀναγκαῖον εἰδέναι· διὰ ταῦτα οὐκ ἀορίστως δὲ εἴσεται, ὅτι τοῦτό ἐστι χείρονος κάλλιον· ὑπόληψις γὰρ τὸ τοιοῦτον γίνεται, οὐκ ἐπιστήμη· οὐ γὰρ ἔτι ἀκριβῶς εἴσεται, ὅτι χείρονος κάλλιον· εἰ γὰρ οὕτως ἔτυχεν, οὐδὲν ἔστι χεῖρον

относится; изъ этого же явствуетъ и слѣдующее: ежели о чемъ нибудь опредѣленно знаемъ, что оно есть относительное и, ежели сущность его есть тоже самое, что оно къ чему нибудь извѣстнымъ образомъ относится, то мы узнаемъ и то, къ чему оно извѣстнымъ образомъ относится: потому что если мы совсѣмъ не знаемъ, *къ чему* именно извѣстнымъ образомъ это относительное относится, то мы не будемъ знать, относится ли оно извѣстнымъ образомъ вообще къ чему нибудь.

25. Это будетъ яснѣе изъ отдѣльныхъ примѣровъ: ежели мы знаемъ опредѣленно, что *это* есть двойное, то мы тогда же опредѣленно знаемъ: чего оно есть двойное: дѣйствительно, если мы не знаемъ, что оно есть двойное чего нибудь опредѣленнаго, то мы не будемъ знать и вообще, что оно есть двойное; равно о чемъ нибудь опредѣленномъ извѣстно, что оно прекраснѣе, то должно необходимо тогда же и опредѣленнымъ образомъ знать, *чего* оно прекраснѣе; невозможно знать неопредѣленнымъ образомъ, что оно красивѣе безобразнаго; это была бы пустая догадка, а не знаніе: мы даже не будемъ точно знать, что оно прекраснѣе безобразнаго, такъ какъ можетъ случиться, что упомянутое безобразное есть самое безобразное. И такъ ясно, что, если мы опре-

αὐτοῦ· ὥστε φανερόν, ὅτι ἀναγκαῖόν ἐστιν, ὃ ἂν εἰδῇ τις τῶν πρός τι ὡρισμένως, κἀκεῖνο, πρὸς ὃ λέγεται, ὡρισμένως εἰδέναι.

26. Τὴν δὲ γε κεφαλὴν, καὶ τὴν χεῖρα, καὶ ἕκαστον τῶν τοιούτων, ἅ εἰσιν οὐσίαι, αὐτὰ μὲν, ἅπερ ἐστὶν, ὡρισμένως ἔστιν εἰδέναι. Πρὸς ὃ δὲ λέγεται, οὐκ ἀναγκαῖον· τίνος γὰρ αὕτη ἡ κεφαλὴ, ἢ τίνος ἡ χεὶρ, οὐκ ἔστιν εἰδέναι ὡρισμένως. Ὥστε οὐκ ἂν εἴη ταῦτα τῶν πρός τι. Εἰ δὲ μὴ ἔστι ταῦτα τῶν πρός τι, ἀληθὲς ἂν εἴη λέγειν, ὅτι οὐδεμία οὐσία τῶν πρός τί ἐστιν.

27. Ἴσως δὲ χαλεπὸν καὶ περὶ τῶν τοιούτων σφοδρῶς ἀποφαίνεσθαι, μὴ πολλάκις ἐπεσκεμμένον. Τὸ μέντοι διηπορηκέναι περὶ ἑκάστου αὐτῶν, οὐκ ἄχρηστόν ἐστι.

CAPUT VIII.

Ποιότητα δὲ λέγω, καθ' ἣν ποιοί τινες εἶναι λέγονται.

дѣленно знаемъ относительное, то мы должны непремѣнно знать опредѣленно и то, къ чему оно относится.

26. Но можно о головѣ, рукѣ и подобныхъ *субстанціяхъ* знать опредѣленно, что онѣ такое суть, не зная, къ чему онѣ относятся, такъ какъ нѣтъ необходимости опредѣленно знать, чья это голова, чья это рука; слѣдов: эти предметы, кажется, не принадлежатъ къ относительнымъ; если же они не принадлежатъ, то конечно будетъ справедливо, что никакая субстанція не принадлежитъ къ отношенію.

27. Впрочемъ можетъ быть трудно высказать *истинное* мнѣніе о подобной матеріи, ежели съ разныхъ сторонъ часто не размышлять о ней. Впрочемъ полезно, если мы подробно вникаемъ [13] въ трудности предмета.

ГЛАВА VIII.

1. Качество есть такая катигорія, по которой кто каковымъ именуется [1].

12. Собственно: полезно, что мы посумнились въ каждомъ изъ этихъ предметовъ. Ceterum de his singulis dubitasse, non est inutile; чрезъ ἀπορεῖν, διαπορεῖν Аристотель

2. Ἔστι δὲ ἡ ποιότης τῶν πλεοναχῶς λεγομένων.

3. Ἓν μὲν οὖν εἶδος ποιότητος ἕξις καὶ διάθεσις λεγέσθωσαν.

4. Διαφέρει δὲ ἕξις διαθέσεως τῷ χρονιώτερον εἶναι καὶ μονιμώτερον. Τοιαῦται δὲ αἵ τε ἐπιστῆμαι, καὶ αἱ ἀρεταί· ἥτε γὰρ ἐπιστήμη δοκεῖ τῶν παραμονιμωτέρων εἶναι, καὶ δυσκινήτων, ἐὰν καὶ μετρίως ἐπιστήμην τις λάβῃ, ἐάνπερ μὴ μεγάλη μεταβολὴ γένηται ὑπὸ νόσου, ἢ ἄλλου τινὸς τοιούτου. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἡ ἀρετὴ, οἷον ἡ δικαιοσύνη καὶ ἡ σωφροσύνη καὶ ἕκαστον τῶν τοιούτων,

2. *Качество* употребляется во многихъ смыслахъ:

3. Первый видъ [2] качества есть навыкъ и состояніе.

4. Навыкъ отличается отъ состоянія тѣмъ, что онъ гораздо прочнѣе. Сюда относятся знанія и добродѣтели. Знаніе, кажется, есть пріобрѣтеніе самое прочное, самое осѣдлое, хотя бы и не въ большемъ объемѣ оно было усвоено, исключая, развѣ, когда болѣзнь или другое подобное обстоятельство произведетъ въ насъ великую перемѣну. Равно и добродѣтель, на пр. справедливость, умѣренность и все таковое, ка-

обыкновенно открываетъ дорогу, чтобы стать на настоящую точку зрѣнія. Въ метафизикѣ третія книга вся содержитъ апоріи, т. е. сомнительные вопросы, метафизическія проблемы и спорные пункты; Ар. ихъ предлагаетъ обсуживать: разбираетъ все встрѣчающееся въ другихъ системахъ философіи. «Кто хочетъ развязать запутанный узелъ, гов. Аристотель, тотъ долженъ прежде узнать, какъ узелъ запутанъ». Дѣйствуя такимъ образомъ; онъ результаты наведенія или индукціи подводитъ подъ извѣстный общій взглядъ и потомъ выставляетъ въ единствѣ свой высшій взглядъ, обнимающій и разрѣшающій всѣ предварительные споры и доводы за и противъ. Апорія есть часть діалектики, которую особенно въ метафизикѣ великій философъ прилагаетъ съ силою великаго мыслящаго генія. Здѣсь мы видимъ образчикъ такой апоріи.

1. Qualitas ex qua aliqui dicuntur esse quales.

2. Способъ употребленія слова Арист. означаетъ терминомъ τροπος, оборотъ, иногда — γενος, родъ; онъ здѣсь даже названъ видомъ, ειδος.

3. Ἕξις навыкъ, habitus, διαθεσις, состояніе affectus. Ἕξις, habitus, навыкъ отличается отъ состоянія тѣмъ, что онъ гораздо прочнѣе (τῷ πολυ χρονιώτεραν εἶναι και μονιμώτερα; quia est diuturnior et permanentior. Ἕξις habitus, навыкъ или *постоянное свойство* есть опредѣленное, твердое *пребываніе* въ какомъ либо качествѣ; сила и крѣпость заимствуются для него изъ устройства внутреннихъ частей организма. Отъ природныхъ способностей навыкъ отличается тѣмъ, что онъ есть нѣчто опредѣленное и направляется на то единое, чего навыкъ есть навыкъ, тогда какъ природныя способности могутъ направляться на противоположное. Навыкъ отличается отъ состоянія, παθος, которое перемѣнчиво. Смотри прим. 7.

οὐκ εὐκίνητον δοκεῖ εἶναι, οὐδ᾽ εὐμετάβολον. Διαθέσεις δὲ λέγονται, ἅ ἐστιν εὐκίνητα καὶ ταχὺ μεταβάλλοντα· οἷον θερμότης καὶ ψυχρότης, καὶ νόσος καὶ ὑγιεία, καὶ ὅσα ἄλλα τοιαῦτα. Διάκειται μὲν γάρ πως κατὰ ταύτας ὁ ἄνθρωπος, ταχὺ δὲ μεταβάλλει, ἐκ θερμοῦ ψυχρὸς γενόμενος, καὶ ἐκ τοῦ ὑγιαίνειν εἰς τὸ νοσεῖν· ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων· εἰ μή τις καὶ αὐτῶν τούτων τυγχάνοι διὰ χρόνου πλῆθος ἤδη συμπεφυσιωμένη, καὶ ἀκίνητος, ἢ πάνυ δυσκίνητος οὖσα· ἣν ἄν τις, ὡς ἕξιν, ἤδη προσαγορεύοι.

5. Φανερὸν δέ, ὅτι ταῦτα βούλονται ἕξεις λέγειν, ἅ ἐστι πολυχρονιώτερα καὶ δυσκινητότερα· τοὺς γὰρ τῶν ἐπιστημῶν μὴ πάνυ τι κατέχοντας, ἀλλ᾽ εὐκινήτους ὄντας, οὔ φασιν ἕξιν ἔχειν· καίτοι διάκειταί γέ πως κατὰ τὴν ἐπιστήμην ἢ χεῖρον, ἢ βέλτιον. Ὥστε διαφέρει ἕξις διαθέσεως τῷ τὴν μὲν εὐκίνητον εἶναι, τὴν δὲ πολυχρονιωτέραν καὶ δυσκινητοτέραν.

жется, не есть что либо подвижное и измѣнчивое[4]. *Состояніемъ* называется то, что легко проходитъ и скоро измѣняется на пр. жаръ и охлажденіе, болѣзнь и здоровье и т. п.; касательно ихъ человѣкъ находится въ извѣстномъ состояніи, но скоро переходитъ въ другое; бывшій сначала теплымъ охлаждается, здоровый переходитъ въ состояніе болѣзненное; тоже и о другихъ состояніяхъ. Случается, что какое нибудь изъ этихъ состояній отъ продолжительности времени становится какъ бы природнымъ[5], такъ что его нельзя излечить, или весьма трудно устранить; такое состояніе можно уже назвать постояннымъ свойствомъ.

5. Ясно, что навыкомъ или постояннымъ свойствомъ называется то, что болѣе продолжительно, и съ трудомъ измѣняется. Если кто не твердо усвоилъ основанія науки, и еще во многомъ колеблется, о такомъ нельзя сказать, что ему приличенъ признакъ свойства постояннаго, навыка; впрочемъ относительно науки онъ находится въ какомъ либо *положеніи* худшемъ или лучшемъ. И такъ навыкъ отличается отъ состоянія тѣмъ, что состояніе переходчиво, а навыкъ продолжительнѣе и прочнѣе.

4. Non facile amoveri aut mutari potest.

5. Какъ бы, обратилось въ природу, quasi naturalis evaserit.

6. Εἰσὶ δὲ αἱ μὲν ἕξεις καὶ διαθέσεις, αἱ δὲ διαθέσεις οὐκ ἐξ
ἀνάγκης ἕξεις. Οἱ μὲν γὰρ ἕξεις ἔχοντες καὶ διάκεινταί γέ πως
κατ᾽ αὐτάς· οἱ δὲ διακείμενοι οὐ πάντως καὶ ἕξιν ἔχουσιν.
7. Ἕτερον δὲ γένος ποιότητος, καθ᾽ ὃ πυκτικοὺς, ἢ δρομικοὺς,
ἢ ὑγιεινοὺς, ἢ νοσώδεις λέγομεν· καὶ ἁπλῶς, ὅσα κατὰ δύναμιν
φυσικὴν, ἢ ἀδυναμίαν, λέγεται· οὐ γὰρ τῷ διακεῖσθαί πως ἕκαστον τῶν τοιούτων λέγεται, ἀλλὰ τῷ δύναμιν ἔχειν φυσικὴν ἢ ἀδυ-
ναμίαν τοῦ ποιῆσαί τι ῥαδίως, ἢ μηδὲν πάσχειν. Οἷον πυκτικοὶ ἢ
δρομικοὶ λέγονται οὐ τῷ διακεῖσθαί πως, ἀλλὰ τῷ δύναμιν ἔχειν
φυσικὴν τοῦ ποιῆσαί τι ῥαδίως. Ὑγιεινοὶ δὲ λέγονται τῷ δύναμιν
ἔχειν φυσικὴν τοῦ μηδὲν πάσχειν ὑπὸ τῶν τυχόντων ῥαδίως· νοσώ-
δεις δὲ τῷ ἀδυναμίαν ἔχειν φυσικὴν τοῦ μηδὲν πάσχειν ῥαδίως ὑπὸ

6. Навыкъ есть вмѣстѣ и состояніе, но состояніе еще не суть по
необходимости свойства. Кто пріобрѣлъ навыкъ, тотъ поставленъ имъ
въ извѣстное состояніе; но кто находится въ какомъ либо состояніи, еще
по этому не имѣетъ необходимо постояннаго ствойства или навыка.
7. Второй видъ качества есть тотъ, когда мы кого называемъ на
примѣръ способнымъ быть кулачнымъ бойцемъ, скороходомъ, быть здо-
ровымъ, больнымъ; вообще сюда принадлежитъ все то, о чемъ говорится
относительно способностей природныхъ, или отноcитольно природной
бездарности[6]; не потому каждая изъ этихъ способностей называется
качествомъ, что она явилась какъ нибудь случайно, но потому что въ
этихъ лицахъ есть естественная спонобность, или безсиліе легко что
нибудь дѣлать или чему либо подвергаться. На пр. извѣстныхъ людей
называютъ кулачными бойцами, или скороходами не потому, что они
показали случайную способность, но потому, что они владѣютъ есте-
ственнымъ даромъ легко производить что-либо. Здоровыми людьми мы
называемъ такихъ людей, у которыхъ есть физическая способность не
подвергаться ни чему вредному для здоровья отъ обстоятельствъ случай-
ныхъ; и болѣзненными людьми мы зовемъ такихъ, кои, по физическому
тѣлосложенію, не могутъ легко переносить вреднаго для здоровья при

6. Quaecunque secundum naturalem vim aut imbecillitatem dicuntur. См. выше прим. 3.

τῶν τυχόντων. Ὁμοίως δὲ τούτοις καὶ τὸ σκληρὸν, καὶ τὸ μαλακὸν ἔχει. Τὸ μὲν γὰρ σκληρὸν λέγεται τῷ δύναμιν ἔχειν τοῦ μὴ ῥᾳδίως διαιρεῖσθαι. Τὸ δὲ μαλακὸν τῷ ἀδυναμίαν ἔχειν τοῦ αὐτοῦ τούτου.

8. Τρίτον δὲ γένος ποιότητος παθητικαὶ ποιότητες καὶ πάθη. Ἔστι δὲ τοιαῦτα, οἷον γλυκύτης τε καὶ πικρότης καὶ στρυφνότης, καὶ πάντα τὰ τούτοις συγγενῆ· ἔτι δὲ καὶ θερμότης, καὶ ψυχρότης, καὶ λευκότης, καὶ μελανία.

9. Ὅτι μὲν οὖν αὗται ποιότησες εἰσι, φανερόν· τὰ γὰρ δεδεγμένα αὐτὰς ποιὰ λέγεται κατ' αὐτάς. Οἷον τὸ μέλι τῷ γλυκύτητα δεδέχθαι λέγεται γλυκύ· καὶ τὸ σῶμα λευκόν, τῷ λευκότητα δεδέχθαι. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων [ἔχει].

обстоятельствахъ случайныхъ. Тоже должно сказать о жесткомъ и о мягкомъ. Первому свойственна способность не легко отдѣляться; другое къ этому не способно.

8. Третій родъ качества составляется изъ качествъ страдательныхъ и страданій[7], таковы: сладость, горечь, кислота и тому подобныя; равно теплота, холодъ; бѣлизна, чернота.

9. Ясно, что это суть качества: потому что вещества, принявшія ихъ, по нимъ называются такими и такими: такъ медъ, принявшій сладость, называется сладкимъ; тѣло, принявшее бѣлизну, называется бѣлымъ; тоже и объ остальномъ.

7. Qualitates afficientes et passiones. Παθος, passio, аффектъ, страданіе, удрученіе въ обширномъ смыслѣ есть свойство измѣняющееся во всякомъ конкретномъ существѣ. Παθος страданіе, гов. Арист. Мет. V. 21, съ одной стороны есть измѣняющееся качество вещи-напр. бѣлый — черный, сладкій — горькій, тяжелый — легкій. Съ другой стороны страданіе есть самая перемѣна, произшедшая относительно этихъ качествъ». Страданіе въ тѣсномъ смыслѣ означаетъ вредную перемѣну, движеніе болѣзненное въ организаціи. Въ этомъ смыслѣ встрѣчается оно ниже при отличеніи страданія отъ страдательныхъ качествъ. Страдательныя качества объяснены въ самомъ текстѣ; это суть качества дѣйствующія на тѣла, удручающія тѣла (удрученный старостію) и заставляющія ихъ принять себя. Эти перемѣны Аристотель подводитъ подъ принятіе движенія. «Все движимое движется другимъ и двигающее присуще въ движеніи; движеніе происходитъ a) въ пространствѣ, первое изъ всѣхъ движеній, происходящее отъ точки притяженія; или b) движеніе есть измѣненіе качественное, относящееся преимущественно къ страдательнымъ качествамъ; или наконецъ c) умноженіе и уменьшеніе. Вездѣ между двигающимъ и движимымъ нѣтъ средины Phys VII 1. 2. 6. Наконецъ παθος значитъ страсть, или состояніе души, въ которомъ соединены пріятное или непріятное. См. ниже.

10. Παθητικαὶ δὲ ποιότητες λέγονται, οὐ τῷ αὐτὰ τὰ δεδεγμένα τὰς ποιότητας πεπονθέναι τι· οὔτε γὰρ τὸ μέλι τῷ πεπονθέναι τι λέγεται γλυκύ· οὔτε τῶν ἄλλων τῶν τοιούτων οὐδέν. Ὁμοίως δὲ τούτοις καὶ ἡ θερμότης καὶ ἡ ψυχρότης παθητικαὶ ποιότητες λέγονται, οὐ τῷ αὐτὰ τὰ δεδεγμένα πεπονθέναι τι· τῷ δὲ κατὰ τὰς αἰσθήσεις ἑκάστην τῶν εἰρημένων ποιοτήτων πάθους εἶναι ποιητικὴν παθητικαὶ ποιότητες λέγονται. Ἥτε γὰρ γλυκύτης πάθος τι κατὰ τὴν γεῦσιν ἐμποιεῖ, καὶ ἡ θερμότης κατὰ τὴν ἀφήν· ὁμοίως δὲ καὶ αἱ ἄλλαι.

11. Λευκότης δὲ καὶ μελανία, καὶ αἱ ἄλλαι χροιαί, οὐ τὸν αὐτὸν τρόπον τοῖς εἰρημένοις παθητικαὶ ποιότητες λέγονται, ἀλλὰ τῷ αὐτὰς ἀπὸ πάθους γεγονέναι. Ὅτι μὲν οὖν γίνονται διὰ πάθος

10. Впрочемъ эти качества называются страдательными не потому, чтобы вещи, принявшія эти качества, сами пострадали: медъ не потому называется сладкимъ, что онъ подвергся какому нибудь страданію[8] или перемѣнѣ внутренней; тоже должно сказать и о другихъ веществахъ; равно теплота и холодъ называются качествами страдательными, также не потому, что тѣла, принявшія эти качества, подвергаются страданію или перемѣнѣ: (но эти свойства такъ называются потому, что относительно *ощущеній* ими производимыхъ, каждое изъ этихъ свойствъ производитъ особенный аффектъ (страданіе, удрученіе страдательное, расположеніе[9]): такъ сладость производитъ страдательное состояніе во вкусѣ, теплота въ осязаніи: тоже и о другихъ страдательныхъ свойствахъ.

11. Но бѣлизна, чернота, однимъ словомъ цвѣта, называютъ страдательными свойствами не въ томъ же слыслѣ, какъ свойства выше упомянутыя: онѣ такъ называются потому, что сами произошли чрезъ страданіе (*аффекцію*, дѣйствіе на тѣла). Въ самомъ дѣлѣ ясно, что чрезъ страданіе (патосъ) происходятъ многія измѣненія въ цвѣтахъ: кто стыдится, тотъ обыкновенно краснѣетъ; кто боится, тотъ блѣднѣетъ;

8. Τῷ πεπονθέναι τι, пострадалъ, измѣнилъ свою природу.

9. Quia in sensibus omnes dictae qualitates sunt passionis effectrices.

πολλαὶ μεταβολαὶ χρωμάτων, δῆλον· αἰσχυνθεὶς γάρ τις ἐρυθρὸς
ἐγένετο· καὶ φοβηθεὶς ὠχρός· καὶ ἕκαστον τῶν τοιούτων. Ὥστε
καὶ, εἴ τις φύσει τῶν τοιούτων τι παθῶν πέπονθε, τὴν ὁμοίαν
χροιὰν εἰκὸς αὐτὸν ἔχειν ἐστίν. Ἥτις γὰρ νῦν ἐν τῷ αἰσχυνθῆναι
διάθεσις τῶν περὶ τὸ σῶμα ἐγένετο, καὶ κατὰ φυσικὴν σύστασιν
ἡ αὐτὴ γένοιτ' ἂν διάθεσις· ὥστε φύσει καὶ τὴν χροιὰν ὁμοίαν γί-
νεσθαι.

12. Ὅσα μὲν οὖν τῶν τοιούτων συμπτωμάτων ἀπό τινων πα-
θῶν δυσκινήτων καὶ παραμονίμων τὴν ἀρχὴν εἴληφε, παθητικαὶ
ποιότητες λέγονται. Εἴτε γὰρ ἐν τῇ κατὰ φύσιν συστάσει ὠχρότης
ἢ μελανία γένηται, ποιότητες λέγονται· ποιοὶ γὰρ κατὰ ταύτας
λεγόμεθα· εἴτε διὰ νόσον μακρὰν ἢ διὰ καῦμα ἤ τι τοιοῦτο συμβέ-
βηκεν ἡ ὠχρότης ἢ μελανία, καὶ μὴ ῥᾳδίως ἀποκαθίστανται, ἢ
καὶ διὰ βίου παραμένουσι, ποιότησες καὶ αὐταὶ λέγονται· ὁμοίως

подобное происходитъ въ многихъ другихъ душевныхъ состояніяхъ.
Если кто подвергся какому-нибудь страданію отъ какого либо естествен-
наго развитія, тотъ, по естественному стнойству, будетъ имѣть необ-
ходимо соотвѣтственный цвѣтъ: въ самомъ дѣлѣ, страдательное состоя-
ніе, которое настаетъ для тѣла, въ слѣдствіе стыда, можетъ также
произойти отъ естественнаго темперамента, и слѣдов. подобный цвѣтъ
можетъ произойти и отъ природы[10].

12. Всѣ симптомы, или необыкновенныя состоянія, происходящіе
отъ внутреннихъ аффекцій, съ трудомъ устраняемыхъ и постоянно оста-
ющихся, называются страдательными; такъ, если блѣдность или мрач-
ность произошли отъ естественнаго состава тѣла, то онѣ называются
качествами страдательными, потому что *по этимъ* признакамъ пред-
меты или лица называются блѣдными или мрачными. Равно, если такія
качества произошли отъ болѣзни долговременной или отъ прижиганія и
они не проходятъ скоро или даже остаются на всю жизнь, то и эти
признаки называются качествами, потому что отъ нихъ лица или пред-
меты называются таковыми. Но всякая перемѣна, проистекающая отъ

10. In naturali constitutione eadem affectio fieri potest.

γὰρ ποιοὶ κατ' αὐτὰς λεγόμεθα. Ὅσα δὲ ἀπὸ ῥᾳδίως διαλυομένων
καὶ ταχὺ ἀποκαθισταμένων γίνεται, πάθη λέγεται, ποιότητες δὲ
οὔ. Οὐ γὰρ λέγονται ποιοί τινες κατ' αὐτάς· οὔτε γὰρ ὁ ἐρυθριῶν
διὰ τὸ αἰσχύνεσθαι ἐρυθρίας λέγεται· οὔτε ὁ ὠχριῶν διὰ τὸ φοβεῖ-
σθαι ὠχρίας· ἀλλὰ μᾶλλον πεπονθέναι τι· ὥστε πάθη μὲν τὰ τοι-
αῦτα λέγεται, ποιότητες δὲ οὔ.

13. Ὁμοίως δὲ τούτοις καὶ κατὰ ψυχὴν παθητικαὶ ποιότητες
καὶ πάθη λέγονται. Ὅσα γὰρ ἐν τῇ γενέσει εὐθὺς ἀπό τινων πα-
θῶν δυσκινήτων γεγένηται, ποιότητες λέγονται· οἷον ἥ τε μανικὴ
ἔκστασις, καὶ ἡ ὀργὴ, καὶ τὰ τοιαῦτα· ποιοὶ γὰρ κατ' αὐτὰς λέ-
γονται ὀργίλοι τε καὶ μανικοί. Ὁμοίως δὲ καὶ ὅσαι ἄλλαι ἐκστά-
σεις μὴ φυσικαὶ, ἀλλ' ἀπό τινων ἄλλων συμπτωμάτων γεγένηνται
δυσαπάλλακτοι, ἢ καὶ ὅλως ἀκίνητοι, ποιότητες καὶ τὰ τοιαῦτα·
ποιοὶ γὰρ κατ' αὐτὰς λέγονται. Ὅσα δὲ ἀπὸ ῥᾳδίως καὶ ταχὺ

такихъ движеній, которыя легко разлагаются, или скоро проходятъ, на-
зывается аффектомъ, состояніемъ (патосомъ), а не качествомъ, ибо
ничто по такой перемѣнѣ не характеризуется: мы не называемъ крас-
нымъ того, кто отъ стыда краснѣетъ; равно не называемъ блѣднымъ
того, кто блѣднѣетъ отъ страха; но о томъ и другомъ состояніи гово-
римъ, что они подверглись аффекту, страданію, испытали перемѣну;
это суть состоянія страдательныя, а не качества.

13. Подобнымъ образомъ можно говорить о страстныхъ характе-
рахъ или качествахъ, и страстяхъ душевныхъ. Качествомъ называется
внутреннее состояніе, раждающееся при своемъ началѣ быстро отъ такой
страсти, которая сама собою обыкновенно не вдругъ обнимаетъ душу;
на пр. неистовое иступленіе, ярость, и. п.; мы обыкновенно по этимъ
качествамъ характеризуемъ человѣка, говоря: сердитый, горячій чело-
вѣкъ. Равно должно назвать качествами всѣ раздраженія, различнаго
рода, которыя происходятъ не отъ природы, но отъ какихъ нибудь дру-
гихъ обстоятельстъ; такъ какъ трудно измѣнить это состояніе, или даже
вообще нельзя отклонить; мы и по нимъ обыкновенно характеризуемъ
людей. Напротивъ внутреннія перемѣны происходящія отъ случаевъ,
скоро преходящихъ, называются страстными; на пр. если кто въ досадъ

ἀποκαθισταμένων γίνεται. Οἷον εἰ λυπούμενός τις ὀργιλώτερος γίνεται· οὐδὲ γὰρ λέγεται ὀργίλος ὁ ἐν τῷ τοιούτῳ πάθει ὀργιλώτερος ὤν, ἀλλὰ μᾶλλον πεπονθέναι τι· ὥστε πάθη μὲν λέγεται τὰ τοιαῦτα, ποιότητες δὲ οὔ.

14. Τέταρτον δὲ γένος ποιότητος σχῆμά τε καὶ ἡ περὶ ἕκαστον ὑπάρχουσα μορφή· ἔτι δὲ πρὸς τούτοις εὐθύτης καὶ καμπυλότης, καὶ εἴ τι τούτοις ὅμοιόν ἐστι· καθ' ἕκαστον γὰρ τούτων ποιόν τι λέγεται. Τὸ γὰρ τρίγωνον ἢ τετράγωνον εἶναι ποιόν τι λέγεται· καὶ τὸ εὐθὺ ἢ τὸ καμπύλον· καὶ κατὰ τὴν μορφὴν δὲ ἕκαστον ποιὸν λέγεται.

15. Τὸ δὲ μανὸν καὶ τὸ πυκνὸν, καὶ τὸ τραχὺ καὶ τὸ λεῖον, δόξειε μὲν ἂν ποιόν τι σημαίνειν· ἔοικε δὲ ἀλλότρια τὰ τοιαῦτα εἶναι τῆς περὶ τὸ ποιὸν διαιρέσεως. Θέσιν γάρ τινα μᾶλλον φαίνεται τῶν μορίων ἑκάτερον δηλοῦν· πυκνὸν μὲν γὰρ τῷ τὰ μόρια σύ-

нѣсколько сердитъ; мы не называемъ того сердитымъ, кто въ такомъ расположеніи души нѣсколько сердитъ; но мы говоримъ о немъ: что онъ въ страсти. И такъ это будетъ страсть, а не качество.

14. Четвертый родъ качества есть *видъ* и вокругъ всякой вещи существующая *форма*[11]; кромѣ того: прямизна и кривизна и подобное[12]; въ самомъ дѣлѣ каждое изъ этихъ свойствъ служитъ основаніемъ для обозначенія вещи: если мы назовемъ треугольникъ, или четвероугольникъ, то этого достаточно для обозначенія предмета.

15. Тоже должно сказать о прямомъ и о кривомъ. Формою тоже вещи опредѣляются. Жидкое и густое[13], шероховатое и гладкое по видимому также могутъ означать нѣчто качественное: впрочемъ, кажется, эти понятія не могутъ принадлежать къ катигоріи качества; такія опредѣленія скорѣе означаютъ извѣстное *расположеніе* частей предмета. Мы называемъ что нибудь густымъ, когда частицы лежатъ близко одна къ другой: мы называемъ что нибудь рѣдкимъ, когда онѣ болѣе или

11. Figura et circa quamque rem consistens forma. Схима относится къ внѣшнимъ предметамъ: особенно употребляется для означенія фигуръ математическихъ. Мет. V. 6.

12. Rectitudo et obliquitas.

13. Rarum et densum; asperum et laeve.

νεγγυς εἶναι ἀλλήλοις· μανὸν δὲ τῷ διεστάναι ἀπ' ἀλλήλων· καὶ λεῖον μὲν τῷ ἐπ' εὐθείας πως τὰ μόρια κεῖσθαι· τραχὺ δὲ τῷ μὲν ὑπερέχειν, τῷ δὲ ἐλλείπειν.

16. Ἴσως μὲν οὖν καὶ ἄλλος ἂν τις φανείη τρόπος ποιότητος. Ἀλλ' οἵ γε μάλιστα σχεδὸν λεγόμενοι οὗτοι εἰσί.

17. Ποιότητες μὲν οὖν εἰσιν αἱ εἰρημέναι, ποιὰ δὲ τὰ κατ' αὐτὰς παρωνύμως λεγόμενα, ἢ ὁπωσοῦν ἄλλως ἀπ' αὐτῶν. Ἐπὶ μὲν οὖν τῶν πλείστων καὶ σχεδὸν ἐπὶ πάντων παρωνύμως λέγεται· οἷον ἀπὸ τῆς λευκότητος ὁ λευκός, καὶ ἀπὸ τῆς γραμματικῆς ὁ γραμματικός, καὶ ἀπὸ τῆς δικαιοσύνης ὁ δίκαιος· ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων. Ἐπ' ἐνίων δὲ, διὰ τὸ μὴ κεῖσθαι τὰ ταῖς ποιότησιν ὀνόματα, οὐκ ἐνδέχεται παρωνύμως ἀπ' αὐτῶν λέγεσθαι· οἷον ὁ

менѣе отстоятъ одна отъ другой. Гладкимъ называется что нибудь, когда части, такъ сказать, лежатъ на ровной линіи: въ шероховатомъ частицы выдаются за линію, или до нея не доходятъ.

16. Можетъ быть есть еще роды качественнаго, но приведенные нами суть главные и болѣе употребительны[15]. Свойства *качества* таковы, какъ мы теперь ихъ изложили.

17. Качественное есть то, что отъ качества такимъ называется паронимически (по производству слова), или какъ иначе. Большая часть ихъ и, можно сказать, почти всѣ именуются по качествамъ паронимически: такъ бѣлое по бѣлизнѣ, грамматическое по грамматикѣ, правосудный по правосудію. Но иногда качественнаго не возможно назвать паронимически отъ качествъ, такъ какъ сами качества не имѣютъ въ языкѣ особыхъ наименованій. На пр. мы скорохода, кулачнаго бойца, которые такъ названы по естественной способности[16], не зовемъ пароними-

15. Въ другомъ мѣстѣ (Мет. V. Гл 14) Аристотель еще созерцательнѣе и опредѣленнѣе выставляетъ два значенія для качественнаго. Первое и самое главное есть качественное обозначеніе субстанціи предмета Это суть тѣ отличія которыя не находятся въ движеніи; на пр. человѣкъ есть животное двуногое; кругъ есть фигура не имѣющая угловъ. Здѣсь качественное есть самое существо предмета. По второму значенію качественное есть свойство движущихся тѣлъ, поколику они движутся и выражаютъ относительное качество ихъ движенія; напр. переходъ тѣла въ состояніе тепла и холода (теплый и холодный), въ цвѣтъ бѣлый и черный и пр.

16. См. выше.

δρομικὸς ἢ ὁ πυκτικὸς, ὁ κατὰ δύναμιν φυσικὴν λεγόμενος, ἀπ'
οὐδεμιᾶς ποιότητος παρωνύμως λέγεται· οὐ γὰρ κεῖται ὀνόματα
ταῖς δυνάμεσι, καθ' ἃς οὗτοι ποιοὶ λέγονται· ὥσπερ ταῖς ἐπιστή-
μαις, καθ' ἃς πυκτικοὶ ἢ παλαιστρικοὶ κατὰ διάθεσιν λέγονται·
πυκτικὴ γὰρ ἐπιστήμη λέγεται, καὶ παλαιστρική· ποιοὶ δ' ἀπὸ
τούτων παρωνύμως οἱ διακείμενοι λέγονται. Ἐνίοτε δὲ καὶ ὀνό-
ματος κειμένου, οὐ λεγεται παρωνύμως τὸ κατ' αὐτὴν ποιὸν λεγό-
μενον· οἷον ἀπὸ τῆς ἀρετῆς ὁ σπουδαῖος· τῷ γὰρ ἀρετὴν ἔχειν
σπουδαῖος λέγεται, ἀλλ' παρωνύμως ἀπὸ τῆς ἀρετῆς. Οὐκ ἐπὶ
πολλῶν δὲ τὸ τοιοῦτόν ἐστι. Ποιὰ οὖν λέγεται τὰ παρωνύμως ἀπὸ
τῶν εἰρημένων ποιοτήτων λεγόμενα, ἢ ὁπωσοῦν ἄλλως ἀπ' αὐτῶν.

18. Ὑπάρχει δὲ καὶ ἐναντιότης κατὰ τὸ ποιόν· οἷον ἡ δικαιο-
σύνη ἀδικίᾳ ἐναντίον, καὶ λευκότης μελανίᾳ, καὶ τἆλλα ὡσαύτως·

чески отъ какого нибудь качества; потому что нѣтъ выраженій для
тѣхъ способностей, отъ коихъ такіе люди такъ называются. Но есть
въ Греціи училища, въ которыхъ занимающемуся можно пріобрѣсти на-
званіе скороходовъ и кулачныхъ бойцевъ. Такъ (въ Греціи) суще-
ствуетъ школа Пиктики и Палестрики[17]; отъ нихъ получаютъ названіе
тѣ, кои занимаются этими искуствами. Иногда случается, что мы не
называемъ паронимически предметъ отъ его качества, хотя есть для
самаго качества особенное слово въ языкѣ: на пр. отъ искуства мы
называемъ кого нибудь художникомъ: когда кто обладаетъ искуствомъ,
мы называемъ того художникомъ, но художникъ не называется парони-
мически отъ искуства[18]. Впрочемъ это бываетъ нечасто. И такъ каче-
ственное есть то, что паронимически называется отъ качества предмета
или даже отъ чего либо другаго.

18. Въ качественномъ бываетъ и противоположеніе на пр. право-
судіе противоположно неправосудію, бѣлизна чернотѣ и т. д. Это же

17. Πυκτικὴ καὶ παλαιστρικη. Кулачный бой, πυκτοσύνη, требовалъ значительнаго
напряженія силы и назывался ἀλεγείνη. Предъ боемъ бойцы обвивали руки ремнями: удары
въ голову, виски, уши, лобъ, скулы и ротъ. Борьба была главнымъ тѣлеснымъ упражненіемъ
въ гимназіи еллинской; борцы натирали тѣло масломъ и осыпали пылью; боролись по-парно.

18. Въ подлинникѣ приведенъ примѣръ: *добродѣтельный*, который называется не
ἀρεταιος, ἀπο τῆς ἀρετῆς, но σπουδαιος.

καὶ τὰ κατ' αὐτὰς δὲ λεγόμενα ποιά· οἷον τὸ ἄδικον τῷ δικαίῳ,
καὶ τὸ λευκὸν τῷ μέλανι.

19. Οὐκ ἐπὶ πάντων δὲ τὸ τοιοῦτον συμβαίνει· τῷ γὰρ πυῤ-
ῥῷ, ἢ ὠχρῷ, ἢ ταῖς τοιαύταις χροιαῖς, οὐδέν ἐστιν ἐναντίον, ποιοῖς
οὖσιν.

20. Ἔτι ἐὰν τῶν ἐναντίων θάτερον ᾖ ποιὸν, καὶ τὸ λοιπὸν
ἔσται ποιόν. Τοῦτο δὲ δῆλον ἐκ τῶν καθέκαστα προχειριζομένῳ
τὰς ἄλλας κατηγορίας. Οἷον, εἰ ἔστιν ἡ δικαιοσύνη τῇ ἀδικίᾳ
ἐναντίον, ποιὸν δὲ ἡ δικαιοσύνη· ποιὸν ἄρα καὶ ἡ ἀδικία· οὐδεμία
γὰρ τῶν ἄλλων κατηγοριῶν ἐφαρμόσει τῇ ἀδικίᾳ, οὔτε ποσὸν, οὔτε
τὸ πρός τι, οὔτε τὸ ποῦ, οὔθ' ὅλως τῶν τοιούτων οὐδὲν, ἀλλ' ἢ
ποιόν. Ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων τῶν κατὰ τὸ ποιὸν ἐναν-
τίων.

21. Ἐπιδέχεται δὲ τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον τὰ ποιά· λευκὸν
γὰρ μᾶλλον καὶ ἧττον ἕτερον ἑτέρου λέγεται, καὶ δίκαιον ἕτερον

самое должно сказать и относительно того, что отъ этихъ качествъ па-
ронимически называется качественнымъ: напр. неправосудное противо-
положно правосудному, бѣлое противоположно черному.

19. Впрочемъ это не о всѣхъ цвѣтахъ: напр. красному, блѣдному
или какому нибудь другому цвѣту ничего не льзя противоположить,
хотя это тоже качества.

20. Если одно изъ противоположныхъ есть качественное, то и
другое должно быть также качественнымъ; Это будетъ ясно, если мы
примемъ во вниманіе другія катигоріи, если напр. правосудіе противопо-
ложно неправосудію; и правосудіе есть имя качественное, и неправосу-
діе будетъ также качественнымъ, такъ какъ неправосудіе не можетъ
быть отнесено ни къ какой катигоріи, ни къ количеству, ни къ отно-
шенію, ни къ мѣсту, ни какой другой катигоріи, кромѣ катигоріи каче-
ства. Это замѣчаніе относится ко всему, что противоположно какому
нибудь качеству.

21. Качественное способно принимать большую или меньшую сте-
пень. Что нибудь бываетъ болѣе или менѣе бѣло, нежели другое; —
болѣе или менѣе справедливо, нежели другое, и одно и тоже качество

ἑτέρου μᾶλλον καὶ ἧττον, καὶ αὐτὰ δὲ ἐπίδοσιν λαμβάνει. Λευκὸν γὰρ ὂν ἔτι ἐνδέχεται λευκότερον γίνεσθαι.

22. Οὐ πάντα δέ, ἀλλὰ τὰ πλεῖστα. Δικαιοσύνη γὰρ δικαιοσύνης εἰ λέγοιτο μᾶλλον καὶ ἧττον, ἀπορήσειεν ἄν τις· ὁμοίως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων διαθέσεων. Ἔνιοι γὰρ ἀμφισβητοῦσι περὶ τῶν τοιούτων· δικαιοσύνην μὲν γὰρ δικαιοσύνης οὐ πάνυ, φασί, μᾶλλον καὶ ἧττον λέγεσθαι, οὐδὲ ὑγίειαν ὑγιείας· ἧττον μέντοι ἔχειν ἕτερον ἑτέρου ὑγίειαν, φασι, καὶ δικαιοσύνην ἧττον ἕτερον ἑτέρου ἔχειν· ὡσαύτως δὲ καὶ γραμματικήν, καὶ τὰς ἄλλας διαθέσεις. Ἀλλ' οὖν τά γε κατ' αὐτὰς λεγόμενα ἀναμφισβήτως ἐπιδέχεται τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον· γραμματικώτερος γὰρ ἕτερος ἑτέρου λέγεται, καὶ δικαιότερος, καὶ ὑγιεινότερος· καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ὡσαύτως.

23. Τρίγωνον δὲ καὶ τετράγωνον οὐ δοκεῖ τὸ μᾶλλον καὶ τὸ

способно принимать приращеніе[19]: что нибудь бѣлое можетъ сдѣлаться еще бѣлѣе.

22. Если это бываетъ не со всѣми качественными, то по крайней мѣрѣ съ большею частію ихъ. Напр. можно ли сказать о справедливости, что она есть болѣе или менѣе справедливость? тоже и о другихъ свойствахъ. Въ самомъ дѣлѣ это послѣднее для многихъ есть предметъ спорный: утверждаютъ, что не возможно сказать, что справедливость есть болѣе или менѣе справедливость, что здоровье есть болѣе или менѣе здоровье; но можно сказать, что у кого нибудь болѣе здоровья, чѣмъ у другаго, что у кого нибудь болѣе справедливости, чѣмъ у другаго[20]: тоже должно сказать напр. о знаніи грамматики и другихъ нравственныхъ свойствахъ. Слѣдовательно, предметы называемые отъ этихъ качествъ безспорно способны принимать большую или меньшую степень: напр. кто нибудь сильнѣе въ грамматикѣ, здоровѣе, справедливѣе, нежели другой и т. под.

23. Напротивъ треугольникъ и четвероугольникъ не способны къ

19. Ἐπίδοσιν, incrementum.

20. Т. е. если качественное разсматривается только относительно себя, то степеней сравненія быть не можетъ: предметы, названные такими и такими, могутъ быть сравнены только съ другими предметами.

ἧττον ἐπιδέχεσθαι, οὐδὲ τῶν ἄλλων σχημάτων οὐδέν. Τὰ μὲν γὰρ ἐπιδεχόμενα τὸν τοῦ τριγώνου λόγον, καὶ τὸν τοῦ κύκλου, πάνθ' ὁμοίως τρίγωνα, ἢ κύκλοι, εἰσί. Τῶν δὲ μὴ ἐπιδεχομένων τὸν αὐτὸν λόγον οὐδὲν ἕτερον ἑτέρου μᾶλλον ῥηθήσεται· οὐδὲν γὰρ μᾶλλον τὸ τετράγωνον τοῦ ἑτερομήκους κύκλος ἐστίν· οὐδέτερον γὰρ ἐπιδέχεται τὸν τοῦ κύκλου λόγον. Ἁπλῶς δέ, ἐὰν μὴ ἐπιδέχηται ἀμφότερα τὸν τοῦ προκειμένου λόγον, οὐ ῥηθήσεται τὸ ἕτερον τοῦ ἑτέρου μᾶλλον· οὐ πάντα οὖν ἐπιδέχεται τὰ ποιὰ τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον.

24. Τῶν μὲν οὖν εἰρημένων οὐδὲν ἴδιον ποιότητος.

25. Ὅμοια δὲ ἢ ἀνόμοια κατὰ μόνας τὰς ποιότητας λέγεται. Ὅμοιον γὰρ ἕτερον ἑτέρῳ οὐκ ἔστι κατ' ἄλλο οὐδέν, ἢ καθ' ὃ ποιόν ἐστιν· ὥστε ἴδιον ἂν εἴη τῆς ποιότητος τὸ ὅμοιον ἢ ἀνόμοιον λέγεσθαι κατ' αὐτήν.

большей или меньшей степени[21]; равно и никакая другая фигура: все то, что имѣетъ видъ треугольника или круга есть все одинаковымъ образомъ треугольникъ или кругъ; и то, что не имѣетъ вида которой нибудь изъ этихъ фигуръ, о томъ нельзя сказать, что оно *болѣе или менѣе* не есть такая то фигура: трапеція не больше кругъ, нежели параллелограммъ, такъ какъ ни та ни другая не есть кругъ. Во всякомъ случаѣ[22], если то и другое не содержитъ въ себѣ одного понятія, выраженнаго обыкновенно въ опредѣленіи, то ни объ одномъ нельзя сказать, что ему что нибудь должно приписать больше, чѣмъ другому. И такъ не всѣ качественныя принимаютъ *больше* или *меньше*.

24. Изъ всего нами здѣсь приведеннаго нѣтъ еще ничего, чтобы исключительно принадлежало катигоріи качества.

25. Только *подобное и не подобное* приписывается одной категоріи— качеству: одинъ предметъ подобенъ другому не въ другомъ какомъ-либо отношеніи, какъ потому, что онъ содержитъ такія или другія качества. И такъ особенность качества есть та, что подобное и не подобное приписывается только качеству.

21. Смотри выше четвертый видъ качественнаго.

22. Nisi ambo recipiant rei propositae definitionem, non dicetur alterum altero magis tali.

26. Οὐ δεῖ δὲ ταράττεσθαι, μή τις ἡμᾶς φήσῃ ὑπὲρ ποιότητος τὴν πρόθεσιν ποιησαμένους πολλὰ τῶν πρός τι συγκαταριθμεῖσθαι· τὰς γὰρ ἕξεις καὶ τὰς διαθέσεις τῶν πρός τι ἐλέγομεν εἶναι. Σχεδὸν γὰρ ἐπὶ πάντων τῶν τοιούτων τὰ γένη τῶν πρός τὸ λέγεται· τῶν δὲ καθ' ἕκαστον οὐδέν. Ἡ μὲν γὰρ ἐπιστήμη, γένος οὖσα, αὐτό, ὅπερ ἐστὶν, ἑτέρου λέγεται· τινὸς γὰρ ἐπιστήμη λέγεται. Τῶν δὲ καθ' ἕκαστον αὐτό, ὅπερ ἐστὶν, ἑτέρου λέγεται· οἷον ἡ γραμματικὴ οὐ λέγεταί τινος γραμματική· οὐδὲ ἡ μουσικὴ τινὸς μουσική· ἀλλ' ἢ ἄρα κατὰ τὸ γένος καὶ αὗται τῶν πρός τι λέγονται· οἷον ἡ γραμματικὴ λέγεται τινὸς ἐπιστήμη, οὐ τινὸς γραμματική· καὶ ἡ μουσικὴ τινὸς ἐπιστήμη, οὐ τινὸς μουσική. Ὥστε αἱ καθ' ἕκαστα οὐκ εἰσὶ τῶν πρός τι. Λεγόμεθα δὲ ποιοὶ ταῖς καθ' ἕκαστα· ταύτας γὰρ καὶ ἔχομεν· ἐπιστήμονες γὰρ λεγόμεθα τῷ ἔχειν τῶν καθ' ἕκαστα ἐπιστημῶν τινας. Ὥστε αὗται ἂν καὶ ποιότητες εἴησαν αἱ καθ' ἕκαστα, καθ' ἃς ποτε καὶ ποιοὶ λεγόμεθα. Αὗται δὲ οὐκ εἰσὶ τῶν πρός τι. Ἔτι, εἰ τυγχάνοι τὸ αὐτὸ καὶ ποιὸν καὶ πρός τι ὄν, οὐδὲν ἄτοπον, ἐν ἀμφοτέροις αὐτὸ τοῖς γένεσι καταριθμεῖσθαι.

26. Не должно затрудняться, если намъ возразятъ, что мы, положивши говорить о качествѣ, внесли многое изъ катигоріи отношенія: такъ мы сказали, что навыкъ и извѣстныя состоянія принадлежатъ къ сферѣ относительнаго. Почти о всѣхъ ихъ, какъ о родовыхъ понятіяхъ, конечно говорится по отношенію; съ отдѣльными предметами этого не дѣлаемъ[23]. Такъ о наукѣ, которая есть родъ, говорится, что ея существо есть существо другаго т. е. наука есть наука о чемъ нибудь. Но ни о какомъ особенномъ предметѣ мы не говоримъ, что его существо есть существо чего либо другаго; напр. наука языка не есть наука о чемъ нибудь, музыка не есть музыка чего нибудь. Но если мы иногда причисляемъ особенные предметы къ относительнымъ, то мы дѣлаемъ это относительно къ роду: такъ грамматика есть *наука о томъ то*, а *не грамматика о томъ-то*; *музыка* есть *знаніе чего то, а не музыка чего-то*. И такъ особенныя науки не принадлежатъ къ отношеніямъ. Впрочемъ мы называемъ себя отъ особенныхъ наукъ, когда мы владѣемъ ими: мы называемся учеными, когда обладаемъ какою нибудь особенною наукою; эти отдѣльныя науки, по которымъ величаютъ насъ такъ или иначе, можно назвать качественными, но онѣ, сами по себѣ, не принадлежатъ къ предметамъ относительнымъ. Далѣе, еслибъ бы одинъ и тотъ же предметъ случайно былъ вдругъ относительнымъ и качественнымъ, то мы не дѣлаемъ ошибки, если будемъ считать его въ двухъ родахъ катигорій.

23. In his omnibus genera dicuntur ad aliquid, singulorum vero nihil ad aliquid.

CAPUT VII.

Ἐπιδέχεται δὲ καὶ τὸ ποιεῖν καὶ τὸ πάσχειν ἐναντιότητα, καὶ τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον.

2. Τὸ γὰρ θερμαίνειν τῷ ψύχειν ἐναντίον, καὶ τὸ θερμαίνεσθαι τῷ ψύχεσθαι, καὶ τὸ ἥδεσθαι τῷ λυπεῖσθαι· ὥστε ἐπιδέχεται ἐναντιότητα.

3. Καὶ τὸ μᾶλλον καὶ ἧττον· θερμαίνειν γὰρ μᾶλλον καὶ ἧττόν

ГЛАВА VII[1].

1. *Дѣйствіе* и *страданіе* допускаютъ и противоположеніе и большую и меньшую степень.

2. Такъ нагрѣваніе противоположно охлажденію; быть нагрѣту противоположно быть охлаждену; *радоваться* противоположно *печалиться*. Слѣдовательно дѣйствіе и страданіе принимаютъ противоположеніе.

3. Тоже нужно сказать *о больше и мѣньше*: можно нагрѣть

1. Шесть слѣдующихъ катигорій Арист. разсматриваетъ, какъ сказано, въ краткихъ очеркахъ. За качествомъ поставлены катигоріи дѣйствія и страданія. Трендеdenбургъ говоритъ, что Арист. о катигоріяхъ дѣйствія и страданія написалъ цѣлый трактатъ, коего заглавіе оставилъ Діогенъ Лаерцій: περὶ τῶν ποιεῖν καὶ πεπονθέναι. Объ этомъ трактатѣ упоминаетъ и самъ Аристотель de anima II. 5. Понятія дѣйствія и страданія весьма важныя въ системѣ перипатетиковъ, довольно развиты у Аристотеля въ сочиненіи de gen. et cor. и еще нѣсколько въ физикѣ. Дѣйствующее и страдающее, говоритъ Аристотель, должны быть одного рода, но не одного вида.

ἐστι, καὶ θερμαίνεσθαι μᾶλλον καὶ ἧττον, καὶ λυπεῖσθαι μᾶλλον καὶ ἧττον. Ἐπιδέχεται οὖν καὶ τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον τὸ ποιεῖν καὶ τὸ πάσχειν. Ὑπὲρ μὲν οὖν τούτων τοσαῦτα λέγεται.

4. Εἴρηται δὲ καὶ ὑπὲρ τοῦ κεῖσθαι ἐν τοῖς πρός τι, ὅτι παρωνύμως ἀπὸ τῶν θέσεων λέγεται.

5. Ὑπὲρ δὲ τῶν λοιπῶν, τοῦ τε πότε, καὶ τοῦ ποῦ, καὶ τοῦ ἔχειν, διὰ τὸ προφανῆ εἶναι, οὐδὲν ὑπὲρ αὐτῶν ἄλλο λέγεται, ἢ ὅσα ἐν ἀρχῇ ἐῤῥέθη· ὅτι τὸ ἔχειν μὲν σημαίνει τὸ ὑποδεδέσθαι, τὸ ὡπλίσθαι· τὸ δὲ ποῦ, οἷον ἐν Λυκείῳ, ἐν ἀγορᾷ· καὶ τὰ ἄλλα δὲ, ὅσα ὑπὲρ αὐτῶν ἐῤῥέθη.

6. Ὑπὲρ μὲν οὖν τῶν προτεθέντων γενῶν ἱκανὰ τὰ εἰρημένα.

болѣе или менѣе; можно быть нагрѣтымъ болѣе или менѣе. Слѣдовательно дѣйствіе и страданіе способны къ большей или меньшей степени Этого достаточно о дѣйствіи и страданіи.

4. Говоря объ отношеніи, мы сказали, что лежать паронимически называется отъ положенія.

5. Такъ какъ остальныя категоріи, *когда, гдѣ, быть въ извѣстномъ состояніи*[2] ясны сами по себѣ, то мы здѣсь о нихъ не говоримъ ничего, кромѣ того, что мы сказали въ началѣ трактата: находиться въ состояніи значитъ напр. быть обутымъ, быть вооруженнымъ. Гдѣ? напр въ Лицеѣ и проч. какъ сказано выше.

6. О категоріяхъ, названныхъ нами сначала, мы сказали достаточно.

2. Ἔχειν; глаголъ ἔχειν, habere по особенному употребленію въ греческомъ языкѣ соотвѣтствуетъ въ нашихъ языкахъ глаголу *имѣю* только однимъ своимъ значеніемъ. На греческомъ онъ имѣемъ много значеній, которыя и исчисленны у Арист. Мет. V 20. подъ ловомъ ἕξις и Мет. V. 23 ἔχω. Исчисленіемъ значеній глагола ἔχω оканчивается сочиненіе о категоріяхъ, Здѣсь ἔχω значитъ состоять, находиться въ извѣстномъ положеніи Ἕξις (V. 20) есть положеніе, по которому что-либо находится въ хорошемъ или худомъ состояніи, или само по себѣ или относительно къ чему другому. Такъ здоровье есть состояніе.

CAPUT VIII.

Περὶ δὲ τῶν ἀντικειμένων, ποσαχῶς εἴωθεν ἀντικεῖσθαι, ῥητέον.

2. Λέγεται δὲ ἕτερον ἑτέρῳ ἀντικεῖσθαι τετραχῶς· ἢ ὡς τὰ πρός τι, ἢ ὡς τὰ ἐναντία, ἢ ὡς στέρησις καὶ ἕξις, ἢ ὡς κατάφασις καὶ ἀπόφασις.

3. Ἀντίκειται δὲ ἕκαστον τῶν τοιούτων, ὡς τύπῳ εἰπεῖν· ὡς μὲν τὰ πρός τι, οἷον τὸ διπλάσιον τῷ ἡμίσει· ὡς δὲ τὰ ἐναντία. οἷον τὸ κακὸν τῷ ἀγαθῷ· ὡς δὲ τὰ κατὰ στέρησιν καὶ ἕξιν, οἷον τυφλότης καὶ ὄψις· ὡς δὲ κατάφασις καὶ ἀπόφασις, οἷον κάθηται, οὐ κάθηται.

ГЛАВА VIII.

1. Теперь скажемъ о противолежащемъ и разрѣшимъ сколько способовъ обыкновеннаго противоположенія[2].

2. Что нибудь противоположно другому *четверояким* образомъ; или какъ относительное, или какъ противное, или какъ лишеніе и принадлежность, или наконецъ какъ утвержденіе и отрицаніе.

3. Каждый изъ этихъ видовъ противоположнаго, говоря вообще, противоположенъ такимъ образомъ: на пр. противоположны по отношенію: двойное и половина; противоположны, какъ понятія противныя: худое и хорошее; противоположны по лишенію и принадлежности: слѣпота и зрѣніе; и наконецъ по утвержденію и отрицанію: онъ сидитъ, онъ не сидитъ.

1. Осьмою главою начинаются пост-предикаменты или ипотеорія.

2. ποσαχῶς εἴωθεν ἀντικεῖσθαι. Quot modis oppositum soleat opponi. Противоположное (αντικειμενον, oppositum) есть терминъ болѣе общій, нежели противное, ἐναντίον, contrarium. Утвержденіе противополагается отрицанію contradictorie, αντιλογικῶς, противорѣчащимъ образомъ: когда одно предложеніе означаетъ *общее*, а другое предложеніе говоритъ, что принадлежность не совершенно всей вещи присуща; напр. всякій человѣкъ бѣлъ, не всякій человѣкъ бѣлъ; или: ни кто не бѣлъ, есть нѣкто бѣлый. 2) Утвержденіе противополагается отрицанію противно, contrarie, εναντίως: когда одно предложеніе утверждаетъ всеобщее, другое отрицаетъ его; всякій человѣкъ бѣлъ, нѣтъ человѣка бѣлаго; всякій человѣкъ справедливъ, никто не справедливъ. De interp. 7. Послѣднее противоположеніе сильнѣе, нежели отрицаніе первое, или противорѣчіе; оно сообщаетъ нѣчто новое;

4. Ὅσα μὲν οὖν ὡς τὰ πρός τι ἀντίκειται, αὐτὰ, ἅπερ ἐστὶ, τῶν ἀντικειμένων λέγονται, ἢ ὁπωσοῦν ἄλλως πρὸς αὐτά· οἷον τὸ διπλάσιον τοῦ ἡμίσεος αὐτὸ, ὅπερ ἐστὶν, ἑτέρου λέγεται· τινὸς γὰρ διπλάσιον λέγεται, καὶ ἡ ἐπιστήμη δὲ τῷ ἐπιστητῷ, ὡς τὰ πρός τι, ἀντίκειται· καὶ λέγεταί γε ἡ ἐπιστήμη αὐτὸ, ὅπερ ἐστὶ, τοῦ ἐπιστητοῦ· καὶ τὸ ἐπιστητὸν δὲ αὐτὸ, ὅπερ ἐστὶ, πρὸς τὸ ἀντικείμενον λέγεται, τὴν ἐπιστήμην. Τὸ γὰρ ἐπιστητὸν τινὶ λέγεται ἐπιστητὸν; τῇ ἐπιστήμῃ. Ὅσα οὖν ἀντίκειται ὡς τὰ πρός τι, αὐτὰ

4. О всемъ, что противоположно по отношенію, говорится, что его существо есть существо противоположнаго, или что оно какимъ либо инымъ образомъ относится къ другому противоположному, напр: о двойномъ мы говоримъ, что оно по сущности своей (относительно того, что оно есть) есть другое, взятое два раза. Равно, наука относительно противолежитъ познаваемому, и о наукѣ мы говоримъ, что ея существо есть существо познаваемаго. Равно и существо познаваемаго выражается относительно, по его противоположному (т. е. по наукѣ), потому что познаваемое познается чрезъ что нибудь: чрезъ что же? чрезъ разумѣніе, чрезъ науку. И такъ о всемъ, что другому противоположно относительнымъ образомъ, говорится, что существо его есть существо

оно такъ отличается отъ перваго, что говоритъ совершенно противное (ἐναντίως, contrarié. Но логики то, что относится къ предложеніямъ, отнесли къ понятіямъ notiones, conceptus, и говорятъ, что A и не A противоположны contradictorie, т. е. какъ противорѣчія: напр. бѣлое, не бѣлое; а *бѣлое* и *черное* суть понятія противныя, (notiones contrariae). Потому въ опредѣленіи противнаго явились новыя тонкости. Аристотель такъ опредѣляетъ противное: V. 10. ἐναντία λέγεται τε μὴ δυνατὰ ἅμα τῷ αὐτῷ παρεῖναι τῶν διαφερόντων κατα γένος καὶ τὰ πλεῖστον διαφέροντα τῶν ἐν αὐτῷ γένει. Itaque contraria ea sunt quae in uno eodemque una esse nequeunt, propterea quod genere differunt et quae uno genere comprehensa inter se plurimum differunt. Но противоположеніе, (ἀντικειμενον, обширнѣе и противорѣчащаго и противнаго: «противоположеніе содержитъ противорѣчіе, противное, относительное, лишеніе и принадлежность. Такъ первое, изъ котораго что состоитъ, противоположно послѣднему, во что оно обращается: напр. происхожденіе, прехожденіе; *противное* или различно по роду, или совокупленное въ одномъ родѣ съ другимъ, наиболѣе отличается отъ него. Мет. V. 10; Eth. nicom II. 8. Phys. V. 5.

3. αὐτὰ ἅπερ ἐστίν. Id quod sunt. Первый видъ противоположенія есть противоположное по отношенію.

ἅπερ ἐστὶ, τῶν ἀντικειμένων, ἢ ὅπως δήποτε πρὸς ἄλληλα, λέγεται.

5. Τὰ δὲ ὡς ἐναντία, αὐτὰ μὲν, ἅπερ ἐστὶν, οὐδαμῶς πρὸς ἄλληλα λέγεται· ἐναντία μέντοι ἀλλήλων λέγεται. Οὔτε γὰρ τὸ ἀγαθὸν τοῦ κακοῦ λέγεται ἀγαθὸν, ἀλλ' ἐναντίον· οὔτε τὸ λευκὸν τοῦ μέλανος λευκὸν, ἀλλὰ ἐναντίον· ὥστε διαφέρουσιν αὗται αἱ ἀντιθέσεις ἀλλήλων.

6. Ὅσα δὲ τῶν ἐναντίων τοιαῦτά ἐστιν, ὥστε, ἐν οἷς πέφυκε γίνεσθαι, ἢ ὧν κατηγορεῖται, ἀναγκαῖον αὐτῶν θάτερον ὑπάρχειν· τούτων οὐδὲν ἐστιν ἀνὰ μέσον. Ὧν δὲ μὴ ἀναγκαῖον θάτερον ὑπάρχειν, τούτων ἀνὰ μέσον ἐστί τι πάντως. Οἷον νόσος καὶ ὑγίεια ἐν σώματι ζώου πέφυκε γίνεσθαι· καὶ ἀναγκαῖόν γε θάτερον ὑπάρχειν ἐν τῷ τοῦ ζώου σώματι, ἢ νόσον, ἢ ὑγίειν. Καὶ περιττὸν δὲ καὶ ἄρτιον ἀριθμοῦ κατηγορεῖται· καὶ ἀναγκαῖόν γε θάτερον τῷ ἀριθμῷ ὑπάρχειν, ἢ περιττὸν, ἢ ἄρτιον. Καὶ οὐκ ἔστι γε τούτων οὐδὲν ἀνὰ μέσον, οὔτε νόσου καὶ ὑγείας, οὔτε περιττοῦ καὶ ἀρτίου. Ὧν δὲ

другаго, противолежащаго, или что оно въ какомъ либо соотношеніи состоитъ съ другимъ.

5. Если что *противолежитъ* другому, какъ *противное*[4], то существо его ни какъ не можетъ приписано быть взаимно другому, но объ обѣихъ сторонахъ говорится, что онѣ противоположны одна другой; такъ доброе не называется *доброе зла*, но доброе противно злу. Бѣлое не бываетъ бѣлымъ черпаго, но бѣлое противно черному. Вотъ отличія этихъ противоположностей одна отъ другой. Ежели противныя стороны таковы, что которая нибудь изъ нихъ должна по необходимости быть въ томъ, въ чемъ онѣ обѣ находятся отъ природы, или въ томъ, чего онѣ обѣ суть сказуемыя, то между противоположными сторонами нѣтъ средняго; но если не необходимо, что бы одна изъ сторонъ существовала въ чемъ нибудь другомъ, то между ними есть что-то среднее. Напр. болѣзнь и здоровье находятся по природѣ необходимо въ тѣлѣ живаго

---

4. Второй видъ противоположнаго; противоположное какъ противное (contrarium ἐναντῖον).

γε μὴ ἀναγκαῖον ϑάτερον ὑπάρχειν, τούτων ἐστί τι ἀνὰ μέσον. Οἷον μέλαν καὶ λευκὸν ἐν σώματι πέφυκε γίνεσϑαι· καὶ οὐκ ἀναγκαῖον, ϑάτερον αὐτῶν ὑπάρχειν τῷ σώματι· οὐ γὰρ πᾶν σῶμα ἤτοι λευκὸν, ἢ μέλαν ἐστί. Καὶ φαῦλον δὲ καὶ σπουδαῖον κατηγορεῖται μὲν καὶ κατὰ ἀνϑρώπου, καὶ κατὰ ἄλλων πολλῶν· οὐκ ἀναγκαῖον δὲ, ϑάτερον αὐτῶν ὑπάρχειν ἐν ἐκείνοις, ὧν κατηγορεῖται· οὐ γὰρ πάντα ἤτοι φαῦλα ἢ σπουδαῖά εἰσι· καὶ ἔστι γέ τι τούτων ἀνὰ μέσον· οἷον τοῦ μὲν λευκοῦ καὶ τοῦ μέλανος τὸ φαιὸν, καὶ τὸ ὠχρὸν, καὶ ὅσα ἄλλα χρώματα· τοῦ δὲ φαύλου καὶ σπουδαίου τὸ μήτε φαῦλον μήτε σπουδαῖον.

7. Ἐπ' ἐνίων μὲν οὖν ὀνόματα κεῖται τοῖς ἀνὰ μέσον· οἷον λευκοῦ καὶ μέλανος, τὸ φαιὸν, καὶ τὸ ὠχρὸν, καὶ ὅσα ἄλλα χρώματα. Ἐπ' ἐνίων δὲ ὀνόματι μὲν οὐκ εὔπορον τὸ ἀνὰ μέσον ἀποδοῦναι· τῇ

существа, и, по необходимости, которое нибудь состоянie, либо болѣзнь, либо здоровье, должно быть въ тѣлѣ живаго существа. Четное и нечетное есть сказуемое числа, и необходимо одно изъ двухъ должно быть въ числѣ: нечетъ или четъ; И такъ, здѣсь нѣтъ средняго между противоположными: между болѣзнiю и здоровiемъ, между четомъ и нечетомъ. Но въ противныхъ, въ которыхъ не необходимо то или другое, есть нѣчто среднее: напр. черное и бѣлое существуютъ въ тѣлѣ, но не необходимо, чтобы одно изъ двухъ было въ тѣлѣ; такъ какъ нельзя сказать все или черно или бѣло. Равно мы приписываемъ худое или доброе человѣку и многимъ другимъ предметамъ; но не необходимо, чтобъ одно изъ этихъ двухъ качествъ приличествовало тому, къ чему эти качества относятся, такъ какъ нельзя сказать, чтобы все было по необходимости или хорошо или худо. Слѣдовательно здѣсь есть среднее; такъ какъ между бѣлымъ и чернымъ есть сѣрое, или блѣдное и всѣ другiе цвѣта; между злымъ и добрымъ среднее есть то, что ни зло, ни добро.

7. Иногда въ языкѣ есть слово для выраженiя средняго напр. сѣрое, блѣдное и другiе цвѣта между чернымъ и бѣлымъ; иногда не легко дать названiе среднему и, тогда оно опредѣляется отрицанiемъ обоихъ край-

δ' ἑκατέρου τῶν ἄκρων ἀποφάσει τὸ ἀνὰ μέσον ὁρίζεται· οἷον τὸ οὔτε ἀγαϑὸν οὔτε κακὸν, οὔτε δίκαιον οὔτε ἄδικον.

8. Στέρησις δὲ καὶ ἕξις λέγεται μὲν περὶ ταὐτόν τι· οἷον ἡ ὄψις καὶ ἡ τυφλότης περὶ ὀφϑαλμόν. Καϑόλου δὲ εἰπεῖν, ἐν ᾧ ἂν πέφυκεν ἡ ἕξις γίνεσϑαι, περὶ τοῦτο λέγεται ἑκάτερον αὐτῶν.

9. Ἐστερῆσϑαι δὲ τότε λέγομεν ἕκαστον τῶν τῆς ἕξεως δεκτικῶν, ὅταν, ἐν ᾧ πέφυκεν ὑπάρχειν, ἢ ὅτε πέφυκεν ἔχειν, μηδαμῶς ὑπάρχῃ. Νωδόν τε γὰρ λέγομεν οὐ τὸ μὴ ἔχον ὀδόντας, καὶ τυφλὸν οὐ τὸ μὴ ἔχον ὄψιν· ἀλλὰ τὸ μὴ ἔχον, ὅτε πέφυκεν ἔχειν· ἔνια γὰρ

нихъ предѣловъ: напр. ни хорошо, ни худо; ни справедливо, ни несправедливо.

8. *Лишенiе и принадлежность*[5] говорится относительно одного и того же предмета, напр. зрѣнiе и слѣпота относятся къ глазамъ. Говоря вообще, каждое изъ этихъ двухъ противоположенiй говорится о такомъ предметѣ, который отъ природы такъ устроенъ, что принадлежность ему приличествуетъ по природѣ.

9. Мы говоримъ о предметахъ способныхъ владѣть такою принадлежностiю, что они тогда лишены этой принадлежности[6], когда ея не находится въ предметѣ, между тѣмъ какъ она отъ природы можетъ въ немъ существовать и предметъ способенъ ею владѣть. Напр. мы не называемъ беззубымъ, у чего нѣтъ совсѣмъ зубовъ, или слѣпымъ—, у чего совсѣмъ нѣтъ зрѣнiя; но мы тогда говоримъ, что у кого нѣтъ зубовъ, или зрѣнiя, когда кто по природѣ способенъ имѣть то и другое; многiя

5. Третiй видъ противоположнаго: противоположенiе по лишенiю и принадлежности στερήσις καὶ ἕξις, privatio et habitus.

6. singula, quae habitum recipere possunt, privata esse. Лишенiю или страданiю Аристотель также даетъ великое значенiе въ своей философiи. Матерiя, какъ матерiя, есть субстратъ перемѣнъ, но она сама, такъ сказать, не заботится о нихъ: перемѣны происходятъ въ ней отъ положительнаго до отрицательнаго, напр. отъ высшаго жара до оцѣпеняющаго холода. Чрезъ отрицанiе, чрезъ лишенiе противоположныя качества выступаютъ опредѣленно, и получаютъ свое существованiе посредствомъ дѣйствiя формы или формальной причины. По этому Аристот. лишенiе признаетъ высшею формою, *видомъ* качества и принадлежности, и говоритъ, что лишенiе есть нѣкоторымъ образомъ качество: ибо отъ лишенiя происходитъ качество. ἡ στέρησις ἐστιν ἕξις πως. Мет. 5. 2.

ἐκ γενετῆς οὔτε ὄψιν, οὔτε ὀδόντας ἔχει· ἀλλ' οὐ λέγεται οὔτε νωδά, οὔτε τυφλά.

10. Τὸ δὲ ἐστερῆσθαι, καὶ τὸ ἔχειν τὴν ἕξιν, οὐκ ἔστι στέρησις καὶ ἕξις, ἕξις μὲν γάρ ἐστιν ἡ ὄψις, στέρησις δὲ ἡ τυφλότης· τὸ δὲ ἔχειν τὴν ὄψιν οὐκ ἔστιν ὄψις· οὐδὲ τὸ τυφλὸν εἶναι τυφλότης· στέρησις γάρ τις ἡ τυφλότης ἐστί· τὸ δὲ τυφλὸν εἶναι ἐστερῆσθαί ἐστιν, οὐ στέρησις· εἰ γὰρ ἦν τυφλότης ταὐτὸν τῷ τυφλὸν εἶναι, κατηγορεῖτο ἂν ἀμφότερα κατὰ τοῦ αὐτοῦ· ἀλλὰ τυφλὸς μὲν λέγεται ὁ ἄνθρωπος, τυφλότης δὲ οὐδαμῶς ὁ ἄνθρωπος λέγεται.

11. Ἀντικεῖσθαι δὲ καὶ ταῦτα δοκεῖ, τὸ ἐστερῆσθαι, καὶ τὸ τὴν ἕξιν ἔχειν, ὡς στέρησις καὶ ἕξις· ὁ γὰρ τρόπος τῆς ἀντιθέσεως

существа дѣйствительно въ минуту своего рожденія лишены зубовъ и зрѣнія [7], но по этому мы не называемъ ихъ ни беззубыми, ни слѣпыми.

10. *Быть лишеннымъ и владѣть принадлежностію не есть однако лишеніе и принадлежность* [8]. Такъ зрѣніе есть принадлежность, а слѣпота есть лишеніе, но имѣть зрѣніе — не есть зрѣніе, и быть слѣпымъ — не есть слѣпота. *Слѣпота* есть дѣйствительное лишеніе, но быть слѣпымъ, быть лишеннымъ зрѣнія — не есть лишеніе. Если бы слѣпота была тоже самое, что быть слѣпымъ, то можно бы то и другое приписать одному и тому же предмету; человѣкъ конечно называется слѣпымъ, но онъ никогда не называется слѣпотою [9].

11. Впрочемъ ясно, что лишеннымъ быть и имѣть принадлежность противополагается одно другому, какъ и лишеніе и принадлежность, потому что способъ противоположенія есть одинъ и тотъ же: какъ слѣ-

7. Напр. дѣти, щенки и мн. др.

8. Privatum esse, et habere habitum.

9. Цѣль этого, слишкомъ тонкаго различенія объясняется ниже. Тутъ зрѣніе надобно представлять постоянною принадлежностію, слѣпоту постояннымъ лишеніемъ: зрѣніе и слѣпота представлены въ видѣ какой то матеріи, или подобными вещамъ, состоящимъ подъ утвержденіемъ и отрицаніемъ, какъ предметы въ слѣдующемъ отдѣленіи. См. прим. 11. Напротивъ *принадлежностію владѣть и быть лишеннымъ* означаетъ состояніе преходящее, случайное. На пр. я близорукъ, и *не вижу* отдаленныхъ предметовъ; я *увидѣлъ* отдаленные предметы, потому что воспользовался очками; на оборотъ: у меня *нѣтъ слѣпоты*, но *я слѣпъ* — по захожденіи солнца (куриная слѣпота).

ὁ αὐτός. Ὡς γὰρ ἡ τυφλότης τῇ ὄψει ἀνκίκειται, οὕτω καὶ τὸ τυφλὸν εἶναι τῷ ὄψιν ἔχειν ἀντίκειται.

12. Οὐκ ἔστι δὲ οὐδὲ τὸ ὑπὸ τὴν κατάφασιν καὶ ἀπόφασιν κατάφασις καὶ ἀπόφασις· ἡ μὲν γὰρ κατάφασις λόγος ἐστὶ καταφατικὸς, καὶ ἡ ἀπόφασις λόγος ἀποφατικός· τῶν δὲ ὑπὸ τὴν κατάφασιν ἢ ἀπόφασιν οὐδὲν ἐστι λόγος, ἀλλὰ πρᾶγμα.

13. Λέγεται δὲ καὶ ταῦτα ἀντικεῖσθαι ἀλλήλοις, ὡς κατάφασις καὶ ἀπόφασις· καὶ γὰρ καὶ ἐπὶ τούτων ὁ τρόπος τῆς ἀντιθέσεως ὁ αὐτός. Ὡς γάρ ποτε ἡ κατάφασις πρὸς τὴν ἀπόφασιν ἀντίκειται, οἷον τὸ κάθηται τῷ οὐ κάθηται· οὕτω καὶ τὸ ὑφ' ἑκάτερον πρᾶγμα ἀντίκειται, οἷον τὸ καθῆσθαί τινα, πρὸς τὸ μὴ καθῆσθαι.

14. Ὅτι δὲ ἡ στέρησις καὶ ἡ ἕξις οὐκ ἀντίκειται, ὡς τὰ πρός τι, φανερόν· οὐ γὰρ λέγεται αὐτὸ, ὅπερ ἐστὶ, τοῦ ἀτικειμένου· ἡ γὰρ ὄψις οὐκ ἔστι τυφλότητος ὄψις, οὐδ' ἄλλως οὐδαμῶς πρὸς αὐτὸ

пота противоположна зрѣнію, какъ *быть слѣпымъ* противоположно — быть зрячимъ.

12. Равно и то, что состоитъ подъ отрицаніемъ и утверженіемъ [10] не есть отрицаніе и утверженіе: утверженіе есть утвердительное сужденіе, а отрицаніе есть отрицательное сужденіе; но вещи, состоящія подъ отрицаніемъ или утвержденіемъ, не суть сужденія, но вещи [11].

13. Но можно сказать, что эти вещи противополагаются между собою какъ отрицаніе и утвержденіе: дѣйствительно, способъ противоположенія — одинъ и тотъ же: какъ противоположно отрицаніе утвержденію, напр. онъ сидитъ, онъ не сидитъ, такъ противоположны дѣянія, состоянія подъ тѣмъ или другимъ, напр. сидѣніе, не сидѣніе.

14. Не трудно усмотрѣть, что лишеніе и принадлежность не противопоставляются одно другому, какъ это бываетъ съ относительными; объ нихъ нельзя сказать, что существо ихъ есть существо другаго, ему

10. Quod sub affirmationem et negationem cadit. Для предложенія утвержденіе и отрицаніе существенны: утвержденіе есть такое сказуемое, которымъ одно относимо бываетъ къ другому; отрицаніе есть также сказуемое, которымъ одно отдѣляется отъ другаго.

11. Точно такъ, какъ выше: быть лишеннымъ и имѣть принадлежность.

λέγεται. Ὡσαύτως δὲ οὐδὲ ἡ τυφλότης λέγεται τυφλότης ὄψεως· ἀλλὰ στέρησις μὲν ὄψεως ἡ τυφλότης λέγεται, τυφλότης δὲ ὄψεως οὐ λέγεται.

15. Ἔτι τὰ πρός τι πάντα πρὸς ἀντιστρέφοντα λέγεται· ὥστε καὶ ἡ τυφλότης, εἴπερ ἦν τῶν πρός τι, ἀντέστρεφεν ἂν κᾀκεῖνο, πρὸς ὃ λέγεται. Ἀλλ᾽ οὐκ ἀντιστρέφει· οὐ γὰρ λέγεται ἡ ὄψις τυφλότητος ὄψις.

16. Ὅτι δὲ οὐδ᾽ ὡς τὰ ἐναντία ἀντίκειται τὰ κατὰ στέρησιν καὶ ἕξιν λεγόμενα, ἐκ τῶνδε δῆλον· τῶν μὲν γὰρ ἐναντίων, ὧν μηδέν ἐστιν ἀνὰ μέσον, ἀναγκαῖον, ἐν οἷς πέφυκε γίνεσθαι, ἢ ὧν κατηγορεῖται, θάτερον αὐτῶν ὑπάρχειν ἀεί. Τούτων γὰρ οὐδὲν ἦν ἀνὰ μέσον, ὧν θάτερον ἀναγκαῖον ἦν τῷ δεκτικῷ ὑπάρχειν· οἷον ἐπὶ

противопоставленнаго; зрѣніе не есть зрѣніе слѣпоты [12], и зрѣніе не можетъ говориться о слѣпотѣ какимъ либо другимъ образомъ [13].

15. Равно, нельзя сказать, что слѣпота есть слѣпота зрѣнія: слѣпота есть лишеніе зрѣнія, а не слѣпота зрѣнія. Съ другой стороны относительное всегда говорится о предметахъ состоящихъ въ обратномъ отношеніи; если бы слѣпота была нѣчто относительное, то можно бы обратно отнести къ ней то, къ чему она отнесена: но такого взаимнаго отношенія здѣсь нѣтъ: мы не говоримъ, что зрѣніе есть зрѣніе слѣпоты [14].

16. Изъ слѣдующаго видно, что свойства обозначенныя по лишенію и принадлежности не противопоставляются другъ другу, какъ противныя [15]. Въ тѣхъ противныхъ, въ которыхъ нѣтъ средняго, непремѣнно одна изъ двухъ противоположностей должна существовать въ томъ, въ чемъ противоположныя существуютъ отъ природы; или, другими словами, въ томъ, чего они суть сказуемое; ибо средняго не бываетъ въ тѣхъ противоположныхъ, въ которыхъ одна изъ двухъ противоположностей

---

12. См. выше гл. 7 прим. 1 и 5.
13. Т. е. въ другой грамматической подобной формѣ. Гл. 7. прим. 1.
14. Или слѣпота зрѣнія, какъ господинъ раба и рабъ господина.
15. Neque ut contraria opponuntur ea, quae secundum privationem et habitum dicuntur.

νόσου καὶ ὑγιείας, καὶ περιττοῦ καὶ ἀρτίου. Ὧν δὲ ἐστί τι ἀνὰ μέσον, οὐδέποτε ἀνάγκη παντὶ ὑπάρχειν θάτερον· οὔτε γὰρ λευκὸν ἢ μέλαν ἀνάγκη πᾶν εἶναι τὸ δεκτικὸν, οὔτε θερμὸν ἢ ψυχρόν· τούτων γὰρ ἀνὰ μέσον τι οὐδὲν κωλύει ὑπάρχειν. Ἔτι δὲ καὶ τούτων ἦν τι ἀνὰ μέσον, ὧν μὴ ἀναγκαῖον ἦν θάτερον ὑπάρχειν τῷ δεκτικῷ· εἰ μὴ οἷς φύσει τὸ ἓν ὑπάρχει, οἷον τῷ πυρὶ τὸ θερμῷ εἶναι, καὶ τῇ χιόνι τὸ λευκῇ· ἐπὶ δὲ τούτων ἀφωρισμένως ἀναγκαῖον θάτερον ὑπάρχειν, καὶ οὐχ ὁπότερον ἔτυχεν· οὐδὲ γὰρ ἐνδέχεται, τὺ πῦρ ψυχρὸν εἶναι· οὐδὲ, τὴν χιόνα μελαίναν· ὥστε παντὶ μὲν οὐκ ἀνάγκη τῷ δεκτικῷ θάτερον αὐτῶν ὑπάρχειν, ἀλλὰ μόνον, οἷς φύσει τὸ ἓν ὑπάρχει, καὶ τούτοις ἀφωρισμένως τὸ ἕν, καὶ οὐχ ὁπότερον ἔτυχεν. Ἐπὶ δὲ τῆς στερήσεως καὶ τῆς ἕξεως οὐδέτερον

непремѣнно должна существовать, если предметъ способенъ принять противоположности. Мы это видѣли въ здоровьѣ и болѣзни, чётѣ и нечетѣ. Но гдѣ есть среднее, тамъ не необходимо, чтобы одно изъ двухъ противоположныхъ было въ томъ, что имѣетъ способность ихъ принять. Не необходимо, чтобы все, способное быть бѣлымъ или чернымъ, было бѣло или черно; не необходимо, чтобы всякая вещь была или тепла или холодна; ничто не мѣшаетъ, чтобы было нѣчто среднее. На оборотъ, есть среднее между противными, когда то или другое изъ противныхъ не должно непремѣнно существовать въ томъ, что способно принимать противоположности; изъ сего исключаются тѣ вещи, которымъ отъ природы дано одно неотъемлемое свойство: напр. огню свойственна теплота, снѣгу — бѣлизна. Въ этихъ вещахъ необходимо, чтобы одно изъ двухъ противоположныхъ приличествовало точнымъ образомъ, а не какъ случится [16]; такъ какъ огонь не можетъ быть холоднымъ и снѣгъ чернымъ: И такъ не необходимо, чтобы то или другое изъ этихъ противоположныхъ приличествовало всякому предмету, который способенъ къ принятію ихъ: но это необходимо только въ тѣхъ предметахъ, которые отъ природы имѣютъ только одну изъ противоположностей: тогда эта единая противоположность существуетъ въ предметахъ точнымъ

---

16. Definite, non utrum libet.

τῶν εἰρημένων ἀληθές· οὐδὲ γὰρ ἀεὶ τῷ δεκτικῷ ἀναγκαῖον θάτερον αὐτῶν ὑπάρχειν· τὸ γὰρ μήπω πεφυκὸς ὄψιν ἔχειν οὔτε τυφλὸν, οὔτε ὄψιν ἔχειν λέγεται· ὥστε οὐκ ἂν εἴη ταῦτα τῶν τοιούτων ἐναντίων, ὧν μηδὲν ἐστιν ἀνὰ μέσον· ἀλλ᾽ οὐδὲ, ὧν ἐστιν ἀνὰ μέσον. Ἀναγκαῖον γάρ ποτε παντὶ τῷ δεκτικῷ θάτερον αὐτῶν ὑπάρχειν. Ὅταν γὰρ ἤδη πεφυκὸς ᾖ ὄψιν ἔχειν, τότε ἢ τυφλὸν, ἢ ὄψιν ἔχον ῥηθήσεται· καὶ τούτων οὐκ ἀφωρισμένως θάτερον, ἀλλ᾽ ὁπότερον ἔτυχεν· οὐ γὰρ ἀναγκαῖον ἢ τυφλὸν ἢ ὄψιν ἔχον εἶναι, ἀλλ᾽ ὁπότερον ἔτυχεν· ἐπὶ δὲ γε τῶν ἐναντίων, ὧν ἐστί τι ἀνὰ μέσον, οὐδέποτε ἀναγκαῖον ἦν παντὶ θάτερον ὑπάρχειν, ἀλλά τισι, καὶ τούτοις ἀφωρισμένως τὸ ἕν, καὶ οὐχ ὁπότερον ἔτυχεν· ὥστε δῆλον, ὅτι κατ᾽

образомъ, а не какъ какая случится. Отсюда видно, что въ лишеніи и принадлежности ни то ни другое изъ сказаннаго нами не имѣетъ приложенія. Во первыхъ не всегда необходимо, чтобы то или другое (лишеніе или принадлежность) имѣли мѣсто въ томъ, что способно ихъ принять: чему не дано природою имѣть зрѣніе, того нельзя назвать слѣпымъ или зрячимъ. И такъ лишеніе и принадлежность не относятся къ разряду тѣхъ противоположныхъ, въ которыхъ нѣтъ средняго. Но лишеніе и принадлежность не принадлежатъ и къ числу тѣхъ противоположныхъ, въ которыхъ есть среднее, ибо необходимо, чтобы въ каждой вещи *способной* принять лишеніе и принадлежность, непремѣнно имѣла мѣсто одна изъ сихъ противоположностей. Такъ о лицѣ, способномъ отъ природы имѣть зрѣніе, мы говоримъ, что онъ или слѣпой или зрячій; но мы припишемъ то или другое состояніе, не опредѣляя положительно, что которая нибудь изъ этихъ принадлежностей должна имѣть мѣсто: нѣтъ, одна можетъ быть приписана точно такъ какъ и другая: ибо нѣтъ необходимости, чтобы кто нибудь былъ слѣпымъ, или кто нибудь былъ зрячимъ; можетъ послѣдовать одно, можетъ послѣдовать и другое. Въ противоположныхъ, въ которыхъ есть среднее, нѣтъ, какъ мы сказали, необходимости, чтобы та или другая противоположность существовала во всякомъ предметѣ, способномъ ихъ принимать, но та или другая противоположность можетъ принадлежать нѣкоторымъ предметамъ и принадлежать уже точнымъ и опредѣленнымъ образомъ. И такъ все,

οὐδέτερον τῶν τρόπων, ὡς τὰ ἐναντία, ἀντίκειται τὰ κατὰ στέρησιν καὶ ἕξιν ἀντικείμενα.

17. Ἔτι, ἐπὶ μὲν τῶν ἐναντίων, ὑπάρχοντος τοῦ δεκτικοῦ, δυνατὸν εἰς ἄλληλα μεταβολὴν γίνεσθαι, εἰ μή τινι φύσει τὸ ἓν ὑπάρχει, οἷον τῷ πυρὶ τὸ θερμῷ εἶναι· καὶ γὰρ καὶ τὸ ὑγιαῖνον δυνατὸν νοσῆσαι· καὶ τὸ λευκὸν μέλαν γίνεσθαι· καὶ τὸ ψυχρὸν θερμόν· καὶ τὸ θερμὸν ψυχρόν· καὶ ἐκ σπουδαίου φαῦλον, καὶ ἐκ φαύλου σπουδαῖον δυνατὸν γίνεσθαι. Ὁ γὰρ φαῦλος εἰς βελτίους διατριβὰς ἀπαγόμενος καὶ λόγους, κἂν μικρό γέ τι ἐπιδοίη εἰς τὸ βελτίων εἶναι, ἐὰν δὲ ἅπαξ κἂν μικρὰν ἐπίδοσιν λάβῃ, φανερὸν, ὅτι ἢ τελείως ἂν μεταβάλοι, ἢ πάνυ πολλὴν ἂν ἐπίδοσιν λάβοι· ἀεὶ γὰρ εὐκινητότερος πρὸς ἀρετὴν γίνεται, κἂν ἡντιναοῦν ἐπίδοσιν εἰληφὼς ᾖ ἐξ ἀρχῆς· ὥστε εἰκὸς καὶ πλείω ἐπίδοσιν αὐτὸν λαμβάνειν· καὶ τοῦτο ἀεὶ γινόμενον, τελείως εἰς τὴν ἐναντίαν ἕξιν ἀποκαταστήσει, ἐάνπερ μὴ χρόνῳ ἐξείργηται. Ἐπὶ δὲ γε τῆς στερήσεως καὶ τῆς

высказываемое по лишенію и принадлежности, не противополагается ни по одному изъ двухъ способовъ, какъ противныя противополагаются между собою [17].

17. Далѣе, въ свойствахъ противныхъ, если есть субстратъ, способный принять ихъ, противныя свойства могутъ взаимно измѣняться другъ въ друга; исключается однако тотъ случай, если какому нибудь предмету одно изъ двухъ свойствъ приличествуетъ по природѣ, напр. огню—теплота. Въ самомъ дѣлѣ здоровый человѣкъ можетъ сдѣлаться больнымъ, бѣлое превратиться въ черное, и теплое въ холодное. Злый человѣкъ, обращенный къ лучшимъ занятіямъ, совѣтамъ, можетъ успѣть въ исправленіи, хотя сначала и немного. Но, если онъ начнетъ исправляться, хотя бы весьма по немногу, то ясно, что онъ можетъ или совсѣмъ измѣниться, или сдѣлать въ исправленіи значительные успѣхи. Онъ болѣе и болѣе будетъ склоняться *къ добродѣтели*, какъ бы ни мало онъ измѣнился къ доброму; вѣроятно, что онъ болѣе и болѣе будетъ успѣвать въ добромъ и, если успѣхи будутъ продолжаться посто-

17. Нельзя не сознаться, что этотъ отдѣлъ очень растянутъ: встрѣчаются повторенія отъ слова до слова; нѣтъ ли тутъ чуждаго Аристотелю прибавленія?

ἕξεως ἀδύνατον εἰς ἄλληλα μεταβολὴν γίνεσθαι. Ἀπὸ μὲν γὰρ τῆς ἕξεως ἐπὶ τὴν στέρησιν γίνεται μεταβολή· ἀπὸ δὲ τῆς στερήσεως ἐπὶ τὴν ἕξιν, ἀδύνατον· οὔτε γὰρ τυφλός γενόμενός τις πάλιν ἀνέβλεψεν· οὔτε φαλακρὸς ὢν πάλιν κομήτης ἐγένετο· οὔτε νωδὸς ὢν πάλιν ὀδόντας ἔφυσεν.

18. Ὅσα δὲ ὡς κατάφασις καὶ ἀπόφασις ἀντίκειται, φανερὸν, ὅτι κατ᾽ οὐδένα τῶν εἰρημένων τρόπων ἀντίκειται· ἐπὶ μόνων γὰρ τούτων ἀναγκαῖον ἀεὶ τὸ μὲν ἀληθὲς, τὸ δὲ ψευδὲς αὐτῶν εἶναι. Οὔτε γὰρ ἐπὶ τῶν ἐναντίων ἀναγκαῖον ἀεὶ θάτερον μὲν ἀληθὲς εἶναι, θάτερον δὲ ψευδές· οὔτε ἐπὶ τῶν πρός τι· οὔτε ἐπὶ τῆς ἕξεως καὶ τῆς στερήσεως. Οἷον ὑγίεια καὶ νόσος ἐναντία· καὶ οὐδέτερόν γε τούτων οὔτε ἀληθὲς, οὔτε ψευδές ἐστιν. Ὡσαύτως δὲ καὶ τὸ

янно, то онъ перейдетъ къ противнымъ свойствамъ[18], если только будетъ на это довольно времени. Но что касается до лишенія и принадлежности, то не возможно, чтобы былъ такой взаимный переходъ одного состоянія въ другое. Никто, потерявшій зрѣніе, никогда не прозрѣлъ, лысый не возвращалъ никогда волосъ, беззубый—зубовъ.

18. Противоположное утвердительное и отрицательное[19] не слѣдуетъ ни одному изъ способовъ, здѣсь изложенныхъ. Для этого вида противоположенія т. е. *по утвержденію и отрицанію*, всегда необходимо, чтобы одно изъ двухъ было истинно, другое ложно. Въ противныхъ не всегда необходимо, чтобы одно было истинно, другое ложно; это не необходимо ни въ катигоріи отношенія, ни въ принадлежности и лишеніи: такъ болѣзнь и здоровье противны, между тѣмъ нельзя сказать, чтобы одно изъ двухъ было истинно, другое ложно[20]. Равно, двой-

18. «Мы называемъ добродѣтелью (Magn. mor. 2. 7.), когда правильное сужденіе разума предписываетъ наилучшее, и побужденія, въ настоящей ихъ дѣятельности, исполняютъ то, что повелѣваетъ разумъ». Если разсужденіе разума не достаточно, а побужденія дѣйствуютъ правильно, то еще нѣтъ добродѣтели, потому что *добродѣтель требуетъ того и другаго*. Навыкъ есть существенное начало въ воспитаніи, потому что духовная природа юношей въ желаніяхъ и побужденіяхъ открывается безъ сознанія.

19. Четвертый видъ противоположенія какъ отрицаніе и утвержденіе: ὅσα ὡς κατάφασις καὶ ἀπόφασις ἀντίκειται; Quae opponuntur ut affirmatio et negatio.

20 Это есть особенное свойство этого противоположенія. См. выше прим. 10.

διπλάσιον καὶ τὸ ἥμισυ, ὡς τὰ πρός τι, ἀντίκειται· καὶ οὐκ ἔστιν αὐτῶν οὐδέτερον οὔτε ἀληθὲς, οὔτε ψευδές. Οὐδὲ γε τὰ κατὰ στέρησιν καὶ ἕξιν λεγόμενα· οἷον ἡ ὄψις καὶ ἡ τυφλότης· ὅλως δὲ τῶν κατὰ μηδεμίαν συμπλοκὴν λεγομένων οὐδὲν οὔτε ἀληθές ἐστιν, οὔτε ψευδές· πάντα δὲ τὰ εἰρημένα ἄνευ συμπλοκῆς λέγεται.

19. Οὐ μὴν ἀλλὰ μάλιστα ἂν δόξειε τὸ τοιοῦτον συμβαίνειν ἐπὶ τῶν κατὰ συμπλοκὴν ἐναντίων λεγομένων. Τὸ γὰρ ὑγιαίνειν Σωκράτην τῷ νοσεῖν Σωκράτην ἐναντίον ἐστίν· ἀλλ᾽ οὐδὲ ἐπὶ τούτων ἀναγκαῖον ἀεὶ θάτερον μὲν ἀληθὲς, θάτερον δὲ ψευδὲς εἶναι· ὄντος μὲν γὰρ Σωκράτους, τὸ μὲν ἔσται ἀληθὲς, τὸ δὲ ψευδές· μὴ ὄντος δὲ, ἀμφότερα ψευδῆ· οὔτε γὰρ τὸ νοσεῖν Σωκράτην, οὔτε τὸ ὑγιαίνειν, ἐστὶν ἀληθὲς, αὐτοῦ μὴ ὄντος ὅλως τοῦ Σωκράτους.

ное и половина, какъ относительныя, противны, но нельзя утверждать, чтобы одно изъ нихъ было истинно, другое ложно. Тоже нужно сказать о лишеніи и принадлежности, напр. о зрѣніи и слѣпотѣ. Вообще реченія взятыя безъ всякой связи[21], немогутъ быть ни истинными ни ложными, но все то, что мы теперь привели въ примѣръ, говорится безъ связи.

19. Впрочемъ возможенъ по видимому случай, когда одно изъ двухъ будетъ истинно, другое ложно, особенно въ противныхъ, выраженныхъ въ связи; напр. кажется, возможно, что предложеніе: «Сократъ здоровъ» противно предложенію: «Сократъ боленъ». Но и въ противныхъ этого рода не необходимо, чтобы одно реченіе было истинно, другое ложно. Ежели Сократъ существуетъ, то одно будетъ справедливо, другое ложно; но если Сократа совсѣмъ нѣтъ, то ложно то и другое, потому что, если Сократъ не существуетъ, то, что Сократъ здоровъ, что Сократъ боленъ, то и другое не вѣрно.

21. Quae sine omni coniunctione dicuntur. Катигоріи, какъ сказано выше, также относятся къ этому разряду: Аристотель къ Логикѣ открываетъ и приводитъ въ сознаніе разныя стороны предмета, опровергаетъ ими, если одна сторона неправильно выставлена преобладающею; въ Метифизикѣ также эти безсвязныя сказуемыя далеко не составляютъ послѣдняго вида значенія. Катигоріи показываютъ различныя роды сущаго, его значенія и отношенія: сущность значенія состоитъ въ субстанціальномъ, которое свою опредѣлительность получаетъ формою.

20. Ἐπὶ δὲ τῆς στερήσεως καὶ ἕξεως, μὴ ὄντος γε ὅλως, οὐδέτερον ἀληθές· ὄντος δὲ, οὐκ ἀεὶ θάτερον μὲν ἀληθὲς, θάτερον δὲ ψευδές· τὸ γὰρ ὄψιν ἔχειν Σωκράτην τῷ τυφλὸν εἶναι Σωκράτην ἀντίκειται, ὡς στέρησις καὶ ἕξις· καὶ ὄντος γε, οὐκ ἀναγκαῖον θάτερον ἀληθὲς εἶναι, ἢ ψευδές· ὅτε γὰρ μήπω πέφυκεν ἔχειν, ἀμφότερα ψευδῆ· μὴ ὄντος δὲ ὅλως τοῦ Σωκράτους, καὶ οὕτω ψευδῆ ἀμφότερα, καὶ τὸ ὄψιν αὐτὸν ἔχειν, καὶ τὸ τυφλὸν αὐτὸν εἶναι.

21. Ἐπὶ δέ γε τῆς καταφάσεως καὶ τῆς ἀποφάσεως ἀεὶ, ἐάν τε ᾖ, ἐάν τε μὴ ᾖ, τὸ μὲν ἕτερον ἔσται ψευδὲς, τὸ δὲ ἕτερον ἀληθές. Τὸ γὰρ νοσεῖν Σωκράτην, καὶ τὸ μὴ νοσεῖν, ὄντος αὐτοῦ, φανερὸν, ὅτι τὸ ἕτερον αὐτῶν ἀληθὲς, τὸ δὲ ἕτερον ψευδές ἐστι. Καὶ

20. Въ принадлежности и лишеніи, когда предметъ не существуетъ, ни одно изъ двухъ противоположныхъ реченій не можетъ быть истиннымъ; а когда предметъ существуетъ, то не слѣдуетъ необходимо, чтобы одно было истиннымъ, а другое ложнымъ. Такъ: «Сократъ видитъ», «Сократъ» слѣпъ суть два противоположныя предложенія относительно принадлежности и лишенія. Допустимъ, что Сократъ существуетъ[22], то еще не слѣдуетъ необходимо, чтобы одно изъ двухъ реченій было истинно или ложно; очень возможно, что Сократъ отъ природы не способенъ имѣть зрѣніе; слѣдовательно, то и другое ложно. Но, если Сократъ совсѣмъ не существуетъ, то равно ложны оба реченія, что Сократъ видитъ» и что «Сократъ слѣпъ».

21. Но при утвержденіи и отрицаніи всегда одно предложеніе должно быть истинно, другое ложно, существуетъ ли предметъ или не существуетъ, все равно; если говорятъ, что Сократъ боленъ и, что Сократъ не боленъ, то ясно, что, ежели Сократъ существуетъ, одно пред-

22. Рѣчь, и вообще слово, есть выраженіе мысли, но рѣчь еще далеко не соотвѣтствуетъ отрицанію и утвержденію, напр. *человѣкъ* значитъ что нибудь, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что это *что нибудь* существуетъ или не существуетъ. De interp. IV. Рѣчь, будетъ ли она предложеніе, или простое слово, не содержитъ ручательства, что предметъ выраженія ея существуетъ, или что нѣтъ его; хотя рѣчь основана на образованіи предложеній, которыхъ сущность состоитъ въ приписываніи чему-либо истиннаго или ложнаго, но она этимъ не стѣсняется, тогда какъ для предложенія справедливость или ложность его есть дѣло существенное. Тамъ же.

μὴ ὄντος γε, ὁμοίως· τὸ μὲν γὰρ νοσεῖν, μὴ ὄντος, ψευδές· τὸ δὲ μὴ νοσεῖν ἀληθές. Ὥστε ἐπὶ μόνων τούτων εἴη ἂν ἴδιον τὸ ἀεὶ θάτερον αὐτῶν ἀληθὲς ἢ ψευδὲς εἶναι, ὅσα ὡς κατάφασις καὶ ἀπόφασις ἀντίκειται.

22. Ἐναντίον δὲ ἐστιν ἀγαθῷ μὲν ἐξ ἀνάγκης κακόν· τοῦτο δὲ δῆλον τῇ καθ' ἕκαστον ἐπαγωγῇ· οἷον ὑγιείᾳ νόσος, καὶ δικαιοσύνη ἀδικία, καὶ ἀνδρείᾳ δειλία· ὁμοίως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων.

23. Κακῷ δὲ ὁτὲ μὲν ἀγαθὸν ἐστιν ἐναντίον, ὁτὲ δὲ κακόν· τῇ γὰρ ἐνδείᾳ, κακῷ ὄντι, ἡ ὑπερβολὴ ἐναντίον, κακὸν ὂν ὁμοίως δὲ καὶ ἡ μεσότης, ἐναντία ἑκατέρῳ οὖσα, ἀγαθόν ἐστιν. Ἐπ' ὀλίγων

ложеніе истинно, другое ложно; ежели Сократъ не существуетъ, то должно сказать тоже самое: ежели онъ не существуетъ, то ложно, что онъ боленъ и истинно, что онъ не боленъ. И такъ ясно, что только противное по утвежденію и отрицанію имѣетъ ту частную особенность, что одно изъ двухъ противоположныхъ, должно быть всегда или истинно или ложно.

22. *Худое* по необходимости противно *доброму*. Это доказывается изъ отдѣльныхъ случаевъ *наведеніемъ*[23]. Болѣзнь противна здоровью, справедливость несправедливости, храбрость трусости, тоже въ другихъ случаяхъ.

23. Правда, худому противно доброе, но иногда худому противно также худое, напр. недостатку, который есть нѣчто худое, противно излишество, которое есть также нѣчто худое. Довольство посредственное, которое есть нѣчто доброе, противно и недостатку и излишеству.

23. Επαγωγη, inductio. Мы научаемся наведеніемъ или доказательствомъ, гов. Аристот. Anal. post. 1. 18. Наведеніе у Аристотеля не есть только чувственное познаніе отдѣльныхъ предметовъ, но оно соединено съ указаніемъ на общее въ отдѣльныхъ предметахъ: оно есть показаніе общаго въ частномъ. Только начало, исходъ у Арист. есть чувственное познаніе: но онъ скоро его оставляетъ и ведетъ къ всеобщему. Къ наведенію весьма близокъ у Аристот. и примѣръ: онъ часто, какъ и здѣсь, прямо начинаетъ примѣромъ: люди болѣе довольны примѣромъ, чѣмъ энтимемой, говоритъ онъ; потому что мы скорѣе научаемся примѣромъ, нежели выводомъ, которое вытекаетъ изъ общаго; общее не такъ доступно, какъ частное. Наведеніе также начинается отъ извѣстнѣйшаго и ближайшаго: здѣсь примѣръ и наведеніе сходятся. О доказательствѣ ниже гл. 9. прим. 4.

δ' ἂν τὸ τοιοῦτον ἴδοι τις· ἐπὶ δὲ τῶν πλείστων ἀεὶ τῷ κακῷ τὸ ἀγαθὸν ἐναντίον ἐστίν.

24. Ἔτι τῶν ἐναντίων οὐκ ἀναγκαῖόν ἐστιν, ἐὰν θάτερον ᾖ, καὶ τὸ λοιπὸν εἶναι· ὑγιαινόντων γὰρ ἁπάντων, ὑγίεια μὲν ἔσται, νόσος δὲ οὔ. Ὁμοίως δὲ καὶ λευκῶν ὄντων ἁπάντων, λευκότης μὲν ἔσται, μελανία δὲ οὔ.

25. Ἔτι εἰ τῷ Σωκράτην ὑγιαίνειν τὸ Σωκράτην νοσεῖν ἐναντίον ἐστὶ, μὴ ἐνδέχεται δ' ἅμα ἀμφοτερα τῷ αὐτῷ ὑπάρχειν· οὐκ ἂν ἐνδέχοιτο, τοῦ ἑτέρου τῶν ἐναντιων ὄντος, καὶ τὸ λοιπὸν εἶναι· ὄντος γὰρ τοῦ Σωκράτην ὑγιαίνειν, οὐκ ἂν εἴη τὸ νοσεῖν Σωκράτην.

26. Δῆλον δὲ, ὅτι καὶ περὶ τὸ αὐτὸ ἢ εἴδει ἢ γένει πέφυκε γίνεσθαι τὰ ἐναντία· νόσος μὲν γὰρ καὶ ὑγίεια ἐν σώματι ζώου

Впрочемъ это можно отнести только къ немногимъ случаямъ: по большей части худое противно доброму.

24. Далѣе, если изъ двухъ противныхъ понятій существуетъ одно[24], то не необходимо, чтобы посему существовало другое. Ежели всѣ здоровы, то будетъ здоровье и не будетъ болѣзни; ежели всѣ бѣлы, то будетъ бѣлизна, и не будетъ черноты.

25. Равно[25], если предложеніе «Сократъ здоровъ» противно предложенію «Сократъ боленъ» и, если невозможно, чтобы *то и другое* — здоровье и болѣзнь — были *вмѣстѣ* приписаны Сократу, то конечно будетъ невозможно, чтобы, когда одна изъ противоположностей существуетъ, существовала другая: если Сократъ здоровъ, то будетъ неправда, что Сократъ боленъ.

26. Очевидно, что противныя понятія по своей природѣ прилагаются относительно рода и вида къ одному и тому же предмету[26]. Болѣзнь и здоровье отъ природы находятся въ тѣлѣ живаго существа; бѣ-

24. Идетъ дѣло о противоположностяхъ, представляемыхъ внѣ связи. Ἐὰν θάτερον ᾖ, καὶ τὸ λοιπὸν εἶναι οὐκ ἀναγκαῖον. Si contrariorum alterum sit, etiam reliquum esse, non est necesse.

25. Идетъ рѣчь о противоположностяхъ, связанныхъ предложеніемъ

26. Natura ita comparatum est, ut contraria sint circa idem vel specie vel natura.

πέφυκε γίνεσθαι· λευκότης δὲ καὶ μελανία ἁπλῶς ἐν σώματι, δικαιοσύνη δὲ καὶ ἀδικία ἐν ψυχῇ ἀνθρώπου.

27. Ἀναγκαῖον δὲ πάντα τὰ ἐναντία ἢ ἐν τῷ αὐτῷ γένει εἶναι, ἢ ἐν τοῖς ἐναντίοις γένεσιν, ἢ αὐτὰ γένη εἶναι. Λευκὸν μὲν γὰρ καὶ μέλαν ἐν τῷ αὐτῷ γένει· χρῶμα γὰρ αὐτῶν τὸ γένος. Δικαιοσύνη δὲ καὶ ἀδικία ἐν τοῖς ἐναντίοις γένεσιν· τοῦ μὲν γὰρ ἀρετὴ τὸ γένος, τοῦ δὲ κακία. Ἀγαθὸν δὲ καὶ κακὸν οὐκ ἔστιν ἐν γένει, ἀλλ' αὐτὰ τυγχάνει γένη τινῶν ὄντα.

CAPUT IX.

Πρότερον δ' ἑτέρου ἕτερον λέγεται τετραχῶς.

2. Πρῶτον μὲν καὶ κυριώτατα κατὰ τὸν χρόνον, καθ' ὃν πρεσβύτερον ἕτερον ἑτέρου καὶ παλαιότερον λέγεται· τὸ γὰρ τὸν χρόνον πλείω εἶναι καὶ παλαιότερον καὶ πρεσβύτερον λέγεται.

лизна и чернота могутъ быть только въ тѣлѣ; справедливость и не справедливость живутъ въ душѣ человѣка.

27. Всѣ противныя понятія должны быть необходимо или въ одномъ и томъ же родѣ, или въ родахъ противныхъ, или должны быть сами родомъ. Бѣлое и черное суть въ одномъ и томъ же родѣ (*краска* есть родъ того и другаго), справедливость и не справедливость принадлежатъ родамъ противнымъ (родъ одного есть добродѣтель, родъ другаго *порокъ*) Наконецъ благое и злое не находятся въ одномъ родѣ, но суть сами роды другихъ понятій.

ГЛАВА IX.

1. Что нибудь называется *первѣйшимъ*[1] въ четвероякомъ смыслѣ:

2. Прежде всего и преимущественно[2] *по времени*, относительно котораго что нибудь называется древнѣе или старѣе, нежели другое; въ самомъ дѣлѣ, мы называемъ что-либо древнѣйшимъ или старѣйшимъ только потому, что прошло продолжительнѣйшее пространство времени.

1. Prius aliud alio.

2. Primum ac maxime tempore.

3. Δεύτερον δὲ τὸ μὴ ἀντιστρέφον κατὰ τὴν τοῦ εἶναι ἀκολούθησιν· οἷον τὸ ἓν τῶν δύο πρότερον· δυοῖν μὲν γὰρ ὄντοιν, ἀκολουθεῖ εὐθὺς τὸ ἓν εἶναι· ἑνὸς δὲ ὄντος, οὐκ ἀναγκαῖον δύο εἶναι· ὥστε οὐκ ἀντιστρέφει ἀπὸ τοῦ ἑνὸς ἡ ἀκολούθησις τοῦ εἶναι τὸ λοιπόν. Πρότερον δὲ δοκεῖ τὸ τοιοῦτον εἶναι, ἀφ᾽ οὗ μὴ ἀντιστρέφει ἡ τοῦ εἶναι ἀκολούθησις.

4. Τρίτον δὲ κατά τινα τάξιν τὸ πρότερον λέγεται, καθάπερ ἐπὶ τῶν ἐπιστημῶν καὶ τῶν λόγων. Ἔν τε γὰρ ταῖς ἀποδεικτικαῖς ἐπιστήμαις ὑπάρχει τὸ πρότερον καὶ τὸ ὕστερον τῇ τάξει· τὰ γὰρ στοιχεῖα πρότερα τῶν διαγραμμάτων τῇ τάξει· καὶ ἐπὶ τῆς γραμματικῆς τὰ στοιχεῖα πρότερα τῶν συλλαβῶν· ἐπί τε τῶν λόγων ὁμοίως· τὸ γὰρ προοίμιον τῆς διηγήσεως πρότερον τῇ τάξει ἐστίν.

5. Ἔτι παρὰ τὰ εἰρημένα τὸ βέλτιον καὶ τὸ τιμιώτερον πρότερον τῇ φύσει δοκεῖ. Εἰώθασι δὲ καὶ οἱ πολλοὶ τοὺς ἐντιμοτέρους, καὶ μᾶλλον ἀγαπωμένους ὑπ᾽ αὐτῶν, προτέρους παρ᾽ αὐτοῖς φάσκειν εἶναι. Ἔστι μὲν δὴ καὶ σχεδὸν ἀλλοτριώτατος τῶν τρόπων οὗτος. Οἱ μὲν οὖν λεγόμενοι τρόποι τοῦ προτέρου σχεδὸν τοσοῦτοί εἰσι.

6. Δόξειε δ᾽ ἂν παρὰ τοὺς εἰρημένους καὶ ἕτερος εἶναι προτέρου τρόπος. Τῶν γὰρ ἀντιστρεφόντων κατὰ τὴν τοῦ εἶναι ἀκολούθησιν τὸ αἴτιον ὁπωσοῦν θατέρῳ τοῦ εἶναι πρότερον εἰκότως τῇ

3. Во вторыхъ первѣйшимъ называется то, отъ чего нельзя обратно заключить къ существованію другаго[3]. Такъ единица первѣе двухъ: ежели есть два, то непремѣнно слѣдуетъ, что есть единица, но если есть единица, то не необходимо, чтобы было два; отъ единицы не слѣдуетъ обратно заключеніе о существованіи слѣдующихъ чиселъ. И такъ первѣйшее есть конечно то, отъ чего нельзя взаимно заключить о существованіи другаго.

4. Въ третьихъ о первенствѣ говорится по отношенію къ извѣстному *порядку*[4], напр. въ наукахъ, или рѣчахъ. Въ наукахъ доказательныхъ (аподиктическихъ)[5] есть первѣйшее и послѣдствующее относительно извѣстнаго порядка. Такъ основанія (стихіи)[6] предшествуютъ въ порядкѣ математическимъ фигурамъ; въ грамматикѣ буквы первѣе слоговъ[7]. Тоже въ рѣчахъ: предисловіе первѣе изложенія, по порядку[8].

5. Кромѣ этого, кажется, что *лучшее* и *почтеннѣйшее*[9] есть по природѣ первѣйшее. Обыкновенно о тѣхъ лицахъ, кои почтены высшею властію и, которыя наиболѣе любимы, мы говоримъ, что они суть первѣйшія. Впрочемъ этотъ видъ первѣйшаго сюда весьма мало относится. Столько родовъ первѣйшаго, — по нашему мнѣнію.

6. Впрочемъ, можетъ быть, должно принять, что, кромѣ наименованныхъ родовъ первѣйшаго, есть еще одинъ родъ. Такъ въ предметахъ, взаимно условливающихся относительно предположенія ихъ существованія, тотъ предметъ, который нѣкоторымъ образомъ есть вина бытія другаго, долженъ быть, по видимому, названъ по природѣ первѣйшимъ.

---

3. Quod non reciprocatur secundum existentiae consecutionem.

4. Ratione ordinis.

5. Доказательство выводится изъ того, что истинно, что *первѣе* и извѣстнѣе, нежели доказываемое. Anal. post I. 2. Но требуя, чтобы первыя положенія содержали истинное, необходимое, всеобщее, Арист. всегда имѣетъ въ виду, говоря объ аподиктическихъ знаніяхъ, знанія математическія; въ нихъ выступаетъ въ философіи метода доказательная во всей силѣ и строгости Случайное изъ доказательства исключается. Anal. post. IV. и VI.

6. Στοιχεία, елементы, стихіи въ математикѣ называются (Метаф. V. 3.) высшія доказательства, которыя содержатся въ многихъ другихъ доказательствахъ. Это и есть елементы или стихіи доказательствъ математическихъ. Извѣстно, что Евклидъ (род. 308) главное свое сочиненіе назвалъ στοιχεία, стихіи чистой матиматики, рѣшительно въ духѣ Аристотелевой философіи.

7. Стихіи звука суть то, изъ чего состоитъ звукъ и на что онъ разлагается, разлагается такъ, что послѣдніе елементы не могутъ быть опять подобнымъ образомъ разложены.

8. Раздѣленіе рѣчи встрѣчаемъ мы въ Rhet. III. 13. Части ея суть προοιμιον, введеніе; διήγησις, повѣствованіе, τὰ πρὸς τὸν ἀντίδικον, опровержение противниковъ. ἀντιπαραβολή, сравнительное противопоставленіе своихъ и чужихъ доводовъ, и наконецъ ἐκάνοδις, зиключеніе съ сосредоточеніемъ въ немъ всѣхъ доказательствъ. Впрочемъ Арист. замѣчаетъ, что у его современниковъ раздѣленіе рѣчи доходило до смѣшной формальности. Самъ онъ принимаетъ только двѣ необходимыя части: προβλημα, предложеніе и ἀποδειξίς, доказательство.

9. Met. 1. 2. Философія называется первою наукою, потому что она есть наука, господствующая надъ другими, (не служащая) почтеннѣйшая

φύσει λέγοιτ' ἄν· ὅτι δὲ ἐστί τινα τοιαῦτα, δῆλον. Τὸ γὰρ εἶναι ἄνθρωπον ἀντιστρέφει κατὰ τὴν τοῦ εἶναι ἀκολούθησαν πρὸς τὸν ἀληθῆ περὶ αὐτοῦ λόγον. Εἰ γάρ ἐστιν ἄνθρωπος, ἀληθὴς ὁ λόγος, ᾧ λέγομεν, ὅτι ἔστιν ἄνθρωπος. Καὶ ἀντιστρέφει γε· εἰ γὰρ ἀληθὴς ὁ λόγος, ᾧ λέγομεν, ὅτι ἐστὶν ἄνθρωπος, ἔστιν ἄνθρωπος. Ἔστι δὲ ὁ μὲν ἀληθὴς λόγος οὐδαμῶς αἴτιος τοῦ εἶναι τὸ πρᾶγμα· τὸ μέντοι γε πρᾶγμα φαίνεταί πως αἴτιον τοῦ ἀληθῆ τὸν λόγον εἶναι· τῷ γὰρ εἶναι τὸ πρᾶγμα, ἢ μὴ εἶναι, ἀληθὴς ὁ λόγος, ἢ ψευδὴς λέγεται. Ὥστε κατὰ πέντε τρόπους ἕτερον πρότερον λέγοιτ' ἄν.

CAPUT X.

Ἅμα δὲ λέγεται ἁπλῶς μὲν καὶ κυριώτατα, ὧν ἡ γένεσις ἐν τῷ αὐτῷ χρόνῳ. Οὐδέτερον γὰρ πρότερον οὐδὲ ὕστερον αὐτῶν ἐστιν. Ἅμα δὲ κατὰ τὸν χρόνον ταῦτα λέγεται.

2. Φύσει δὲ ἅμα, ὅσα ἀτιστρέφει μὲν κατὰ τὴν τοῦ εἶναι ἀκολούθησιν, μηδαμῶς δὲ αἴτιον θάτερον θατέρῳ τοῦ εἶναί ἐστιν· οἷον ἐπὶ τοῦ διπλασίου καὶ τοῦ ἡμίσεος· ἀντιστρέφει μὲν γὰρ ταῦτα· διπλασίου γὰρ ὄντος ὕμισύ ἐστι· καὶ ἡμίσεος ὄντος, διπλάσιόν ἐστιν. Οὐδέτερον δὲ οὐδετέρῳ τοῦ εἶναί ἐστιν αἴτιον.

3. Καὶ τὰ ἐκ τοῦ αὐτοῦ γένους ἀντιδιῃρημένα ἀλλήλοις ἅμα τῇ φύσει λέγεται· ἀντιδιῃρῆσθαι δὲ λέγεται ἀλλήλοις τὰ κατὰ τὴν αὐτὴν διαίρεσιν· οἷον τὸ πτηνὸν τῷ πεζῷ, καὶ τῷ ἐνύδρῳ. Ταῦτα

Что есть нѣчто такое, это очевидно. Напр. когда мы говоримъ: человѣкъ существуетъ, то тутъ есть взаимное соотношеніе между существованіемъ человѣка и истиннымъ сужденіемъ, которое мы высказали о семъ существованіи; дѣйствительно, если человѣкъ существуетъ, то и предположеніе, коимъ мы высказываемъ, что человѣкъ существуетъ, есть истинно. Мы правильно скажемъ тоже самое и обратно: если предложеніе, коимъ высказываемъ, что человѣкъ существуетъ, есть истинно, то человѣкъ этотъ дѣйствительно существуетъ. Но предложеніе, какъ бы оно ни было истинно, не можетъ быть основаніемъ, что предметъ есть, а скорѣе самый предметъ есть основаніе того, что сказуемое истинно, такъ какъ по тому признаку, существуетъ ли предметъ или его нѣтъ, сужденіе есть или истинно, или ложно[10]. И такъ первѣйшее употребляется въ пяти смыслахъ.

ГЛАВА X.

1. *Совокупнымъ* въ простомъ и особенномъ смыслѣ[1] называется то, что произошло въ одно и тоже время. Въ совокупномъ нѣтъ ни первѣйшаго, ни послѣдствующаго; совокупное существуетъ въ одно и тоже время.

2. Совокупнымъ въ природѣ[2] называются предметы, въ которыхъ отъ существованія одного слѣдуетъ существованіе другаго; но не такъ, чтобы одинъ предметъ былъ основаніемъ бытія для другаго[3]. Это ясно видно въ двойномъ и половинѣ: обѣ величины находятся въ взаимномъ соотношеніи: ежели есть двойное, есть и половина, и наоборотъ, есть половина, есть и двойное: но ни одно изъ двухъ не есть причина бытія другаго.

3. Понятія, взятыя изъ одного рода, но поставленныя одно противъ другаго, какъ члены дѣленія, суть также отъ природы совокупны[4]. Членами дѣленія, противопоставленными другъ другу, называется то,

10. Это пятый видъ первѣйшаго. Первѣйшее и позднѣйшее разсматриваетъ Аристотель Мет. V. 11. и раздѣляетъ иначе эти понятія. Первѣйшее называется 1) то, что ближе къ опредѣленному началу, 2) ближайшее къ мѣсту; 3) по времени древнѣйшимъ называется *дальнѣйшее* отъ *теперь*; но это тогда, какъ относится къ прошедшему времени, напр. Троянскія войны (sic) были прежде Мидійскихъ; но прежде называется и то, что ближе къ теперь, но это относится къ будущему; напр. Немейскія игрища прежде Пиѳійскихъ: первыя ближе къ теперь. 4) Прежде бываетъ по движенію: отрочество прежде мужества 5) Первѣйшее по силѣ, возможности, 6) по порядку, 7) по значенію и пр. и пр

1. Simul, simpliciter et maxime. Для понятія *совокупнаго* разсматриваемое нами мѣсто есть главное; въ метаф. оно опредѣляется XI книг. гл. 12. «Вмѣстѣ, совокупно, (ἅμα, simul) по мѣсту есть то, что находится на одномъ мѣстѣ; *порознь*, (χωρὶς separata sunt), что находится на разныхъ мѣстахъ. Есть что либо въ соприкосновеніи, (ἅπτεσθαι), то своими оконечностями находится вмѣстѣ. Средина, центръ есть то, что скорѣе постигаемо бываетъ перемѣною, ежели только переходъ, сообразно природѣ, бываетъ связно—непрерывный.

2. Natura simul.

3. Nullo modo alterum est caussa, cur alterum sit.

4. Ea eodem genere sibi invicem divisa opponuntur.

γὰρ ἀλλήλοις ἀντιδιαιρεῖται, ἐκ τοῦ αὐτοῦ γένους ὄντα· τὸ γὰρ ζῶον διαιρεῖται εἰς ταῦτα, εἴ τε τὸ πτηνὸν, καὶ τὸ πεζὸν, καὶ τὸ ἔνυδρον· καὶ οὐδὲν γε τούτων πρότερον ἢ ὕστερόν ἐστιν, ἀλλ' ἅμα τῇ φύσει τὰ τοιαῦτα δοκεῖ εἶναι. Διαιρεθείη δ' ἂν καὶ τούτων ἕκαστον εἰς εἴδη πάλιν· οἷον τὸ πτηνὸν, καὶ τὸ πεζὸν, καὶ τὸ ἔνυδρον. Ἔσται οὖν κἀκεῖνα ἅμα τῇ φύσει, ὅσα ἐκ τοῦ αὐτοῦ γένους κατὰ τὴν αὐτὴν διαίρεσίν ἐστι.

4. Τὰ δὲ γένη τῶν εἰδῶν ἀεὶ πρότερα· οὐ γὰρ ἀντιστρέφει κατὰ τὴν τοῦ εἶναι ἀκολούθησιν· οἷον, ἐνύδρου μὲν ὄντος, ἔστι ζῶον· ζώου δὲ ὄντος, οὐκ ἀνάγκη ἔνυδρον εἶναι.

что принадлежитъ къ одному раздѣленному цѣлому, напр. члены дѣленія: пернатыя животныя поставлены въ противоположность животнымъ земнороднымъ и водянымъ: земнородное и водяное, вышедшее изъ одного рода, вслѣдствіе дѣленія, поставлены другъ противъ друга: Въ самомъ дѣлѣ, родъ ихъ (животныя) дѣлится на эти разряды: на пернатыхъ, водяныхъ и земнородныхъ; въ нихъ нѣтъ ни первѣйшаго, ни послѣдствующаго: они существуютъ совокупно по естеству. Потомъ каждый членъ дѣленія можетъ быть разложенъ на свои виды. И такъ все то будетъ отъ природы *вмѣстѣ*, что происходитъ отъ одного рода, и принадлежатъ къ одному подраздѣленію[5].

4. Но роды всегда первѣе видовъ[6]: отъ нихъ нельзя обратно сдѣлать заключенія къ существованію видовъ; напр. если есть водяное животное, то есть животное, но если есть животное, то не слѣдуетъ, что есть водяное животное.

5. Раздѣленіе (divisio) и опредѣленіе (definitio) соединены тѣснѣйшимъ образомъ. Раздѣленія не можетъ быть, если нѣтъ родоваго понятія; оно и дѣлится на свои виды. Различія усматриваются на основаніи одного какого нибудь единственнаго, существеннаго признака—это есть основаніе дѣленія. Самые виды, на кои родъ дѣлится суть, члены дѣленія или ἀντιδιηρημενα, о которыхъ здѣсь говорится. Эти виды противоположны (противны) другъ другу и называются у Логиковъ весьма не точно координатами относительно другъ друга: въ координатахъ не выставлена противоположность: греческое названіе у Аристотеля ἀντιδιηρημένα напротивъ выражаетъ и раздѣльность и противоположность. См. Anal post. III 2. и 13. topic. VII. 6.

6. Genera speciebus semper priora sunt.

5. Ἅμα οὖν τῇ φύσει λέγεται, ὅσα ἀντιστρέφει μὲν κατὰ τὴν τοῦ εἶναι ἀκολούθησιν, μηδαμῶς δὲ ἕτερον ἑτέρῳ αἴτιον τοῦ εἶναί ἐστι, καὶ τὰ ἐκ τοῦ αὐτοῦ γένους ἀντιδιῃρημένα ἀλλήλοις· ἁπλῶς δὲ ἅμα, ὧν ἡ γένεσις ἐν τῷ αὐτῷ χρόνῳ ἐστί.

CAPUT XI.

Κινήσεως δὲ ἐστιν εἴδη ἕξ· γένεσις, φθορά, αὔξησις, μείωσις, ἀλλοίωσις, καὶ ἡ κατὰ τόπον μεταβολή.

2. Αἱ μὲν οὖν ἄλλαι κινήσεις, φανερὸν, ὅτι ἕτεραι ἀλλήλων εἰσίν. Οὐ γάρ ἐστιν ἡ γένεσις φθορά· οὐδὲ γε ἡ αὔξησις μείωσις· οὐδὲ ἡ ἀλλοίωσις κατὰ τόπον μεταβολή· ὡσαύτως δὲ καὶ αἱ ἄλλαι.

5. И такъ совокупными въ природѣ называются тѣ предметы, въ которыхъ, хотя мы отъ существованія одного заключаемъ о существованіи другихъ, но не такъ, чтобы одинъ предметъ стоялъ въ основаніи бытія другаго. Въ простомъ смыслѣ совокупно бываетъ то, что зачинается и бываетъ въ одно и то же время.—

ГЛАВА XI.

1. Движеніе[1] содержитъ шесть видовъ: происхожденіе, прехожденіе, возрастаніе, уменьшеніе, измѣненіе и перемѣщеніе.

2. Очевидно, что эти виды движенія, различествуютъ между собою: происхожденіе не есть прехожденіе; возрастаніе не есть уменьшеніе и не есть перемѣщеніе, или другое какое либо движеніе.

1. Глава о движеніи, сравнительно съ тѣмъ объемомъ, какой даетъ Арист. сему понятію, изложена слабо: всѣ виды его, здѣсь названные, относятся къ сферѣ эмпиризма и не развиты діалектически. Буле и Кругъ эту главу даже считали вставочною, распространяя это сомнѣніе и на всѣ постпредикаменты, такъ какъ они носятъ нѣсколько иной характеръ изложенія У Аристотеля въ существахъ физическихъ и метафизическихъ движеніе есть великій дѣятель: движеніемъ все изъ міра возможности переходитъ въ міръ дѣйствительности: Движеніе есть видъ перемѣны: перемѣна происходитъ изъ противнаго въ противное: она бываетъ или отъ не сущаго въ сущее, и называется тогда происхожденіе, или изъ сущаго въ несущее и есть прехожденіе, тлѣніе. Всякое движеніе есть перемѣна, но не всякая перемѣна есть движеніе напр. происхожденіе, тлѣніе. Виды движенія суть: происхожденіе, (γένεσις, ortus) и прехожденіе (φθορά, interitus); возрастаніе

3. Ἐπὶ δὲ τῆς ἀλλοιώσεως ἔχει τινὰ ἀπορίαν, μή ποτε ἀναγκαῖον ᾖ, τὸ ἀλλοιούμενον κατά τινα τῶν λοιπῶν κινήσεων ἀλλοιοῦσθαι. Τοῦτο δὲ οὐκ ἀληθὲς ἐστι· σχεδὸν γὰρ κατὰ πάντα τὰ πάθη, ἢ τά γε πλεῖστα, συμβέβηκεν ἀλλοιοῦσθαι ἡμᾶς, οὐδεμιᾶς τῶν ἄλλων κινήσεων κοινωνούσης· οὔτε γὰρ αὔξεσθαι ἀναγκαῖον τὸ κατὰ πάθος κινούμενον, οὔτε μειοῦσθαι· ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων· ὥσθ' ἑτέρα ἂν εἴη παρὰ τὰς ἄλλας κινήσεις ἡ ἀλλοίωσις· εἰ γὰρ ἦν ἡ αὐτὴ, ἔδει τὸ ἀλλοιούμενον εὐθὺς καὶ αὔξεσθαι, ἢ μειοῦσθαι, ἢ τινα τῶν ἄλλων ἀκολουθεῖν κινήσεων· ἀλλ' οὐκ ἀνάγκη.

4. Ὡσαύτως δὲ καὶ τὸ αὐξανόμενον, ἤ τινα ἄλλην κίνησιν κι-

3. При измѣненіи[2] является трудный вопросъ: не необходимо ли допустить, что, если что-либо измѣняется, то измѣняется въ слѣдствіе какого нибудь другаго вида движенія? Но это предположеніе не справедливо. Такъ мы подвергаемся измѣненію во всѣхъ состояніяхъ, или по крайней мѣрѣ большей части ихъ, но при этомъ мы бываемъ недоступны дѣйствію какого нибудь движенія. Въ самомъ дѣлѣ не бываетъ, чтобы тотъ, кто движется какимъ нибудь ощущеніемъ, тогда же необходимо въ слѣдствіе какого нибудь другаго ощущенія приходилъ въ большее или меньшее движеніе[3], или вообще испытывалъ какое либо другое движеніе. И такъ измѣненіе есть движеніе отдѣльное, особенное отъ другихъ видовъ движенія. Еслибы движеніе было тоже самое, что которое нибудь изъ упомянутыхъ видовъ движенія, то необходимо было бы, чтобы измѣняемый предметъ или возрасталъ или уменьшался, или испытывалъ тогда же который нибудь изъ другихъ видовъ движенія. Но это не необходимо.

4. Равномѣрно, было бы нужно, чтобы все, что увеличивается, или

(αὔξησις, auctio) и уменьшеніе (μείωσις, diminutio); перемѣщеніе, κατὰ τόπον μεταβολή.

2. Измѣненіе есть движеніе относительно качества или, лучше сказать, состоянія, къ которому предметъ способенъ или не способенъ.

3. Приходилъ въ *большее* или *меньшее* движеніе. Странно, что здѣсь движеніе качественное соединено съ движеніемъ количественнымъ. Качественныя движенія совершенно различны другъ отъ друга, но въ количественномъ иногда противоположности сглаживаются: количественное связно-непрерывное есть такого свойства: оно переходитъ въ динамическое и становится качествомъ.

νούμενον, ἔδει ἀλλοιοῦσθαι. Ἀλλ' ἔστι τινὰ αὐξανόμενα, ἃ οὐκ ἀλλοιοῦται· οἷον τὸ τετράγωνον, γνώμονος περιτεθέντος, ηὔξηται μὲν, ἀλλοιότερον δὲ οὐδὲν γεγένηται· ὡσαύτως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων τῶν τοιούτων· ὥσθ' ἕτεραι ἂν εἴησαν αἱ κινήσεις ἀλλήλων.

5. Ἔστι δὲ ἁπλῶς τῇ μὲν κινήσει ἠρεμία ἐναντίον· ταῖς δὲ καθ' ἕκαστα αἱ καθ' ἕκαστα· γενέσει μὲν φθορά· αὐξήσει δὲ μείωσις· τῇ δὲ κατὰ τόπον μεταβολῇ ἡ κατὰ τόπον ἠρεμία. Μάλιστα δὲ ἔοικεν ἀντικεῖσθαι ἡ εἰς τὸν ἐναντίον τόπον μεταβολὴ, οἷον τῇ κάτωθεν ἡ ἄνω, τῇ δὲ ἄνωθεν ἡ κάτω.

6. Τῇ δὲ λοιπῇ τῶν ἀποδοθεισῶν κινήσεων, οὐ ῥᾴδιον ἀποδοῦναι, τί ποτέ ἐστιν ἐστιν ἐναντίον. Ἔοικε δὲ οὐδὲν εἶναι αὐτῇ ἐναντίον· εἰ μή τις καὶ ἐπὶ ταύτης τὴν κατὰ τὸ ποιὸν ἠρεμίαν ἀντιθείη, ἢ τὴν εἰς τὸ ἐναντίον τοῦ ποιοῦ μεταβολήν· καθάπερ καὶ ἐπὶ τῆς κατὰ τόπον μεταβολῆς τὴν κατὰ τόπον ἠρεμίαν, ἢ τὴν εἰς τὸν ἐναντίον τόπον μεταβολήν· ἔστι γὰρ καὶ ἡ ἀλλοίωσις μεταβολὴ

движется какимъ нибудь образомъ, подвергалось измѣненію; но есть многое, что, бывъ увеличено, еще по этому не измѣняется никогда. Напр. если мы увеличимъ четвероугольникъ, то мы ничего не сдѣлаемъ, какъ только увеличимъ его поверхность, но четвероугольныкъ удержитъ прежнее очертаніе. Тоже нужно сказать и о другомъ подобномъ. И такъ всѣ эти виды движенія различны другъ отъ друга.

5. Движенію просто противополагается покой; но каждому виду движенія противоположенъ и другой видъ движенія: напр. происхожденію прехожденіе, возрастанію — уменьшеніе, перемѣщенію — мѣстный покой (остаться на томъ же мѣстѣ). Впрочемъ перемѣщенію, кажется, преимущественно противно движеніе, въ противномъ направленіи сдѣланное; напр. движенію съ верху противоположно движеніе съ низу.

6. Не легко указать, что противоположно остальному виду движенія — измѣненію: можетъ быть ему должно противопоставить покой относительно качества, или перемѣну въ противоположное качество, такъ какъ перемѣщенію противополагается или мѣстный покой или движеніе въ противоположное направленіе, потому что измѣненіе есть перемѣна качества. И такъ измѣненію качественному будетъ противопо-

κατὰ τὸ ποιόν· ὥστε ἀντίκειται τῇ κατὰ τὸ ποιὸν κινήσει ἡ κατα τὸ ποιὸν ἠρεμία, ἢ ἡ εἰς τὸ ἐναντίον τοῦ ποιοῦ μεταβολή· οἷον τὸ λευκὸν γίνεσθαι τῷ μέλαν γίνεσθαι· ἀλλοιοῦται γάρ, εἰς τὰ ἐναντία τοῦ ποιοῦ μεταβολῆς γινομένης.

CAPUT XII.

Τὸ δὲ ἔχειν κατὰ πλείους τρόπους λέγεται.

2. Ἢ γὰρ ὡς ἕξιν καὶ διάθεσιν, ἢ ἄλλην τινὰ ποιότητα· λεγόμεθα γὰρ καὶ ἐπιστήμην ἔχειν, καὶ ἀρετήν.

3. Ἢ ὡς ποσόν· οἷον ὃ τυγχάνει τις ἔχειν μέγεθος· λέγεται γὰρ τρίπηχυ μέγεθος ἔχειν, ἢ τετράπηχυ.

4. Ἢ ὡς τὰ περὶ τὸ σῶμα· οἷον ἱμάτιον, ἢ χιτῶνα.

5. Ἢ ὡς ἐν μορίῳ· οἷον ἐν χειρὶ δακτύλιον.

6. Ἢ ὡς μέρος· οἷον χεῖρα, ἢ πόδα.

ложно или спокойствіе качественное или перемѣна качествъ въ противоположное: напр. качеству: «быть бѣлымъ» противоположно «быть чернымъ»; предметъ измѣняется, когда одно качество совершаетъ переходъ въ качество противоположное.

ГЛАВА XII.

1. *Имѣть* употребляется многоразлично:

2. Во первыхъ, какъ навыкъ (постоянное свойство), или какъ состояніе, или какъ другое какое качество. Мы говоримъ; онъ имѣетъ какое либо знаніе, или какую либо добродѣтель.

3. Во вторыхъ *имѣть* относится къ количественному, напр. къ высокому росту; мы говоримъ: онъ имѣетъ три или четыре локтя въ вышину.

4. *Имѣть* говорится о томъ, что мы носимъ на своемъ тѣлѣ, напр. о мантіи, одеждѣ.

5. Если что носимъ на какой нибудь части тѣла: напр. о кольцѣ на рукѣ.

6. *Имѣть* относится къ частямъ тѣла: напр. къ рукѣ или ногѣ.

7. Ἢ ὡς ἐν ἀγγείῳ· οἷον ὁ μέδιμνος τοὺς πυρούς, ἢ τὸ κεράμιον τὸν οἶνον· οἶνον γὰρ ἔχειν λέγεται τὸ κεράμιον, καὶ ὁ μέδιμνος πυρούς. Ταῦτ' οὖν πάντα, ὡς ἐν ἀγγείῳ, ἔχειν λέγεται.

8. Ἢ ὡς κτῆμα· ἔχειν γὰρ οἰκίαν ἢ ἀγρὸν λεγόμεθα.

9. Λέγεται δὲ καὶ ὁ ἀνὴρ γυναῖκα ἔχειν, καὶ ἡ γυνὴ ἄνδρα· ἔοικε δὲ ἀλλοτριώτατος ὁ νῦν ῥηθεὶς τρόπος τοῦ ἔχειν· οὐδὲν γὰρ ἄλλο τῷ ἔχειν γυναῖκα σημαίνομεν, ἢ ὅτι συνοικεῖ.

10. Ἴσως δὲ ἂν καὶ ἄλλοι τινὲς φανείησαν τοῦ ἔχειν τρόποι. οἱ δὲ εἰωθότες λέγεσθαι σχεδὸν ἅπαντες κατηρίθμηνται.

7. Говорится о сосудѣ, вмѣщающемъ что нибудь, о медимнѣ жита или штофѣ съ виномъ; (по гречески) очень хорошо можно сказать: медимнъ имѣетъ жито; штофъ — вино: о всемъ этомъ говорится, что медимнъ и штофъ имѣютъ какъ мѣры вмѣстимости.

8. *Имѣть* выражаетъ владѣніе: мы говоримъ онъ имѣетъ домъ, поле.

9. Говорятъ: мужъ имѣетъ жену; о женѣ говорятъ: жена имѣетъ мужа: послѣднее употребленіе есть самое несвойственное: мужъ имѣетъ жену, значитъ просто: онъ живетъ съ женою[1].

10. Можетъ быть есть еще значенія глагола *имѣть*; но обыкновенно встрѣчающіяся почти всѣ здѣсь исчислены[2].

1. Это мѣсто иные подвергаютъ порицанію утверждая, что Арист. низвелъ бракъ до простаго сожитія. Аристотель ставитъ бракъ весьма высоко въ государствѣ и совѣтуетъ законодателю (Eth. Nic.) не опускать ничего, что относится къ браку. Въ бракѣ сожительство есть одна изъ его существенныхъ принадлежностей.

2. О глаголѣ ἔχειν смотри выше прим. 2. главы 9. Въ Русскомъ языкѣ употребленіе глагола *имѣть* весьма замѣчательно: будучи катигоріею принадлежности, онъ чаще всего замѣщается субстанціальнымъ, (существительнымъ) глаголомъ: быть (у меня есть книга) Въ древне-славянскомъ діалектѣ онъ есть вспомогательный глаголъ для будущаго времени. Въ словопроизведеніи есть корень самый оригинальный въ своемъ логическомъ развитіи, соединяя понятія заимствованныя отъ формъ *иму* и *емлю*, *ять*. Составляясь съ предлогами, онъ образуетъ термины, выражающія самыя главныя *дѣятельности ума и мысленія*, каковы: вн*имат*ь, вн*ятн*ый, обн*имат*ь, объ*емъ*, перен*имат*ь, пере*имч*ивый пон*ятіе*, воспрі*ятіе* и пр. и пр. Сюда же безъ сомнѣнія относится и умъ (емлю, объ-*емъ*), ум-ный, ум-ѣть, умѣнье (ἕξις, см. выше); равно: раз-*умъ*, раз-*ум*ѣніе, прораз*ум*ѣть. Здѣсь же надобно помѣстить и па-*мять*, воспоминаніе и ихъ производныя.

КОНЕЦЪ КАТИГОРІЙ.